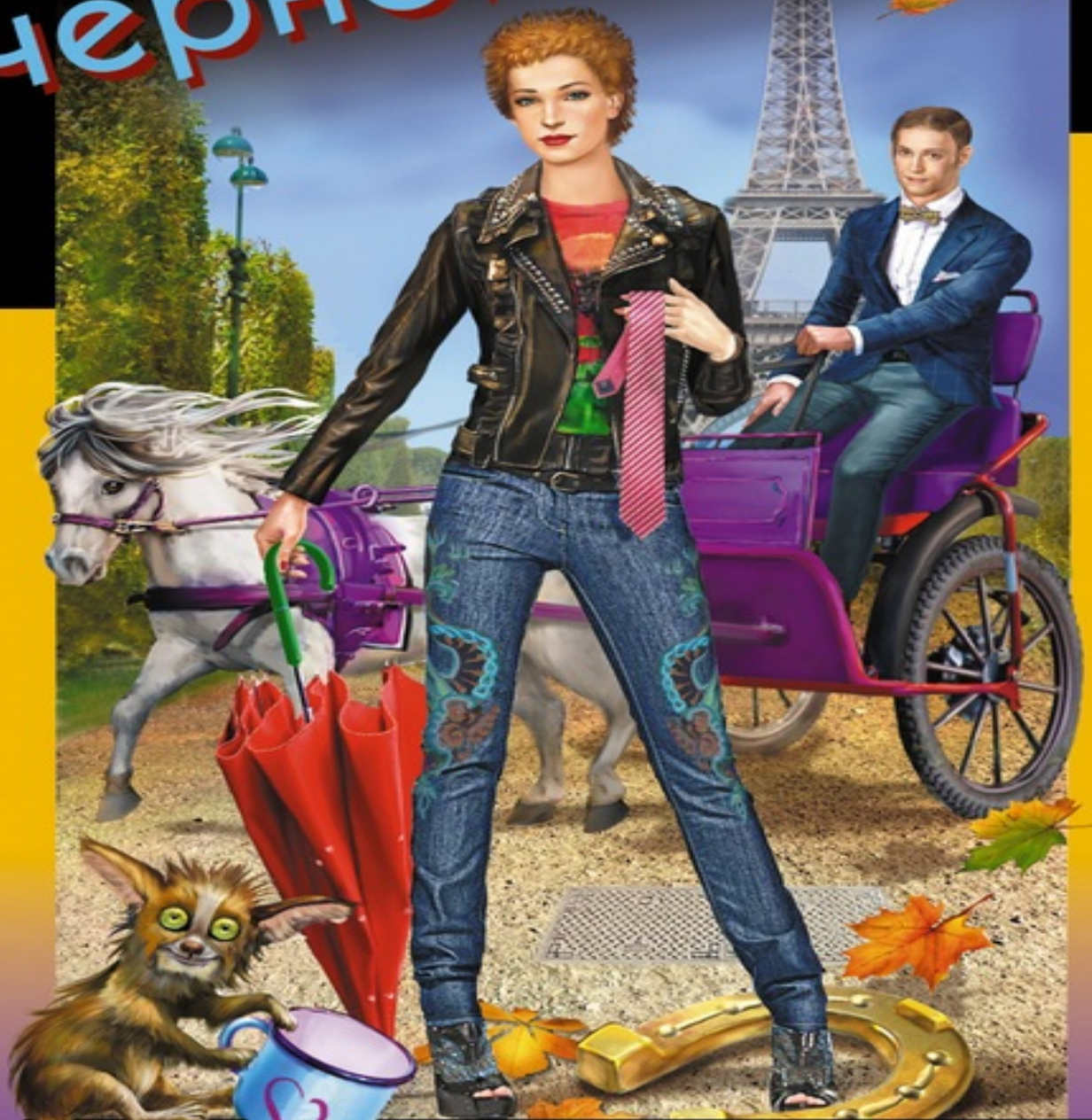

Дарья Донцова

Мрянник с черной икрой

Следствие ведет детектив **Евлампия Романова**

Annotation

Новое расследование буквально заявилось к Евлампии Романовой на дом — нужно срочно разобраться со странной смертью соседки. Да нет, точно Надежда Владимировна Реутова не могла совершить самоубийство, не тот у нее характер, к тому же и место происшествия обставлено уж слишком нарочито. Словно кто-то спектакль с криминальным сюжетом поставил, а декорации для него — дом, куда Лампа и ее муж Макс Вульф недавно переехали. И надо же, не успели сыщики с одной смертью разобраться, как погиб другой сосед. Тот, правда, сдавал свою квартиру, но машина его сбила явно не случайно. Кому же настолько помешали пенсионерка и садовник?.. Сложное дело, а у Лампы между тем появился новый член семьи: неизвестное науке животное — котопес по кличке Генриетта Карловна Сидорова...

- [Дарья Донцова](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Эпилог](#)
-

Дарья Донцова
Пряник с черной икрой

Глава 1

Любовь мужа к жене проверяется шопингом...

Я поставила многочисленные пакеты на пол в холле и выдохнула. Сегодня у меня неожиданно сломался зонтик. Нужно было приобрести новый, и ноги принесли меня в большой торговый центр... И каков результат?

Мой взгляд пробежал по армии пакетов с покупками. Помнится, я купила свитер, платье и теплые штанишки для Кисы...

Стоп! За детские вещи ругать себя не стоит, девочка очень быстро растет, сейчас самое начало октября, вот-вот наступят холода, и брючки с начесом точно понадобятся. Что там еще? Пудра, губная помада, тушь, тени, румяна... А кто виноват, что моя косметичка куда-то подевалась вместе со всем содержимым? И ботиночки осенние у меня поистрепались, пришлось купить две пары. Почему не одну? Объясняю: сначала я приобрела очень симпатичные на толстой белой подошве, а чуть позже увидела восхитительные черные ботильоны. Ну согласитесь, бегать осенью в дождь по московским улицам в обуви со светлой подошвой глупо. Во что она в первый же день превратится? Значит, нужно еще что-то для слякоти, темненькое. Исключительно ради сохранения красоты первой пары обуви мне пришлось купить вторую. Я не из тех женщин, которые тратят деньги зря, и этот конкретный случай является свидетельством моей рачительности. Еще я купила красивый шарф, кожаную куртку, две новые попонки для Фиры и Муси (у мопсов есть комбинезоны, но уже старые), подборку книг Смоляковой, форму для торта (ну очень понравилась — силиконовая, голубого цвета), скатерть в столовую (я давно такую искала, с вышитыми щенками-котятами), коврик в мою ванную (там есть половичок, но на новом изображен умильный мопс). Одним словом, всё сплошь очень нужные приобретения. Дальше уже по мелочи: кошелек, перчатки, коробка конфет, набор пирожных, два кухонных полотенца с прелестным орнаментом, четыре салатника... Ну ничего лишнего!

Из сумки полетела веселая трель, я вытащила мобильный.

— Я посмотрел... — начал Макс.

— Знаю, знаю, — перебила я мужа, — на карточке осталось сто два рубля тринадцать копеек. Сейчас все объясню. Я пошла купить зонтик, старый не открывается, а в магазине удачно попалась масса необходимых вещей. Вот, к примеру, пелеринки для Фиры и Муси. Они розовые с

рюшечками, на спинках вышиты сердца и стразы приклеены. У мопсик есть комбезики, но старые, потерянные. Выйду я во двор в новых ботильонах, кожаной куртке, шарфе и перчатках, а собаки рядом — как бомжихи. Некрасиво, правда?

— Конечно, — согласился Макс. — Как правило, счастливая псинка одета лучше своей владелицы.

Я пришла в восторг — никто не понимает меня так, как Вульф!

— Поэтому на карточке больше денег нет. Но я ни копейки на ерунду не спустила.

— Ты все правильно сделала, — успокоил меня Макс.

Я улыбнулась. Вот уж точно: любовь мужа к жене проверяется шопингом.

— Кстати, я и тебе купила подарок. Носки! Невозможно красивые — зеленые с вышитыми красными мопсами.

— Супер! — восхитился супруг. — Идеально подойдут к черному костюму и особенно к оранжевой рубашке с принтом из синих обезьянок, которую мне в этом году Дед Мороз под елку положил.

— Короче, сорочка тебе не понравилась, — расстроено вздохнула я, — ты ее ни разу не надел.

— Просто не было подходящих носков, — пояснил муж, — а теперь комплект собран. Хотя нет. Не хватает шарфа с мишками. Белого. А Топтыгины должны иметь фиолетовый окрас.

— Ты так считаешь? Хм, возможно, такое кашне и попадется мне где-нибудь под руку, — пробормотала я.

— Зонтик-то купила? — поинтересовался муж.

— Ой! — вырвалось у меня. — Забыла...

— Собственно, я звоню не по поводу похудевшей кредитки, — сказал Вульф. — Классная руководительница Кисы сбросила мне эсэмэску. Завтра состоится родительское собрание.

— Почему она тебе написала? — удивилась я. — У нее же есть мой номер.

— Понятия не имею, — ответил Макс. — Ну все! Пополни кредитку и не переживай из-за денег.

Я положила трубку на стол и погладила Фиру с Мусей, которые крутились у ног.

— Сейчас выведу вас, не суетитесь. Но если честно, совершенно не хочется из дома высываться, дождь идет. У вас-то новые попоны теперь есть, а себе глупая Лампа зонтик купить забыла.

Беседу с собаками прервал звонок в дверь. Я ее распахнула и

обрадовалась:

— Наточка!

— Еще раз здрассти, Евлампия Андреевна, — пропела девушка. — Видела, как вы с пакетами в подъезд вошли, ну и подумала: вы устали, наверное, да и дождь на улице. Давайте выйду с мопсиками погулять? Заодно и мусор ваш выкину. Только девочек по погоде одеть надо, а то их собственные шубки промокнули.

Я вытащила розовые попонки.

— Вот!

Ната захлопала в ладоши.

— Красота! Восторг! Теперь ваши мопсята будут самые красивые! Новые, да?

— Сегодня купила, — похвасталась я.

— Цвет, как у принцесс, вышивка, камушки блестящие... — начала нахваливать собачьи обновки Ната. — Просто глаз не оторвать! И еще рюшечки... Даже у Лизы, йорка со второго этажа, такой прелести нет. Надо сказать Надежде Владимировне — вот какие одежки-то шьют.

Я застегнула на Фире воротник.

Если вы думаете, что Наташа Ильина наша домработница, то ошибаетесь. Из помощниц у меня есть только Роза Леопольдовна Краузе, няня Кисы. Правда, сейчас она отсутствует, отпросилась на пару недель. Сказала, мол, у нее какие-то личные дела, но я подозреваю, что она отправилась на пластическую операцию. Краузе очень озабочена своей внешностью. Во всяком случае, в последнее время она постоянно твердила, глядя на себя в зеркало:

— Я слышала, что нос растет в течение всей жизни, но не думала, что он настолько увеличивается. У меня прямо клюв стал, как у тукана!

Надеюсь, когда Роза Леопольдовна вернется, мы ее узнаем.

Так кто же такая, спросите вы, эта Наташа, которая вместо меня пойдет на променад с мопсами, да еще и мусор вынесет? Сейчас все расскажу.

Жили мы в своей квартире, и некоторое время назад у нас появились новые соседи. В апартаменты этажом выше въехала семейная пара, Лена и Сережа. Супруги Волковы воспитанные люди, всегда здороваются при встрече, улыбаются, придерживают двери подъезда, если я иду за ними, гладят мопсиков, приветливы с Кисой. Жить бы нам и радоваться... но, к сожалению, не все было столь лучезарно. Сергей ювелир, делает из разных материалов бижутерию. В одной из комнат он обустроил себе мастерскую. Там у него стоят всякие станки, чтобы резать камень, дерево, пластмассу,

металл. Волков известный мастер, заказов у него масса. Поэтому у нас над головой постоянно стоял гул, скрежет, визг пилы, а через открытое окно в квартиру проникали запахи жженой резины, пластика. Проработав весь день, ювелир хотел отдохнуть, поэтому созывал гостей. Веселые компании собирались почти каждый вечер, народ танцевал, а хозяйка, пианистка, самозабвенно исполняла на фортепьяно разные произведения. Лена талантливый музыкант. Но она очень рассеянная. Например, начнет мыть посуду, хватается за телефон и забывает выключить воду в раковине. Поболтать с подругами Волкова любительница, и беседы ее не раз прекращались лишь в тот момент, когда я или Вульф звонили ей в квартиру и кричали:

— Вы нас затопили!

Кроме того, Лена может включить уют и уйти по делам. Или поставить на плиту суп и лечь спать.

В конце концов нам с Максом надоело вызывать пожарных и мастеров, которые выливали воду из наших натяжных потолков, наскучило подниматься за полночь к соседям и просить их не шуметь. Лена и Сергей всегда извинялись, дарили мне торты, Максу бутылку, но вели себя по-прежнему, и никакой управы на них не было. Короче, нам стало понятно: надо что-то делать. Да и Киса подросла, а ее брат вот-вот вернется в Москву, окончив колледж в Америке. Не ясно, останется ли парень в России или решит работать в США, но ведь он все равно будет прилетать домой, у него должна быть своя комната. А у Кисы крохотная детская, такая кубатура хороша для малышки, школьнице же требуется просторное помещение, куда поместятся не только игрушки, но и книги. В общем, мы поняли, что надо искать другое жилье.

Я занялась решением проблемы, но воз оставался на месте, пока мне не встретила на собачьей площадке Наташа с йорком Лизой.

Ильина не может похвастаться эффектной внешностью — она очень худая, ростом примерно метр семьдесят, с мальчишеской фигурой. Если бы не длинные густые волосы, падающие ниже плеч, ее со спины легко можно принять за парня. Но когда Ната поворачивается к вам лицом, все сомнения отпадают, сразу становится ясно: Ильина принадлежит к женскому полу, причем к той его части, которая отчаянно пользуется макияжем. Брови у нее слишком широкие и черные, а без огромных искусственных, щедро покрашенных тушью ресниц я ее ни разу не видела. Как, впрочем, и без разноцветных теней на веках. Лицо Ната покрывает толстым слоем тонального крема цвета загара и густо запудривает, на щеках у нее пылают розовый румянец. Губы увеличены с помощью карандаша и бордовой

помады. Если смыть с Наты всю эту чудовищную красоту, возможно, она окажется милой и даже симпатичной девушкой, но о ее настоящей внешности мне судить трудно, поскольку я никогда не видела ее без косметики. Однажды поздним вечером, около полуночи, мне срочно понадобилась Ильина, и я отправилась к ней домой. Ната открыла дверь — ее лицо, как всегда, украшал полный боевой раскрас. Может, она не смывает его даже на ночь?

Слава богу, Наташе не пришло в голову соорудить из волос нечто столь же «прекрасное», как ее макияж, ну, скажем, обесцветить их или сделать красно-сине-зелеными. Правда, она косо отстригла челку, которая закрывает весь лоб, но сами роскошные локоны не изуродовала. Голос у лифтерши хриплый, как у курильщицы, хотя с сигаретой она мне не попадалась. Наверное, дымит тайком.

Встречались ли вам красавицы, которые при ближайшем знакомстве оказывались весьма неприятными людьми? А вот с Наташей все наоборот — внешность у нее странная, но я с первой же встречи почувствовала симпатию к очень доброй девушке, которая начала восторгаться Фирой и Мусей. Я похвалила йорка Лизу, и тут Ната объяснила, что собачка вовсе не ее. Девушка обожает животных, но завести собственного любимца не может, потому что работает консьержкой в пятиэтажном доме, который находится чуть поодаль от нашей башни на той же огороженной территории. В пятиэтажке есть полуподвал, в нем оборудовано жилье для консьержки. Там Наташа и живет.

Она всегда на месте. По утрам Ильина выгуливает собак обитателей дома. У Наташи есть ключи от квартир, и в отсутствие хозяев она всегда покормит кошку или псинку, вымоет посуду. Она выносит мусор, следит, чтобы никто посторонний не занял парковочное место жильца дома, с радостью покараулит коляску с малышом, если матери надо отлучиться, сбегает в магазин. Более того. Если в квартире случается какая-то неприятность, не надо хвататься за голову, глядя, как с потолка хлещет вода. Просто позвоните Наташе и спокойно уходите на работу. К вашему возвращению ваше жилье будет иметь первозданный вид. Ната — ангел-хранитель дома, где работает. Естественно, ей платят за услуги, но, поверьте, она целиком и полностью отрабатывает те небольшие деньги, которые получает.

Почему молодая девушка занимается работой, которую обычно выполняют пенсионерки? Ната не умеет ни читать, ни писать. Да, да, она дисграфик и дислексик. Не знаю, почему ее родители не стали усердно заниматься с ребенком, Ильина ничего о своей семье не рассказывает.

Консьержка вообще человек не из болтливых, никогда не говорит о том, что у кого в квартире видела.

Беседуя с Наташей впервые, я еще ничего о ее характере не знала, но неожиданно для себя рассказала ей о проблемах с соседями. Она посочувствовала, а через неделю позвонила к нам в дверь и сообщила:

— В нашем доме на третьем этаже живет Тамара Николаевна Окошкина. Она хочет свою квартиру продать. Дать вам ее телефон?

Я позвонила даме, и дело мгновенно завершилось. На новое место мы перебрались в рекордно короткий срок, и я до сих пор не могу поверить в нашу удачу.

Апартаменты оказались намного больше наших прежних. Тамара Николаевна оставила нам всю мебель, люстры, занавески, кухонные принадлежности. Уезжала она на такси, села в машину с одним небольшим чемоданом. Когда мы договаривались о сделке, Окошкина сказала мне:

— Все, что есть в квартире, — ваше. Если не понравится, смело отдавайте кому-то или продавайте. Единственная просьба — ничего не рассказывайте никому, пока не вселитесь. Никто не должен знать, что я уезжаю. Ни одна душа в доме. Потом, когда переберетесь, запрет снимается. Можете спокойно пояснить: «Квартиру мне Окошкина продала, куда сама отправилась, понятия не имею».

— Так я на самом деле не знаю ваш новый адрес, — сказала я.

С похожей просьбой ко мне подошла и Наташа.

— Евлампия Андреевна, пожалуйста, не сообщайте никому, что я вас с Окошкиной свела. Ваша новая соседка Реутова несколько раз говорила мне: «Очень хочется приобрести апартаменты еще и на третьем этаже. Если вдруг услышишь, что Тамара переехать хочет, сразу мне скажи». А я вам нашептала, потому что очень захотела с Мусей и Фирой гулять, играть с ними. Уж так мне ваши мопсы понравились! До жути! Не выдавайте меня, ладно?

Я постаралась не рассмеяться.

— Не волнуйтесь, не в моих правилах откровенничать с посторонними людьми.

Наташа и Тамара Николаевна беспокоились зря, никто из обитателей пятиэтажного дома не стал расспрашивать меня, каким образом наша семья свела знакомство с Окошкиной. Соседи восхищались мопсами, улыбались Кисе, мы беседовали при встречах о погодных катаклизмах. Зато мне стала названивать некая Елена, которой очень хотелось заполучить бывшие апартаменты Тамары Николаевны.

— Ну давайте договоримся, — ныла она в трубку, — уступите мне

квартиру моей мечты, а я вам свою отдам. Или дом за городом. Еще и приплачу.

На пятый или шестой раз, сказав очередное: «Спасибо за предложение, но мы не намерены затевать обмен, нам самим тут очень нравится», я добавила: «И прекратите звонить, от вашей настойчивости ничего не изменится». Собеседница вдруг зашипела: «Вы разве не знаете, что квартира, где вы поселились, проклята? В ней проводили сатанинские ритуалы. Убегайте оттуда, пока не поздно, я протягиваю вам руку помощи, предлагаю...»

Вот тут я разозлилась:

— Елена, мой муж, господин Вульф, владеет детективным агентством. У вас скрыт номер телефона, но поверьте, если Макс захочет, он его выяснит, узнает фамилию-отчество надоедливой особы, которая не понимает, что уезжать мы не хотим и просим оставить нас в покое. Уж тогда мало вам не покажется. Я думаю, что апартаменты вам не нужны, вы просто хулиганка.

Крепко выругавшись, Елена отсоединилась и, вот уж удивление, более нас не беспокоила. Я, честно сказать, не ожидала, что так легко от нее избавлюсь.

Глава 2

— Давайте пакет с отходами, — предложила лифтерша, приведя домой собак. — Ой, на улице такой дождь полил!

Я протянула Ильиной мешок с мусором.

— Все тут. В том числе гора пустых пакетов. Я за покупками ходила.

— Чеки вынули? — деловито осведомилась Ната.

— Они мне не нужны, — сказала я.

— Вдруг вещь обменять решите? — стояла на своем девушка. — И вообще нельзя кассовый документ целым выбрасывать. На нем есть информация о вас. Мало ли кому она в руки попадет?

— Помогите! — неожиданно истошно завопил женский голос. — Помогите! Бога ради! Полиция!

Мы с Наташей выскочили на лестничную клетку.

— Это, наверное, Надежда Владимировна кричит, — прошептала лифтерша.

— Вы уверены? — спросила я. — Реутова на втором этаже живет, а звук вроде сверху шел.

— Она же старшая по подъезду, поэтому любит по лестнице сновать, — пробормотала Ната, — часто туда-сюда шастает.

Забыв про лифт, мы с Натой ринулись вверх по ступенькам. Домчались до самого верха и увидели Реутову, она стояла вплотную к двери квартиры семьи Цыганковых. Я услышала, как она говорит: «Знаю, чем ты занимаешься...» Однако увидев нас, Реутова тут же замолчала.

— Что случилось? — спросила я.

— Не знаю, — ответила Реутова и отошла от створки. — Шла мимо Цыганковых, натерла пятку, остановилась туфлю поправить, напевала песенку. Слышала ее утром по радио, и прилипла она ко мне. «Ля-ля-ля! Знаю, чем ты занимаешься, мой любимый... ля-ля-ля! Знаю, чем ты занимаешься, дорогой, с другой обнимаешься...» Фу! Слова несусветные, музыка им под стать, но застряла эта дрянь в мозгу. А тут вы!

Я отвела глаза в сторону. Мы стоим на последнем этаже, а Реутова живет на втором. Ну каким образом она могла идти мимо Цыганковых?

Наташа показала пальцем на дверь.

— Вроде оттуда кричали: «Помогите!» Затем наступила тишина. Голос женский был.

— Тебе, наверное, почудилось, — предположила Реутова. — Веры

Андреевны нет, она, кажется, в командировку улетела, Зиновий Павлович сейчас один. И вообще, Наташа, что ты тут делаешь? Здесь находишься, а в парадное же тем временем кто-нибудь чужой зайти может.

— Нет, — возразила консьержка, — входная дверь заперта. У жильцов есть ключи, посторонним я сама открываю. Абы кого не пропущу, только если из квартиры позвонили и велели гостя к ним проводить. И один он не поедет, я за всеми посетителями приглядываю. Но никогда не расскажу, кто к кому направился. Будете спрашивать, кто у Зиновия Павловича? Промолчу. Я слышала женский крик, что-то плохое стряслось. У меня ключи от квартиры Зиновия Павловича есть. Я их Рыжика днем кормлю, лоток мою, если он туда наделал. Кот такой брезгливый — в неубранный туалет не сядет ни за какие консервы. Аристократ. Весь в хозяина. Вера Андреевна просила за Рыжиком ухаживать, только если дома никого нет. А если там хозяин, я заходить не имею права.

Наташа отступила к лифту и нажала на кнопку вызова со словами:

— Ой, кто-то вроде внизу звонит...

Подъемник услужливо распахнул створки, Ильина уехала.

— Убили, убили, убили, — снова закричал женский голос. — Спасите!

Надежда Владимировна развернулась и стрелой полетела вниз по лестнице, я последовала за ней. Через пару секунд я увидела приоткрытую дверь квартиры Лаптевых, оттуда летели вопли:

— Убили! Застрелили! Зарезали!

Глаза Реутовой хищно сверкнули.

— Раз дверь нараспашку, значит, войти приглашают.

Прежде чем я успела что-либо сказать, Надежда Владимировна ужом ввинтилась внутрь чужого жилища. Я осталась снаружи, не зная, как поступить.

До моего слуха долетел звон, затем визг. Через секунду к лифту выбежала Светлана Лаптева с заварочным чайником в руке. Увидев меня, она заорала:

— Лампа! Скорее! На меня напали!

Я спросила:

— Кто?

— Не знаю! Сажу себе тихо, телик смотрю, сериал, — залязгала зубами Лаптева. — И вдруг вижу — по ковру что-то шмыг! Мышь, похоже. Я боюсь их так, что и не рассказать. Заорала от ужаса. Грызун исчез. Я дух перевела, решила, что мне почудилось. Детектив по телику жуткий, но интересный. Там как раз начали главного героя бить, я отвлеклась на фильм. Тут опять кто-то по полу — топ-топ. Я чуть не умерла — в кино

следователя убивают, дома крыса завелась... Я как завоплю! Но от экрана-то не отлипаю. Ноги в кресло втянула, чтобы мышь их не отгрызла...

Я постаралась не расхохотаться. Интересно посмотреть на зверушку, способную оттяпать отнюдь не худые конечности соседки. Для этого не домовая мышь, а крокодил нужен.

Светлана резко выдохнула.

— И вдруг на меня какая-то куча сзади навалилась! Я стукнула ее, она упала, а я удрала!

Выпалив все на одном дыхании, Света живо захлопнула дверь и подытожила:

— Бандит в квартиру проник, теперь он никуда не денется. Дверь у нас стальная, укреплена штырями, накладки из натурального дуба. Мой Миша дрянь не купит. Телефон есть?

— Дома оставила, — ответила я.

— Надо полицию вызвать, пусть грабителя арестует, — азартно заявила Светлана. И с сожалением посмотрела на чайник: — Вон как я его ошандарашила, даже носик отломился. Жалко, мне его привезли из Китая. Ну да фиг с ним!

Тут приехал лифт, из него выскочила Наташа.

— Кто-то опять кричал? «Убили, застрелили, зарезали?»

— Не, я другое орала, — объяснила Светлана, — а то, что ты слышала, это телевизор. Громкость я на максимум поставила, когда следователя в подвал скинули. Тихо так было в телике... Затем вопль несусветный.

Я, успев сообразить, что произошло, изо всех сил сдерживала смех.

— А-а-а-а, — протянула Наташа, — так вы сериал смотрели про сыщиков.

— Да, — подтвердила Лаптева. — А чего еще делать? Миша магазином руководит, дети в гимназии, я в фитнесе позанималась и к экрану прилипла. Там сегодня — прямо жуть на лапах: любовницу главного героя пристрелили...

— Почему у вас дверь открытой была? — перебив ее, с запозданием удивилась я.

— Правда? — изумилась Света. — Наверное, когда я из спортзала вернулась, не захлопнула ее. Дверь тяжелая, я ее часто до щелчка в замке не дотягиваю, вот она и распахивается. Миша постоянно меня за это ругает. И правильно делает, балда у него супруга.

— Светлана, куча, которая на вас напала, это Надежда Владимировна, — ухмыльнулась я. — Мы решили, что у вас что-то случилось, побежали посмотреть, не нужна ли помощь. Реутова влетела

внутри квартиры, а я осталась снаружи. А через пару мгновений вы с чайником выскочили.

— Да ну? — заморгала Светлана. — Значит, это я соседку так шандарахнула?

— Похоже, именно ее, — кивнула я.

Лаптева смутилась.

— Неприятная ситуация. Но она сама виновата — вошла тихо, молча... И что теперь делать?

— Думаю, надо открыть дверь и выпустить пленницу, — посоветовала я.

— Ой! — взвизгнула Светлана. — Ключи-то внутри остались!

— У меня запасные есть, — сказала Ната и побежала вниз по ступенькам.

Глава 3

— Значит, в квартире Лаптевых бродила мышь, а по телевизору шел сериал, Реутова услышала вопли, решила, что у Светланы в квартире беда, сунулась внутрь и получила по кумполу чайником, — расхохотался Макс и поперхнулся чаем.

— Мы с Натальей тоже слышали крики и подумали то же, что и Реутова, — призналась я. — Только нам почудилось, будто звук сверху летит. Поэтому мы ринулись на последний этаж и нашли там Надежду Владимировну.

— А где она находилась? — спросил муж.

— Под дверью Цыганковой, — объяснила я.

Макс отложил ложку.

— Что она там делала?

— Мимо шла, — с самым серьезным видом пояснила я. Потом не выдержала и рассмеялась: — Я задала ей тот же вопрос и услышала то, что тебе сейчас сказала.

— «Мимо шла...» — повторил Макс. — Ну да, со второго этажа на пятый. Хотела на улицу выйти, да перепутала направление. Бывает.

— Тетя, о которой вы говорите, всегда мне конфеты предлагает, — неожиданно сказала Киса, доедая сырник.

— Ты говоришь ей «спасибо»? — спросила я. — Солнышко, только не надо есть сладкое, которым посторонние люди угощают. У соседки возьми и мне отдай. А у незнакомых никогда не бери.

Киса отодвинула тарелку.

— Лампуша, про то, что надо делать с подарками, которые чужие дают, я знаю с пеленок. Я уже не маленькая, хожу в школу. Не волнуйся! Не возьму ничего. Не сяду в чужую машину, если водитель скажет, что его за мной папа-мама прислали. И не пойду со стариком искать его пропавшую собачку.

— Подкована на все четыре ноги, — одобрил Макс. — Вырастешь — возьму тебя в агентство начальником отдела безопасности.

— Нет, — возразила Киса, — я стану стоматологом и Косте Репину, который мне сегодня в волосы жвачку плюнул, зубы без анестезии лечить буду.

— Тоже хорошая идея, — кивнул Вульф. — А поскольку лет через двадцать, когда ты получишь в личное пользование бормашину, у тебя

соберется целая очередь из тех, кому ты без укола клыки чинить захочешь, список начинай составлять сейчас, а то забудешь. Я вот своих обидчиков уже не помню.

— Папа шутит, — сказала я, — Костя не нарочно так поступил.

— Наивная ты, Лампа, — вздохнула Киса, — всех хорошими считаешь. Нет, Репин не случайно плевался. И я ему отомщу!

— Лучше подари мальчику яблоко, — предложила я.

— Зачем? — надулась Киса. Потом лицо ее озарилось улыбкой. — А-а-а, поняла! Твердое, как камень? Чтобы он его кусанул и всю челюсть сломал? Супер! А где такое взять?

— Нет, я говорила об обычном яблоке. Понимаешь, на зло надо отвечать добром. Допустим, Костя тебя на переменке стукнул. Что ты сделаешь? — спросила я.

— Дам ему в глаз, — мигом возвестила Киса.

— А надо угостить его конфетой и сказать: «Костя, ешь, все будет хорошо, не нервничай», — посоветовала я.

— Так он опять меня треснет, — возразила Киса.

— Но ты снова с ним по-хорошему поговори, — продолжала я, — и в конце концов Репину станет стыдно: он тебя обижает, а ты к нему с подарком. Мальчик с тобой подружится. Ты же, Ариша, научишься терпению.

— Лучше сразу ему в глаз дать кулаком, — отрезала Киса, — тогда он быстро поймет, что ко мне лезть не надо. А тетя, про которую вы говорили, не просто так сладости предлагает. Один раз она так пристала ко мне с угощением, что я его взяла, потому что хотела узнать, что дальше будет. А она спросила: «Твои мама-папа о чем дома говорят? Про соседей сплетничают? Если подробно расскажешь, еще конфету дам».

Мы с Максом переглянулись.

— Что же ты ей ответила? — осторожно осведомилась я.

Киса зевнула.

— Сказала: «Тетя, я не дура. За две карамельки родителей не продам. Дешево меня цените, я к дорогим швейцарским шоколадкам привыкла. Принесете набор в пять кило, и тогда побеседуем».

Макс рассмеялся.

— Киса, ты молодец!

— Я намного умнее, чем взрослые думают, — важно ответила девочка. Звонок в дверь прервал наш ужин.

— Кто может прийти в десять вечера? — насторожилась я.

— Если что в офисе случится, мне на мобильный звякнут, — ответил

Вульф. — Наверное, соседка прибежала за хлебом.

— Экие стародавние времена ты вспомнил, — засмеялась я и встала. — В паре минут ходьбы от дома находится круглосуточный супермаркет, ничего не стоит туда за хлебом сбегать. У тех, кто живет рядом, сейчас никто хлеб-соль не просит.

— Сиди, я открою, — велел Макс и ушел.

— Сложи ранец на завтра, — напомнила я Кисе.

— Уже сделала, — кивнула та.

— Сменку не забыла?

— Мешок в прихожей.

— Молодец, — похвалила я юную ученицу. — А теперь мыться и спать.

Киса поковыляла к двери. Я смотрела ей вслед. Ну почему детям вечером не хочется спать, а утром их невозможно оторвать от подушки?

Девочка обернулась.

— Лампуша, ты мне бордовую юбку с белой кофтой погладила?

— Нет. А надо? — удивилась я. И услышала в ответ:

— Конечно. Говорила же, завтра в гимназии важное событие.

— Какое? — любопытствовала я.

— Не знаю. Учительница ничего не объяснила, просто велела всем прийти в праздничном наряде, — протянула Киса. — Я не забыла ни про уроки, ни про одежду. А ты запомнила о моем завтрашнем празднике. И кто у нас маленький и глупый? Я или ты?

— Лампа, — позвал меня из холла Макс, — иди сюда.

Я пошла на зов, размышляя на ходу. Кто из нас маленький и глупый? С одной стороны, Киса произнесла слова, которые ей не стоило говорить взрослому человеку. Но с другой-то, она права. Из моей головы действительно вылетела ее просьба. Обычно за Кисой смотрит няня Роза Леопольдовна, но сейчас ее нет. Приходится признать: Киса имела право задать свой вопрос. Увы, честный ответ на него меня вовсе не обрадовал.

— Евлампия, познакомься, это Сергей Петрович Каменев, — сказал Макс, когда я вышла в холл.

— Очень приятно, — сказала я, оглядывая полного мужчину, на животе которого едва сходилась дорогая, явно сшитая на заказ рубашка.

— Господин Каменев просит нас зайти к Реутовой, — объяснил муж.

Я удивилась, но виду не показала, просто уточнила:

— К Надежде Владимировне? На второй этаж?

— Да, — подтвердил Каменев. И пояснил: — Она моя мать. Необычайное везение, что в одном доме с ней живет владелец крупнейшего

детективного агентства с безупречной репутацией.

Краем глаза я посмотрела на часы, что висят на стене у зеркала. Без четверти одиннадцать. Похоже, дело Сергея Петровича совсем не простое, речь явно пойдет не о слежке за женой-прелюбодейкой.

В холл вышла Киса. Она вежливо поздоровалась, а потом спросила:

— Где мой айпад?

— Недавно видел планшетник в моей ванной, — ответил Макс. — Кисуля, мы с Лампой отойдем на некоторое время. Не побоишься одна дома остаться?

— Я боюсь только тираннозавров, но навряд ли они сюда в ваше отсутствие заявятся, — ответила девочка и ушла.

— Ребенок у вас с чувством юмора, — заметил Каменев.

— Пошла в подготовительный класс первого сентября и через два дня заявила, что уже стала взрослой, — вздохнула я.

— Это цветочки, — махнул рукой Сергей Петрович, — ягодки появятся через несколько лет. У меня четверо. До сих пор не понимаю, почему еще не потерял разум и смог сохранить психическое здоровье, живя с оравой подростков.

— В чем проблема? — поинтересовался Макс, когда мы начали спускаться по лестнице.

— Сейчас сами увидите, — пообещал наш спутник и открыл дверь. — Проходите прямо в спальню.

Мы с Максом пошли за сыном Реутовой и оказались в комнате, где мечтает жить... каждая пятилетняя девочка. Интерьер был выдержан в розовых тонах: занавески, стены, ковер, мебель. Даже потолок был цвета только что вымытого с шампунем поросенка. На огромной кровати в горе подушек лежала Надежда Владимировна, одетая в пижаму, которой могла бы позавидовать Барби: сплошные кружева, рюши, воланы и стразы.

Вульф приблизился к ложу, взгляделся в лицо женщины и со вздохом обернулся.

— Простите, но тут мы вам не поможем. Необходимо вызвать полицию — ваша мать мертва. Единственное, что я могу, это попросить приехать Олега Михайловича Фокина. Он мой друг, человек опытный, не склонный к принятию скорых решений.

— Очень вам благодарен, — кивнул Сергей. — Но ведь ничего не изменится, если мы сначала немного поговорим?

Я молча слушала Каменева и понимала: его мать не была для него близким человеком. Не похоже, чтобы он испытывал большое горе. Обычно родственники самоубийц ведут себя иначе.

Почему я решила, что Надежда Владимировна приняла решение самостоятельно уйти из жизни? На тумбочке лежала упаковка снотворного, рядом несколько пустых блистеров, и стояла бутылка из-под минералки. В комнате царил порядок. На лице, шее, руках покойной не видно царапин, ран или каких-либо других следов борьбы. Дорогое ночное одеяние... Большинство женщин, даже расставаясь с жизнью, хотят выглядеть красиво.

— На первый взгляд это очень похоже на суицид, — сказал Макс, — но нередко бывает, когда посмотришь второй раз, понимаешь, что ошибся.

— У вас есть перчатки? — спросил Каменев.

— Конечно. Но до прихода экспертов что-либо трогать нельзя, — предупредил Вульф.

Каменев потер лоб ладонью.

— Мои «пальчики» здесь повсюду, я же сын, приходил к матери регулярно. Давайте кое-что покажу, а потом объясню, чего я от вас хочу.

— Хорошо, — согласился Макс после секундного колебания.

Глава 4

Мы снова двинулись по коридору и вошли в темное помещение. Сергей Петрович щелкнул выключателем и пояснил:

— Это мамин офис.

— Кабинет? — удивилась я, осматривая большой стол с дорогим компьютером и стенные шкафы с непрозрачными дверцами. — Я думала, что Надежда Владимировна пенсионерка. Она часто гуляла во дворе, разговаривала в основном о своей собаке, о кулинарии, сериалах. Простите, не хочу вас расстроить, но госпожа Реутова никогда не упоминала ни о сыне, ни о внуках. Хотя бедной пенсионерке не под силу оплатить «коммуналку» в нашем доме.

— Тонкие струны моей души ваши слова не задели, — съязвил Каменев. — Моя мама мне не мать, но она мне мать. Путано, но иначе не скажешь. Сейчас сообщу вам все в подробностях, однако сначала...

Он открыл один шкаф.

— Ого! — воскликнула я. — Да тут одежда на любой вкус, парики, разные сумки, обувь, масса аксессуаров, коробки с гримом...

— Профессиональная мини-камера с прибабасами, — подхватил Макс, — и еще куча всяких штучек-дрючек, недешевых. Некоторые из них мы в своем агентстве используем. Ба! У нее есть определитель отпечатков пальцев, причем самый продвинутый. Он сканирует и тут же определяет личность, если, конечно, та внесена в какую-то базу. Отличная вещь. Ее нет на вооружении в полиции, потому что она дорого стоит.

— Надежда Владимировна была интересным человеком... — вздохнул Сергей Петрович. — Учитывая вашу работу, думаю, вы изучили своих будущих соседей, прежде чем приобрели квартиру в этом доме?

Макс не стал возражать.

— Конечно. Но глубоко не копал. Проверил наличие судимости, место работы и успокоился: все жильцы — нормальные люди. Надежда Владимировна была директором московской школы, рано ушла на пенсию. Меня факт, что она перестала работать в пятьдесят, не беспокоил. Возможно, возникли проблемы со здоровьем. Или просто дети надоели. Но в ее биографии не сказано о сыне. Упомянута лишь младшая сестра, которая погибла много лет назад. Молодую женщину сбил пьяный водитель.

— Ее звали Нина Владимировна, — кивнул Сергей Петрович, — это

моя родная мама, которую я совершенно не помню. И фотографий хороших нет, беда произошла в доайфоновую эру. Осталась лишь пара официальных снимков. Маме тогда едва исполнилось двадцать пять, мне три. И того алкоголика я не запомнил.

— Вы присутствовали при гибели матери? — уточнил Вульф.

Каменев сел в кресло.

— Она пошла в магазин, посадив меня в коляску. Что-то там купила, положила пакет в сетку под сиденьем детской коляски. Когда мы переходили на зеленый свет улицу, поклажа выпала. Мама остановилась и начала собирать то, что рассыпалось. Дорога шла под уклон, коляска покатила вперед и притормозила у бордюра тротуара, поэтому я остался жив. Из-за угла вылетел на мотоцикле пьяный урод, и... все! Тетя взяла меня на воспитание, но не усыновила, просто оформила опеку. Смерть сестры сделала Надежду другим человеком. Спустя несколько лет после ее похорон она стала хантером.

— Охотником? — перевела я. — На кого?

— На людей, — уточнил наш собеседник. — Вернее, на беглых преступников. Садитесь. Мне надо ввести вас в курс дела.

Мы с Максом опустились на диван. Каменев начал говорить, и вскоре я поняла: Реутова только казалась слишком любопытной соседкой, каких много в каждом доме, а на самом деле...

В жизни иногда происходят события, которые кардинально меняют человека. Утром он уходит из дома одним, а возвращается другим. Один слышит от врача сообщение о неизлечимой болезни, другой узнает об авиакатастрофе, в которой погиб любимый человек, третьего выгоняют с работы... Разное случается, главное — в такой момент не сломаться. Надо собрать в кулак все силы, волю и жить дальше, пройти испытание, ниспосланное судьбой, не задавая себе вопроса, за что мне это? Нужно думать иначе: для чего мне это? И постараться найти правильный ответ.

Надя очень любила Нину и, конечно, желала всего самого ужасного пьянице, который лишил жизни ее сестренку. Спустя год после трагедии состоялся суд, байкера посадили за решетку. А через несколько дней преступник ухитрился сбежать. Галина Николаевна, мать девушек, узнав, что убийца ее младшей дочери оказался на свободе, свалилась с инсультом. Надюша впала в панику — у нее на руках оказались парализованная мама и малыш-племянник Сережа. Семья жила скромно, больших накоплений не имела, зато обитала в хорошей трехкомнатной квартире, которую Владимиру Реутову, отцу девочек, дали от завода как передовику производства. А от бабушки остался крепкий дом с большим участком в

Подмосковье. Владимир давно развелся с женой, но, будучи человеком порядочным, исправно платил алименты до совершеннолетия дочерей. Когда Нина и Надя выросли, отец перекрыл деньгопровод и свел общение с первой семьей на нет. Девушки не обозлились. Надя работала учительницей в школе, Нина воспитательницей в детском саду, Галина Николаевна служила прислугой в трех семьях. Жили не тужили, не жаловались на трудности, радовались удачам. Пьяный мотоциклист в один момент разбил счастье семьи Реутовых.

Похоронив сестру, Надя попросила у отца помощи, объяснила, что содержать дома лежащую больную очень дорого.

Папаша ответил резко:

— Мы с твоей мамой развелись почти двадцать лет назад. Вам по малолетству о причине разрыва не сказали. Но сейчас сообщу ее тебе: я поехал в командировку, вернулся на день раньше и застал супругу с соседом. Ясно теперь, кто виноват? Детей я не бросил, деньги на вас сполна отсчитывал, у новой своей семьи, у Кати и Мишеньки, средства отнимал. Заболей ты сама, мы бы с женой не обрадовались необходимости тебя лечить, но что поделать, ты мне родная кровь, изыскали бы средства. А Галине я помогать не желаю. Не несу ответственности за бабу, с которой хрен знает когда развелся из-за того, что она шлюхой оказалась. Мне есть на кого денежки тратить.

Надя не стала упрашивать отца, объяснять, что помощь нужна не столько больной матери, сколько именно ей самой, не имеющей сил и денег. Девушка приехала домой, поплакала, потом вытерла слезы и начала действовать.

Городские хоромы она сдала. Времена были советские, жильцов пускать не приветствовалось, соседи часто «стучали» участковому, если в доме появлялись квартиранты. Но Надюше сочувствовали все, поэтому никто не донес куда следует, что Реутова увезла больную мать и племянника на дачу, а на ее квадратных метрах теперь проживают посторонние люди.

Шло время. Сережа пошел в школу, Галина Николаевна умерла. Теперь Надя сдавала дачу и жила с мальчиком в городе. Она по-прежнему работала учительницей, а в свободное время занималась поисками мотоциклиста, который сбил Нину. Информации о пьянице было мало: имя, фамилия, отчество, прописка, возраст. Ни малейшего опыта в сыском деле Надежда не имела, но с упорством ищейки шла по следу. Дело резко продвинулось вперед, когда в классе, который вела Реутова, появилась девочка-двоечница, чьи отец и мать работали в милиции. Именно они, надеясь, что

учительница вложит в голову их чаду немного знаний, очень помогли новоявленной сыщице.

Как-то раз Сережа, придя из школы, обнаружил дома вусмерть пьяную Надежду Владимировну. Зрелище шокировало и испугало подростка. Ведь его тетя, которую он считал мамой, даже пива не нюхала, а кроме того, всегда резко осуждала тех, кто хватается за бутылку. Сережа даже заплакал от страха, но сообразил, что никого из соседей на помощь звать не надо.

Утром Надя рассказала ему все, что случилось с семьей Реутовых, поговорила с ним, как со взрослым мужчиной. Она не пощадила племянника, не скорректировала информацию, не подумала о хрупкой психике мальчика, вывалила все как есть. Даже о причине развода его деда с бабушкой, своих родителей, сообщила честно. А потом объяснила:

— Я нашла мерзавца-мотоциклиста. Он женился, взял фамилию супруги, уехал из Москвы в другой город, но все-таки я его вычислила. Знаешь, где гад находится? На кладбище! Он был алкоголиком, много людям горя принес, я не смогла его отыскать раньше и отправить за решетку, где он должен был мучиться. Убийца просто тихо сдох, без страданий!

Сергей Петрович, прервав рассказ, почесал висок.

— Я знал, что Надежда Владимировна моя тетя. Но прежде мне говорили, что родная мама рано ушла из жизни по болезни. Я не помнил ее совсем, звал матерью Надю. И до сих пор продолжаю ее так звать. Мое отношение к ней не изменилось после того разговора, а вот она как раз резко переменялась — сразу после работы куда-то убегала, возвращалась поздно, у нее появились деньги. Я долго не понимал, чем мать зарабатывает. Однажды, правда, поинтересовался, почему мы стали лучше жить, и услышал простые слова: «Ты уже вырос, можешь сам из школы прийти и обед подогреть. У меня появилось свободное время, поэтому я взяла учеников». Конечно, я ей поверил. Прозрение наступило, когда к нам домой почти ночью, едва не выломав дверь, влетел мужик и бухнулся на колени с воплями: «Надежда Владимировна, умоляю, измените свое мнение! Возьмитесь все-таки за поиски бабы, которая моего сына убила и из-под стражи сбежала! Любые деньги заплачу!» Я тогда уже институт заканчивал, занимался в секции борьбы. Короче, вышвырнул я бузотера вон, но потребовал у Нади все мне рассказать. Так я и узнал правду: она ищет преступников, которые удрали с зоны, или тех, кто до суда не дошел, откупился и подальше от родственников убитого спрятался. И до сих пор этим занималась, от меня материально не зависела. Квартиру эту, где мы сейчас находимся, Надежда Владимировна сама купила, без моей помощи.

Я на нее влияния не имел. Характер у матери, скажу я вам... Представьте, на моей свадьбе она тост произнесла: «Мои родители развелись из-за того, что мать изменила отцу с соседом, и мы с сестрой в нищете потом жили. В такой ситуации больше всего жалко детей. Выпьем за то, чтобы жена Сережи не шлялась по мужикам и помнила: если я узнаю, что она налево свернула, то покрывать ее не стану. И ребенка, если он у молодых будет, ей никто не оставит. Уйдет вон в чем пришла». Рюмку осушила и села. Как вам такое выступление?

Глава 5

— Сильно, — оценил Макс.

Каменев повернулся ко мне.

— Захотели бы вы с такой свекровью в постоянном контакте находиться?

— Навряд ли, — осторожно ответила я. — Выяснять отношения не мой конек, обычно я просто без скандала перестаю общаться с такими людьми.

— Моя Ольга такая же, — сказал Сергей. — Услышав слова Нади, она никак не отреагировала, сидела с улыбкой, сделала вид, будто ничего не слышала. Я преисполнился благодарности к супруге за такое поведение. Но на следующий день она поставила мне ультиматум. Прозвучало примерно следующее. Она не имеет права ограничивать мое общение с родственницей, которая не сдала меня в приют, мне надо быть благодарным, содержать Надежду, даже баловать ее и сколько угодно пить с гарпией чай, тратить на нее свои деньги. Но! Ни сама Оля, ни наши будущие дети встречаться с бабой-ягой не станут. И в гости злобину никогда не пригласят. Точка. Кстати, мама Надя никогда не требовала от меня материальной помощи. И близких отношений у нас не было. Когда я поступил в вуз, мать сделала программное заявление: «Сергей! Я занималась твоим воспитанием из чувства долга перед покойной Ниночкой. Теперь ты вырос. Поскольку пока себя обеспечить не можешь, я определила сумму, которую ты будешь получать раз в месяц. Рассчитывай свои траты, больше денег не дам. Кормлю-пою тебя пока тоже за свой счет. А на обновления и удовольствия сам зарабатывай».

— Железная женщина, — пробормотала я. — Странно, на меня она произвела впечатление болтливой кумушки, вроде тех, что у подъездов судачат.

— О нет, — усмехнулся Каменев, — ничего похожего. Моя мать была совсем не такой. Надя превратилась в жесткого профессионала, но я понятия не имею, когда, кого и как она искала. Подозреваю, что у нее была команда, но ни разу имен сотрудников не слышал. Я к ней приезжал два-три раза в месяц, не чаще, мы не нуждались в общении друг с другом. Мои визиты длились не более получаса — пили вместе чай, говорили о пустяках, никогда не затрагивая двух тем: мою семью и ее бизнес. Она меня не звала, я сам прикатывал. Это было... ну как возврат долга. Заболей

мать, я бы стал за ней ухаживать.

— Сегодня был день встречи? — спросил Макс.

— Нет. Консьержка позвонила, — пояснил Сергей, — Наталья. Она сказала, что, когда приступила к работе в доме, Надежда Владимировна дала ей мой телефон и велела: «Если со мной что-то случится, вызови Сергея Петровича. Ни в коем случае не обращай сначала в полицию». Девушка каждый вечер выводила на прогулку собаку матери, и сегодня, как всегда, собиралась это сделать. Поднялась на второй этаж, стала звонить, но никто ей не открыл. Консьержка решила: произошла беда. Далее понятно.

— А где Лиза? — спросила я.

— Я унес йорка в машину. Заберу Лизу к себе, очень собак люблю, у нас их четверо, — улыбнулся Каменев. — Надеюсь, теперь вам понятно, в какой щекотливой ситуации я оказался? Моя мать занималась поиском преступников и скончалась при странных обстоятельствах. Представляю вой, который поднимет «Желтуха».

— И «Болтун» за компанию, — добавила я. — Плюс «Скандалы недели».

— Эти промолчат, — возразил Сергей Петрович, — их издает один холдинг.

— «Болтун» и «Скандалы»? Правда? — удивилась я. — Полагала, что эти издания — конкуренты.

— Нет, это братья, которые не кричат о своем родстве на всех перекрестках, — подчеркнул ночной гость.

— Почему вы считаете, что «Желтуха» проявит к вам интерес, а другие бульварные издания проигнорируют произошедшее? — удивилась я. — Вы представитель шоу-бизнеса? Политик? Пресса в основном кормится за счет представителей этих категорий людей. Не хочу вас обидеть, но я редко смотрю телевизор и практически не знаю тех, кто сейчас поет, пляшет, снимается в сериалах или отстаивает свое мнение на ток-шоу.

По лицу Каменева пробежала усмешка.

— Разрешите представиться еще раз: Сергей Петрович Каменев, владелец холдинга «Босен», куда входит несколько газет и ряд журналов. Наиболее удачные мои проекты «Болтун» и «Скандалы недели». Сейчас набирает обороты наш Интернет, телевидение. Мне совершенно не нужны шум и лай. Это раз. Теперь два: моя мать не могла сама свести счеты с жизнью. Самоубийство Надежды Владимировны Реутовой — убедительная на вид инсценировка.

Макс встал.

— Почему вы так считаете?

Сергей Петрович тоже поднялся из кресла.

— Характер у нее был не такой. Пару лет назад матери поставили ужасный диагноз: опухоль в кишечнике. Она тогда впервые сама попросила меня приехать и деловито ввела в курс дела: «Сергей! Предупреждаю: я ложусь в больницу. Останусь ли жива, не умру ли в ближайшее время, понятия не имею. Родни, кроме тебя, у меня нет. У гроба карманы отсутствуют, на тот свет я ничего не заберу, поэтому оставляю все свое добро тебе. Вот завещание. А здесь список того, что у меня имеется и где оно хранится. Но особенно не надейся на получение наследства, имей в виду: я очень хочу жить, поэтому постараюсь сломать опухоль шею, уцеплюсь зубами за край могилы, выползу из нее!» И она не сдалась. К счастью, опухоль оказалась доброкачественной: вырезали ее и забыли. Мать после операции резко изменила режим питания, бросила курить, стала заниматься фитнесом, медитацией, похудела, привела в норму давление. И у нее не было депрессивных мыслей. Она строила долгосрочные планы, смерть в них не значилась, самоубийство никак в них не вписывается.

Макс немного помолчал.

— Предлагаю такой вариант. Сейчас я вызываю Фокина, уже упоминал о нем. Олег Михайлович займется этим делом. Из его команды утечки не будет, он собрал сотрудников, которые умеют держать язык за зубами. В целях конспирации можно сделать вид, что обман удался и все поверили в суицид Надежды. А сейчас давайте запрем квартиру Реутовой, вернемся к нам и подождем бригаду.

— Господин Вульф, — заговорил Каменев, пока мы шли по лестнице, — я начинал как издатель комиксов. Но они успеха не имели. Потом создал журнал, нечто вроде программы «Время», где сообщалось об основных событиях прошедшей недели, были комментарии политиков, экономистов. Наш народ любит почесать языки на тему мирового кризиса и всякого такого, поэтому я не сомневался, что серьезный печатный орган окажется рейтинговым.

Макс открыл нашу квартиру.

— И как?

Гость тщательно вытер ботинки о коврик.

— Полный провал. Это был не самый приятный период в моей биографии, большая потеря денег. И, как назло, в тот момент заболела одна моя собака. Я повез ее в ветклинику, сажу в очереди и слышу, как две

медсестры судачат на тему одной популярной актрисы, которая только что у них скандал затеяла. Красивое, мол, такое выяснение отношений случилось. С разбитой люстрой в качестве гарнира. Девушки беседовали громко, к ним подключились люди, которые пришли за консультацией врача. И меня осенило — нужна газета сплетен!

— У вас получилось, — отметила я, ставя перед ним чашку с кофе.

— Да, — согласился Сергей Петрович. — А почему? Я создал разветвленную сеть информаторов, плачу каждому, кто расскажет нечто горячее. Поэтому...

— Вы не доверяете полиции, так как среди тех, кто получает от вас деньги, есть и люди в форме, — предположила я.

— В точку! — кивнул Каменев.

Макс взял телефон.

— Фокин порядочный человек, я за него ручаюсь.

Я села к столу.

— Если вы уверены, что Надежда Владимировна не могла покончить с собой, значит, ее отравили.

— Логичный вывод, — хмыкнул гость.

Я решила не обращать внимания на его сарказм.

— Думаю, Реутова реально оценивала опасность своего ремесла и не открывала дверь посторонним.

Сергей Петрович пододвинул к себе сахарницу.

— Мы с ней никогда о ее бизнесе не беседовали. Она не рассказывала, я не интересовался. Но я знал, что мать не любит посещать кафе, рестораны. Пару раз мы с ней пересекались в каких-то трактирах, была необходимость кое о чем срочно поговорить, а ехать домой к матери мне тогда было не с руки. Так вот, знаете, она всегда выбирала столик в углу и садилась спиной к стене.

— Привычка агентов спецслужб и многих полицейских, — кивнул Макс, — береги тыл, чтобы не словить внезапно пулю.

Я поднялась.

— Вы тут пока пейте кофе, а я поговорю с Наташей.

Глава 6

Подъезд оказался заперт, за столом никого не было, я спустилась в подвал и позвонила в дверь.

— Ой, Евлампия Андреевна! — обрадовалась Ната, услышав мой голос, но не открыла створку. — Можете подождать пять минуточек? Я в халате.

— Сама не в бальном платье, — ответила я.

— Вам можно, — ответила Ильина. — Жильцы ходят как хотят, а я на работе.

Лифтерша уложилась в указанное время. Когда дверь наконец-то открылась, передо мной предстала хозяйка в джинсах и пуловере. Наташа ухитрилась еще и наложить по полной программе макияж. Или она в самом деле не смывает его на ночь?

— Хотите компота из черноплодки? — спросила она, впуская меня в крохотный коридорчик. — Меня Лаптева угостила, дала трехлитровый баллон.

— С удовольствием, — кивнула я, усаживаясь на табуретку. — О! У вас новые занавески?

— С собачками, — засмеялась Ната. — Старые еще хорошие были, но я увидела эти и влюбилась. На них все породы нарисованы. Вот, смотрите, ваша Фира, а там Муся, йорк Лиза...

Наташа поставила передо мной чашку и сказала:

— Надежда Владимировна умерла.

— К несчастью, да, — кивнула я.

— Ужасно, — прошептала консьержка. — Утром здоровой уходила, вернулась на своих ногах, подарила мне коробку зефира и... нет человека. Очень страшно. Жуть как умереть боюсь.

Я сделала глоток компота.

— Вам еще рано думать о смерти.

— Господь может в любой момент забрать, — еле слышно возразила Ната, — я в ад попаду.

Я поставила чашку на стол.

— Что за чушь вам в голову пришла?

— Грехов много, заповеди не исполняю, — серьезно ответила Ната. — Батюшка мне постоянно внушение на исповеди делает.

— Не знала, что вы воцерковленный человек, — пробормотала я.

— Каждое воскресенье посещаю храм, — сказала Ната. — На раннюю службу бегая, к семи утра, она в полдевятого уже заканчивается. Жильцы по выходным долго спят, вот никто и не замечает, что консьержки нет. У меня есть мечта: самой Евангелие прочитать, но буквы в слова не складываются.

Я решила перевести беседу в нужное мне русло.

— У меня к вам пара вопросов. Вы не устали? Можем поговорить?

— Конечно, — кивнула девушка.

— Кто сегодня входил-выходил из подъезда? — начала я.

— Так куча народа, — заморгала консьержка. — Светлана Георгиевна раз десять туда-сюда бегала, то в магазин, то в химчистку носилась, у Лаптевых же домработницы нет. Надежда Владимировна ушла утром на выставку картин в какой-то музей. Она мне название сказала, да я забыла. Вернулась к обеду с большим пакетом. Зиновий Павлович на занятия в девять смылся, в три назад приехал. Ну...

Ната вдруг замолчала.

— Что не так? — спросила я.

Лифтерша принялась теревить край клеенки.

— Евлампия Андреевна, я знаю, что за бизнес у вас с мужем. Вы о работе никогда не рассказываете, но Вера Андреевна, жена Зиновия Павловича, мне про ваше детективное агентство сообщила.

От сидения на жесткой табуретке у меня заныла поясница, я оперлась локтями о стол.

— У нас с мужем легальный бизнес, мы не скрываемся, платим налоги.

— Ой, ой! Я не упрекаю вас в мошенничестве! — испугалась Ната. — Просто подумала, что сын Реутовой к Вульффу обратился, а раз так, то надо честной быть.

— Хочется услышать откровенный рассказ, — согласилась я.

Наташа опустила голову.

— Я говорила вам, что никогда не сплетничаю.

Я погладила ее по руке.

— Помню, знаю.

— Вы же никому-никому не передадите мои слова?

— Нет, — пообещала я.

— Нельзя, чтобы Вера Андреевна узнала, — пролепетала лифтерша. — Она очень хорошая. Ну прямо замечательная. Была мисс Россия. Такая красивая. И добрая. И все умеет. Один раз я упала во дворе, сильно порезала ногу. Крови было — море! Я жутко перепугалась, а тут

Вера Андреевна идет, и я у нее спрашиваю: «У вас дома йода случайно нет?» Так она меня к себе отвела, принесла коробку, надела перчатки и зашила мне рану. Интересной такой иглой. Попшикала потом сверху чем-то из баллончика и сказала: «До свадьбы заживет». Вот что Цыганкова умеет.

Наташа потупилась.

— Когда она уезжает, а такое очень часто случается, к Зиновию Павловичу всегда приходят аспирантки. У Цыганкова красивая жена, модель. Но ей тридцать, а тем, кто учится... намного меньше... Ну вот... так... вот... так...

— И сегодня, когда мы с Надеждой Владимировной звонили в дверь, у профессора кто-то присутствовал в гостях? — предположила я.

— Не знаю, лично я не видела, чтобы кто-то приходил к Зиновию Павловичу. Но думаю, что он был не один.

— Он занимался с девушкой, которая пишет диссертацию? — уточнила я.

— Наверное, они очень увлеклись наукой, — прошептала Ната, — не слышали ни звонка, ни стука. Когда ушла аспирантка, я тоже не видела. Но точно после того, как вы и Светлана Георгиевна разошлись по своим квартирам. А Зиновий Павлович тогда порулил к Надежде Владимировне.

Я посмотрела Наташе прямо в глаза.

— Вы уверены?

— Да, — по-прежнему тихо сказала лифтерша. — У Реутовой дверной звонок прикольный, собакой лает. Очень громко, я всегда слышу, если кто-то к Надежде Владимировне приходит. Реутова Цыганкова впустила, но он почти сразу вышел и к себе наверх на лифте уехал. О ваших передвижениях рассказать?

— Не надо, я все помню хорошо, — улыбнулась я.

Наташа начала загибать пальцы.

— Ваня и Коля Лаптевы пришли из спортсекции, их папа, Михаил Львович, поздно вернулся, он всегда за полночь домой приходит.

— Ничего необычного, — резюмировала я. — Из посторонних кто-то появлялся?

— Вот уж и не знаю, можно ли назвать Константина Андреевича посторонним, — рассуждала Ната, — он же у нас постоянно мелкую работу выполняет. Сегодня его Зиновий Павлович срочно вызвал. Минут через десять после того, как Цыганков от Реутовой вернулся, Костя прилетел, язык на плече, мимо меня бегом, в лифт скачком, на пятый этаж поднялся. Не поздоровался, ноги не вытер, как ошпаренный мчался. Когда

он уходил, мне любопытно стало, с чего это он так несея. Костя мне ответил: «Зиновий Павлович хочет дверь в кабинет отреставрировать, сказал, ее случайно повредили, когда мебель передвигали. Но у него все на прежних местах стоит. И похоже, ножом по филенке поработали, исцарапали. Я удивился, почему он меня так спешно вызвал. Позвонил и прямо заголосил: «Константин, скорей, у меня беда, не задерживайтесь!» Я решил, что у них кран на кухне, как в пятницу, сорвало, вода хлещет. Подумал, сейчас Лаптевых снова затопит, Светлана Георгиевна мне потом мозг высосет, упрекать будет, что не мигом протечку остановил. Принесся — а у него всего-навсего дверь. Кто ее лезвием исцарапать мог?» Я у него еще спросила: «К Надежде Владимировне не пойдешь?» Мастер заявил: «Устал очень, хочу спать лечь».

— Реутова тоже его вызывала? — удивилась я.

Наташа заложила за ухо прядь волос, которая вылезла из резинки, стягивающей «хвост».

— Нет. Костя всегда так: устранит у кого-то неполадку и к Реутовой зайдет. Надежда Владимировна просила его заглядывать к ней просто так, профилактически. Говорила: «Лучше предупредить беду, чем устранять ее последствия». Вот Костя и старался, прокладки менял, вентили всякие. А еще...

Наташа опять опустила глаза.

— Вы плохого не подумайте, Костик ни на секунду не алкоголик. У него жена — ух!!! Гавриловы на машину долго собирали, недавно купили, очень красивую, новую. Но понимаете, у Надежды Владимировны всегда есть невозможно вкусный ликер. Я читать не умею, у меня буквы путаются, в слова не связываются. Названия его не скажу, черная бутылка, на ней песочная этикетка, на которой горы нарисованы и лес. Картинки отлично вижу, и цвета разбираю. Реутова всех ликером угощает, наливает маленькую рюмочку и кофе. Очень вкусно. Костя всегда так этот алкоголь нахваливает. И хоть Надежда Владимировна ему за каждую профилактику денежки давала, он еще и вкусняшкой баловался.

— Больше посторонних не было? — продолжала я.

— Сын Надежды Владимировны прикатил, когда я его вызвала, — сообщила Ната. — И еще фургон приезжал. Правда, в первой половине дня.

— Какой? — заинтересовалась я. — К кому?

— Ну... такой, фургонистый, — расплывчато ответила лифтерша. — Шофер ящик здоровый припер. На первый этаж.

— Там же никто не живет, — удивилась я.

— Хозяин квартиры за границей, — согласилась Наташа, — но иногда

покупки делает. Типа бытовой техники или еще чего. Наверное, скоро вернется.

— Вы не в курсе, кто жильем владеет? — поинтересовалась я.

— Сейчас скажу...

Наташа подняла клеенку, выдвинула ящик стола и вынула тетрадь в твердом переплете.

— Тут владельцем указан Юрий Петрович Венькин. Я ни разу его не видела. Говорят, он в Москве не бывает, но вещи покупает. С Интернетом это просто. Сам за океаном, а квартиру в Москве украшает.

— Как звали шофера? Из какого он магазина? — напала я на консьержку. — У вас есть ключи от апартаментов Венькина?

— Нет, хозяин мне их не давал, — жалобно пропищала Наташа. — Вообще в подъезде ни разу не появлялся.

— Но кто-то же должен был впустить доставщика, — справедливо заметила я. — Иначе как ему внутрь попасть?

— Так у него ключи есть, — объяснила Ильина. И, увидев удивление на моем лице, пустилась в объяснения: — Всегда один и тот же человек притаскивает здоровущий ящик, типа контейнер. Длинный, не очень широкий. Наверное, мужик работает у Венькина.

— Как его зовут? — не отставала я.

Ната поникла.

— Иван. Фамилию не знаю. Приятный, вежливый. У него прикольная тележка, он с ее помощью ящик достает, потом в подъезд вкатывает. Здорово придумано. Очень красивенькая повозка. Там кнопочка, и если нажать на нее, «лапы» тяжесть поднимают. Удобная, не надо двух грузчиков нанимать, один справляется. Так дешевле.

— У вас хороший слух, — похвалила я Наташу.

— Да, одарил Господь, могу любую мелодию с ходу повторить, — похвасталась девушка, — пою лучше телевизора. Только вот хрипло. Доктор сказал, надо в горле какие-то узлы в связке удалить, а мне страшно.

— Узелки на связках, — машинально поправила я. — Так, так... Иван привез груз в апартаменты Венькина. А потом водитель никуда не ходил? По лестнице вверх? На лифте на другие этажи не ездил?

— Думаете, он тайком к Реутовой мотался? — догадалась о причине моего интереса Ната. — А зачем ему к Надежде Владимировне бегать? Нет. Вошел в квартиру Венькина, побыл там какое-то время и уехал.

— Ящик оставил, — сказала я.

— Нет, как всегда, с собой его увез, — уточнила Ната. — Он что-то, наверное, делает по хозяйству, но тихое, шума никакого нет, перфоратор

Иван не включает. А контейнер потом увозит. Наверное, для доставки всего нужного его использует, не хочет гору вещей таскать, все в одно место складывает. Время экономит. Быстрее же одну штуку достать из машины, чем с мешками бегать. Работает Иван в квартире по нескольку часов. Потом уезжает.

— С пустым ящиком? — еще раз уточнила я.

— Не, опять с полным, — возразила Наташа. — Точно не знаю, но я так думаю. Если внутри ничего нет, то укладка должна быть легкая. А зачем тогда «лапы» включать и ремнями груз прикреплять? Думаю, Иван там инструменты таскает, тяжелые. Не пальцами же он винты заворачивает, дрель при нем. Ой, вспомнила, где похожий контейнер видела... — Наташа понизила голос до шепота. — В кино. Там маньяк под строителя косил и точь-в-точь в таком коробе трупы вывозил. А все думали, что в нем всякие его личные вещи. Во как!

Наш разговор прервал мелодичный звонок в дверь подъезда. Ната глянула на часы.

— Кто в такую позднотень в гости собрался? Свои все на месте.

— Наверное, это к нам, — сказала я. — Мужчину зовут Олег Михайлович. И он не один прибыл. Боюсь, вам сегодня не удастся выспаться.

Глава 7

На следующий день я скрючилась за маленькой партой в классе Кисы и слушала разговор других родителей с педагогом.

— Почему Игорю не засчитали домашнее задание по арифметике? — гневно спросила полная женщина в тесном брючном костюме. — Все верно решено.

— А нам страницу красной ручкой перечеркнули, — подхватила мамаша, которая сидела за одной партой со мной.

Я сладко зевнула. Потом спохватилась и прикрыла рот рукой. Нехорошо демонстрировать учительнице, что тебе скучно слушать ее выступление на родительском собрании. На беду, в классе Кисы очень активный педагог. Учебный год длится всего ничего, на дворе начало октября, а Майя Михайловна уже три раза успела пообщаться с родителями, сегодня наша четвертая встреча. И очень неудобно, что собрание, как и все предыдущие, назначено на полдень. Удивительно, что хоть кто-то пришел. Похоже, училка не желает задерживаться на службе, поэтому решила использовать время, когда у класса два урока физкультуры.

— Вы мать Кости Репина? — уточнила она у одной из родительниц.

— Ирина, — представилась тетушка в розовом костюме.

— А я Агата Виноградова, — помахала рукой моя недовольная соседка, — моя дочка Катя ни одной ошибки не сделала, а все красным исчеркано.

Майя Михайловна взяла со стола тетрадь и открыла ее.

— Вот как раз у вас обоих неверно решено.

— Что? — подпрыгнула Ирина. — Два ежика нашли по яблоку каждый. Сколько всего фруктов обнаружили ежи? Два!

— Да, — подтвердила Агата. И неожиданно повернулась ко мне: — А вы какого мнения?

— Два ежика, у каждого по яблоку, — повторила я. — Извините, математика не мой конек, но тут всем ясно, каков ответ. Два.

— И что не так? — грозно поинтересовалась Ирина. — Сколько фруктов, по-вашему, а?

— Два, — спокойно возвестила Майя Михайловна. — По поводу решения я не спору.

— В чем тогда дело? — разозлилась Репина. — Костик весь вечер плакал, вы ему звездочку не поставили.

— И Катенька расстроилась, — заныла Виноградова.

Майя Михайловна потрясла тетрадкой.

— Уж в который раз говорю: учение — это не только сухие знания, важно еще оформление работы, красота подачи материала. Дабы красиво записать решение, ребенку нужно отступить от слова «Задача» четыре клетки вниз и пять клеток слева. На пятой-четвертой начинаем работать ручкой.

— На пятой-четвертой? — ожил бородатый щуплый старичок, единственный мужчина на нашем женском собрании. — Это как понять-то? Что такое «пятая-четвертая»?

— Вы чей дедушка? — осведомилась Майя Михайловна.

— Я отец Никиты Катаева, — надулся пенсионер. И представился: — Илья. Без отчества. Я еще молод.

Агата хихикнула и шепнула мне:

— С таким молодым хорошо зимой по улицам в гололед ходить — из него песок сыплется, поэтому не поскользнешься.

Я сделала вид, что не слышала ее слов.

— Очень просто, Илья, — снисходительно продолжала учительница, — на четвертой клетке сверху и на пятой слева ребенок начинает писать. Тогда страница выглядит красиво.

— Кому?

— Что? — не поняла преподавательница.

— Кому красиво? — уточнил Катаев. — Мне так не нравится.

— И мне, — подала голос худенькая мама с последней парты. — Кроме того, вы говорили вначале, что надо вниз спуститься на четыре клетки, значит, начнем на пятой.

— Да, — согласилась Майя Михайловна.

— А потом велели на пятой слева начать, — не утихала мамочка. — Сами все путаете!

— Я просто оговорилась, — залепетала педагог, — три сверху, то есть... пять, а четыре...

Родители захихикали.

— Те, кто недоволен оценкой знаний, могут остаться после собрания и переговорить со мной лично, — нашла выход из щекотливого положения Майя Михайловна. — Перейдем к другой теме. Сегодня в нашей школе праздник, старт благотворительной акции «Покорми кошку». Вам понадобится...

— Чью? — перебил Илья.

— Простите? — удивилась учительница. — Как вас понять?

Катаев громко чихнул.

— Нет, это как вас понять? Чьей кисе жрать надо давать? Где она живет? Адрес?

Педагог встала.

— Господа родители! Разрешите мне сначала донести до вас нужную информацию. Акция «Покорми кошку» является милосердно-благотворительной, направлена на сохранение дикой природы, а именно бродячих кошек. Вам необходимо купить корма, взять пустую миску, насыпать туда еду и найти бездомную скиталицу. В момент кормления надо сделать фото первоклассника.

— Мы ходим в нулевку, — напомнила Агата.

— Я в курсе, — кивнула училка, — но некрасиво говорить «нулеклашки».

— А первоклассниками наших детей называть рано, — стояла на своем Виноградова.

Майя Михайловна откашлялась.

— Момент кормления запечатлевайте так, чтобы в кадр попал и кот, и ребенок. Одно животное нельзя.

— Кормить нужно кота или кошку? — спросила Ирина.

— Так они одно и то же, — опрометчиво ляпнула классная руководительница.

— Уважаемая, вы ошибаетесь, — отрубил Илья, — между мужской и женской особью существует различие. Принципиальное. И во всем животном мире так. Даже у людей. У мужчин есть...

— Я имела в виду, что пол обмилосердованного зверька не важен, — живо заметила Майя Михайловна, и ее щеки зарделись румянцем.

Похоже, училка очень не хотела, чтобы папа Катаев вслух объяснил присутствующим, что такое интересное есть у представителей сильного пола и отсутствует у слабого.

— Затем ребенок рисует, как он угощал дикое животное. Красиво оформляет работу и сдает, — договорила педагог.

Ирина подняла руку.

— Где найти кошку?

— На улице, — терпеливо пояснила Майя Михайловна. — И в супермаркете. Бесхозные повсюду гуляют.

— У нас аллергия на кошачью шерсть, — сообщила Агата, — мы лучше собаку сфоткаем.

— Нет, — не согласилась педагог, — акция «Покорми собачку» будет проводиться зимой. Неужели не ясно, что кот — не пес?

— Можно мы с нашей Муркой сфоткаемся? — еле слышно спросила худенькая мама.

Майя Михайловна закатила глаза.

— У нас милосердно-благотворительная акция для бесхозных животных. А ваша Муська имеет дом.

— Мурка, — поправила женщина.

— Работы надо сдать послезавтра, — проигнорировала ее замечание педагог.

— Послезавтра? — воскликнул хор голосов.

Учительница села.

— Времени полно.

— Я работаю, — заныла Ирина, — времени на эту муру нет.

— Вы называете наше мероприятие мурой? — возмутилась Майя Михайловна. — Эта акция — удивительное воспитательно-формирующее личностное действие. Развитие сострадания. Обучение милосердию. Любви. Привитие православных ценностей.

— Я еврей, — уточнил Илья.

— И что? — опешила училка. — Евреи же православные.

— Нет, — возразил Катаев. — Могу объяснить, что...

— Не надо! — остановила его педагог. — В стенах гимназии рады детям всех цветов кожи, любого материального достатка и социального положения родителей. У нас все равны. Церковь отделена от государства. Религиозной пропагандой мы не занимаемся. Все кормят кошку, потом составляют доклад «Как я помог животному».

— Дети еще не освоили навыки письма, — опять перебил Майю Илья.

Учительница сделала глубокий вдох.

— Имеется в виду рисунок. И устный рассказ у доски. С хорошей лексикой. Без «э...» «э-э-э...» «бе...» и «ме...» Гладкая, оформленная речь.

— У нас нет компьютера, — подала голос тихая мама. — Мы, последователи церкви «Добрый Иисус с тобой», вообще против этого изобретения дьявола.

— Останьтесь после занятий, — отмахнулась учительница. — Следующий вопрос: чаепитие в субботу.

— Какой-то праздник подкатывает? — забеспокоилась Агата.

— День учителя! — осенило Ирину.

— Ну да, — скромно потупилась педагог. — Обычно в этот день дети поздравляют тех, кто вкладывает в их обучение душу и сердце. Мы отменяем четыре последних урока...

— У нас их в субботу всего два, — выкрикнул Илья. — И если занятий

нет, то вообще лучше поспать.

— Принудить к посещению торжества я не имею права, — надулась Майя Михайловна. — Дети приготовили представление. Никита Катаев изображает ленивого пингвина. Он вам не рассказывал?

— Нет, — удивился Илья.

— Кто еще не слышал о спектакле? — грозно спросила педагог.

Поднялся лес рук.

— И костюмы не сшили?

— Нет... — пропел хор родителей.

— О боже! — простонала училка. — За тридцатилетнюю карьеру педагога у меня впервые такой безалаберный класс. Довожу до вас краткий сценарий. Живет плохой пингвин — хулиган, двоечник, отвратительный тип.

— И его играет мой Никита? — подпрыгнул Илья.

— Да, — сквозь зубы процедила Майя Михайловна.

Катаев стукнул кулаком по парте.

— Никогда! Мальчик не примерит на себя эту мерзкую роль! Никита прекрасный ребенок!

— Это же театр, — улыбнулась училка.

— Нет!! — добавил децибелов в голос Илья. — Нет!!!

— Выслушайте меня, — потребовала учительница. — Нельзя по первому шагу о всей дороге судить, вот и ваш пингвин ужасен лишь вначале. Кстати, девочка Красная Шапочка не лучше. Они вместе безобразничают — ломают деревья, не слушают свою маму козу.

Идя на это собрание, я дала себе честное слово, что буду сидеть молча. Но тут не сдержалась:

— Коза родила Пингвина и Красную Шапочку?

— Да, — улыбнулась классная руководительница.

— Маловероятная ситуация, — тут же высказал свое мнение Илья. — Пингвин еще куда ни шло, хотя разные виды не скрещиваются, но Красная Шапочка... Мало того, что она девочка, так еще и мифический, реально не существующий персонаж.

— Это сказ-ка! — по слогам произнесла Майя Михайловна. — Опущу середину пьесы, а то вы опять нервничать будете. Все закончится хорошо. Пингвин станет отличником, Красная Шапочка тоже, они обнимут панду и слона...

— В детском спектакле неприемлем секс, — покраснела Агата.

— Объятия чисто дружеские, — отбила подачу училка. — Короче! Список, кто кого изображает, висит на доске объявлений на первом этаже.

И, наконец, последнее. Завтра каждый ребенок должен принести по рулону туалетной бумаги и бумажного полотенца, бутылку геля для мытья рук, горшок с цветком.

— Зачем цветы? — прошептала худенькая мама, считающая компьютер изобретением дьявола.

— Для украшения классной комнаты, — ответила учительница.

— Здесь и так нормально, — возразила Агата.

— Школа не дворец! — зашумел Илья. — Мой вопрос: на хрена такая тьма бумаги, полотенца, геля? В классе двадцать пять детей. Директор торговать, что ли, пипифаксом собралась?

— Как вашему сыну в туалет сходить? — пошла в атаку Майя. — Вернее, что ему делать после завершения процесса? Бумаги нет, руки помыть нечем, а они грязные.

— Мой мальчик никогда не писает на руки, — заявила Ирина.

Я с большим трудом сдерживала смех, который буквально рвался наружу. Однако, оказывается, на родительских собраниях бывает весело.

Помнится, когда пришла пора записывать Кису в школу, я провела энное время у компьютера, изучая сайты общеобразовательных заведений и читая на форумах комментарии пап-мам, бабушек-дедушек. Большинство взрослых хвалило гимназию, где директором был господин Гусев. И располагалась школа в двух минутах ходьбы от нашего дома, и денег там за обучение не брали. Но я туда даже не сунулась. Почему? В классах там было всего по пятнадцать человек, а на сайте вывесили список тех, кто уже подал заявление, в перечне значилось сорок пять фамилий. Ниже шло объявление: «А связи с полным набором детей в три нулевых класса прием закрыт». После долгих размышлений мы с Максом выбрали платное заведение, где я сейчас и находилась. Прошло чуть больше месяца со дня начала учебы, а я уже устала от классной руководительницы. А ведь впереди у нас одиннадцать лет!

Глава 8

Вернувшись домой, я поднялась на пятый этаж, позвонила в дверь к Цыганковым и сказала открывшему дверь Зиновию Павловичу:

— Добрый день. Разрешите с вами побеседовать?

Профессор прищурился.

— Рад вас видеть. Простите, что стою перед вами в халате. Никак не ожидал гостей в столь ранний рассветный час.

— Не хотела вас разбудить, но дело не терпит отлагательства, — сказала я, удивляясь тому, как поздно восходит для профессора солнце, на часах-то уже обеденное время.

— Видите ли, уважаемая, извините, не знаю вашего имени-отчества... — запел доктор наук. — Да, я веду кафедру, но вопросов о приеме в аспирантуру не решаю. Если ваш ребенок не получил рекомендацию от кафедры, ничем помочь не могу. И вы опоздали с хлопотами, сейчас уже октябрь. Все решения приняты, приказы подписаны.

— Зиновий Павлович, наденьте очки, — попросила я.

Цыганков похлопал себя по бокам, вытащил из кармана очки, посадил их на нос и воскликнул:

— Евлампия Андреевна! Доброе утро! Проходите, пожалуйста. Простите, не узнал вас. Прекрасно выглядите, помолодели, посвежели. Отдыхали, наверное? Принял вас за сумасшедшую мамашу. Прямо беда с ними. Как только наступает начало учебного года, так дамочки просто ума лишаются, требуют, чтобы их детки-неучи в аспирантуре оказались, несмотря на неуды, которые на сессиях получали.

Я молча шла за хозяином, старательно сохраняя на лице вежливую улыбку. Зиновий спутал меня с женщиной, чей отпрыск не поступил в аспирантуру. Следовательно, диплом об окончании вуза у соискателя есть. И сколько же мне, по мнению Цыганкова, лет?

— Чайку? Кофейку? — пел хозяин, усаживая меня в гостиную. — Правда, Верусеньки нет, она улетела на фэшн-неделю в Милан.

— Зиновий Павлович, — перебила я его, — не хочу отнимать у вас время, поэтому без долгих церемоний спрошу. Вы знаете, что случилось с Надеждой Владимировной?

— Надежда Владимировна... Надежда Владимировна... — забормотал профессор. — Ах, Надежда Владимировна! Ну конечно! Она позавчера с

блеском защитила докторскую. Вы с ней знакомы? Воистину мир тесен.

— Я о Реутовой, нашей соседке со второго этажа, — уточнила я.

Собеседник засмеялся.

— Я весь в работе, первая мысль в голове о коллеге. Надежда Владимировна — не редкое имя. С Реутовой я иногда пересекаюсь в лифте. Приятная дама, собачка у нее милая.

— Она умерла, — продолжала я.

— Да что вы говорите! Жаль псинку, — пригорюнился Цыганков. — Увы, век домашних любимцев короток. Вы собираете деньги на похороны песика? Сейчас принесу.

— Йорк в полном здравии, — остановила я профессора, — скончалась его владелица.

Доктор наук начал ахать и охать.

— О господи! Я видел ее на днях во дворе. Бодрая была, веселая. И вдруг! Все под богом ходим. А что случилось? Инсульт? Инфаркт?

— Зиновий Павлович, — продолжала я, — вы же знаете, мой муж — владелец крупного частного детективного агентства.

— Слышал что-то о нем, — согласился сосед, — Верочка говорила. Ох, любите вы, женщины, слухи и сплетни собирать.

— Макс часто работает в тесном контакте с полицией, — сказала я, — и сейчас мы подключились к расследованию внезапной кончины госпожи Реутовой. По сему поводу у меня есть несколько вопросов к вам.

Цыганков сделал скорбное лицо.

— Да, да, конечно, понимаю. Спрашивайте. Правда, ничего интересного я не сообщу, наше знакомство шапочное. Но всегда готов помочь. Итак?

Я положила руки на подлокотники кресла.

— Зачем вы вчера поздно вечером заходили к Реутовой?

Профессор изобразил удивление:

— Кто?

— Вы вчера вечером поздно заходили в гости к Надежде Владимировне, — чуть не по слогам повторила я. — У квартиры Реутовой громкий и оригинальный звонок, он издает лай. Вы, стоя на лестничной клетке, сказали: «Это Зиновий Павлович». Затем вошли и почти сразу вышли.

Профессор сцепил пальцы рук в замок.

— Простите. Начисто забыл. Сейчас пишу новую книгу, весь в ней. Да, действительно, я заглянул к Надюше, надо же, совсем из головы вылетело.

«Ага, — отметила я про себя, — у него Реутова теперь Надюша».

— Просто поговорить заскочили?

— Да, да, о ерунде поболтать, — обрадовался подсказке Зиновий Павлович.

— За пару минут наговорились? — уточнила я.

— У Надюши голова болела, — придумал очередную версию Цыганков, — она честно сказала: мигрень. Ах ты боже мой, наверное, у бедняги инсульт начинался.

— И вы ушли просто так? — укорила я профессора. — Не предложили соседке таблетку?

— Я сострадательный человек, — забеспокоился ученый, — если вы думаете, что я не помог, то это не так. Предложил Надежде Владимировне пилюли. Она их приняла.

— И потом умерла, — заявила я, — на тумбочке у кровати пустой блистер нашли.

Зиновий Павлович открыл рот.

— Нет!

— Реутова точно скончалась, — возразила я. И, усмехнувшись про себя, добавила: — А вас теперь заподозрят в содействии ее смерти.

— Меня? — перепугался хозяин. — За что?

— За лекарство, — уточнила я. — Медикаменты порой могут вместо пользы вред принести. Если при поносе слабительное примете, что получится?

Лоб профессора покрылся мелкими капельками пота. Я решила закрепить успех.

— Вчера Надежда Владимировна стояла у дверей ваших апартаментов. Я слышала ее слова: «Знаю, чем ты занимаешься». Увидев меня, Реутова сообразила: я слышала ее фразу, — поэтому принялась изображать, будто поет популярную песенку. Но я предполагаю, что она заподозрила вас, Зиновий Павлович, в неблагоприятном поведении. Вы сидели в квартире тихо, не откликнулись. А когда все ушли, спустились к Реутовой и завели с ней непростой разговор, в процессе которого решили убрать ее со своего пути. Попросту сказать, убить. Почему? У меня есть предположение: возможно, вы изменяете супруге, а Реутова пыталась вас шантажировать.

— Хорошо, хорошо, хорошо, — зачастил профессор. — Евлампия, дорогая, поймите меня правильно... я честный человек... прекрасный муж...

Я терпеливо слушала сбивчивый рассказ Зиновия Петровича и в конце концов узнала, как развивались события.

...Доктору наук хорошо за шестьдесят, но он до сих пор нежно любит молодых девушек, в особенности тех, кому от восемнадцати до двадцати пяти. Уж очень эти прелестницы нравятся Цыганкову. С несовершеннолетними педагог никогда не связывается, он законопослушен. У Цыганкова молодая жена, ей тридцать пять. Профессор любит супругу, но, понимаете... у него еще не атрофировались всякие желания. А в институте, где Цыганков заведует кафедрой, на лекциях сидят в основном девушки. Юные. Прелестные. Персики. Майские розы. Незабудки. Блондинки. Брюнетки. Полненькие. Стройные... При таком выборе любой соблазнится. Дьявол не спит, искушает. Да еще современная мода не способствует целомудрию. На студенточках мини-юбки. Кофточки с глубокими вырезами. Маечки в обтяг. Сядет такая нимфа сдавать зачет, томно вздохнет, начнет нести чушь на вопрос билета, наклонится, станут видны сочные перси... Надо дурочке поставить «неуд», но ведь ее стипендии лишат и отчислить могут. А Цыганков жалостливый. Токмо из сострадания профессор приглашает глупышек к себе домой, исключительно для пересдачи зачета-экзамена. Вчера Надежда Владимировна подошла к двери квартиры сластолюбца и сказала в домофон: «Знаю, чем ты занимаешься». Профессор, естественно, занервничал, ведь рядом с ним находилась студентка Катя Полякова. Надеюсь, всем понятно, по какой причине парочка сидела тихо.

Неверный муж стал думать, как ему быть, если Реутова продолжит звонить, но та почему-то перестала. Зиновий Павлович осторожно включил камеру и увидел на лестнице меня, Наташу и Реутову. И вовсе запаниковал. Он решил, что Надежда Владимировна решила его изобличить, для чего собрала свидетелей. Но вся честная компания неожиданно удалилась. Цыганков подождал некоторое время и выпустил Катю...

Я удивилась, что Наташа ничего не рассказала о визите девушки, повторяла, что в подъезд не входили посторонние. Требовалось неувязку прояснить.

— Лифтерша не заметила студентку?

Профессор опустил очи долу.

— Ну... когда я провожаю гостью, то обычно один еду на первый этаж, а моя... э... подопечная идет босиком до второго и там ждет. Внизу я говорю Ильиной: «Деточка, помогите банку открыть». Наталья направляется со мной в квартиру, а гостя убегает. Очень просто.

— Понятно, — кивнула я. — И входят девушки тоже как-то похитрому?

— Если днем заглядывают, то не скрываются, — пояснил

донжуанистый профессор, — и уходят часов в пять, не таясь. А вот коли вечером появляются, тогда да. Звонят со двора, я консьержку отвлекаю.

Вчера обожатель юных прелестниц планировал оставить очередную студентку Катю у себя до утра, но после появления у своей двери соседки решил не рисковать. Избавившись от студентки, Зиновий Павлович успокоился, а потом на него накатила вторая волна страха. Что, если Реутова расскажет Верочке о том, как не могла попасть в их квартиру?

Профессор нервно побегал по комнатам и в конце концов решил поговорить с Надеждой Владимировной. Причем соблюдал меры предосторожности — не воспользовался лифтом, а тихо спустился по лестнице. Затем позвонил в дверь Реутовой, не подумав о том, что «собачий лай» звонка услышит консьержка. Хозяйка почему-то не спешила на зов. Зиновий Павлович решил, что она спит, и зачем-то подергал ручку двери. Та неожиданно открылась. Весьма удивленный профессор двинулся по коридору, говоря на ходу:

— Надежда, это Цыганков... Вы легли спать, а квартира открыта...

Ответа не было. Он добрался до спальни, вошел — и увидел хозяйку на кровати. За свою долгую жизнь доктор наук «встречался» с покойниками только на похоронах, но сейчас почему-то сразу понял: Реутова мертва. Зиновий Павлович перепугался и сбежал.

— Дверь захлопнули? — спросила я.

Преподаватель потер ладонью затылок.

— Не помню.

— В котором часу вы заходили к Надежде Владимировне? — не отставала я.

— Не скажу точно, — пробормотал Цыганков, — поздно. Поймите меня правильно! Признаюсь, иногда я изменяю жене, но я не убийца. Собирался сделать Реутовой за молчание подарок, спросить, что она предпочитает: духи, конфеты, сумку... Готов был купить ей любой женский пустячок...

— Если дама решила вас шантажировать, то «милым пустячком» вы бы не отделались, пришлось бы раскошелиться по полной программе, — заметила я.

Глава 9

— Если Реутова занималась ловлей беглых преступников, то список людей, желающих ей зла, может оказаться весьма длинным, — заметил Макс, когда я, приехав в офис, передала ему свою беседу с Цыганковым. — Наверняка были заказчики, которым она не смогла помочь. А деньги, выданные на расходы, не возвращаются.

— Надо найти список ее клиентов, — предложил Володя Костин.

— Отличная идея, — одобрила я приятеля, — но в отличие от тебя Надежда Владимировна никогда не работала в полиции.

— При чем тут полиция? — поморщился Вовка. — Я уже давно с Максом.

— Полиция тщательно хранит всю информацию о делах, — вздохнула я. — Сколько раз ты жаловался, что чувствуешь себя писарем, мол, кучу бумаг за день заполнил и с ума сошел? А у Реутовой такой необходимости не было.

— Лампа права, — заметил Фокин, — более того, я думаю, что хантерша, прежде чем приняться за новую работу, тщательно уничтожала все, относившееся к предыдущему делу. Я бы именно так поступил. В квартире Реутовой работали криминалисты и ничего интересного не нашли. Судя по ее домашнему окружению, она обычная пенсионерка. Только очень обеспеченная, с шикарным жильем, красивыми вещами и вкусными продуктами. На себе, любимой, она не экономила, покупала лучшее.

Костин встал, подошел к доске и взял фломастер.

— Кто мог убить охотницу?

— Один из близких пострадавшего, — предположил Олег. — Реутова пообещала отцу-матери-брату-сестре жертвы, что найдет сбежавшего преступника, который убил их любимого человека, и не сдержала слова.

— Возможно, — согласился Макс. — Дело за малым: выяснить имена ее клиентов и всех проверить.

— А почему вы решили сфокусироваться только на родственниках одной стороны? — спросил Вова. — У преступников тоже есть близкие. Осужденный насильник для членов своей семьи чист, как слеза младенца, по их мнению, просто полицейские дело состряпали, а судья не разобрался и впалял бедняге пожизненное заключение.

— Значит, еще нужен список подозреваемых, — протянул мой муж.

— Консьержка уверяет, что посторонних в день смерти Надежды Владимировны в подъезд входило не так уж много. Наташа всех знает, они обслуживают жильцов, ни в чем дурном раньше не были замечены.

— Помнится, Федоренко тоже казался приветливым человеком, помогал окружающим, детей местных любил, угощал их конфетами. А потом вдруг выяснилось, что на нем более двадцати трупов, — вздохнул Фокин. — Маньяк убивал незнакомых людей, а с коллегами-соседями после этого был снова милый, очаровательный. Если некто вам при первой встрече сахарно-медово улыбается, в любви клянется, держитесь от него подальше.

У следователя зазвонил телефон, Олег вынул трубку.

— Слушаю. Вы где? Сейчас приеду.

Я спросила:

— Что-то интересное обнаружили?

— Ребята в квартире Реутовой, — ответил Фокин, — ничего примечательного не накопили, дверь опечатали.

— Может, ее никто не убивал? — предположила я. — Имело место простое самоубийство? Проглотила женщина таблетки, запила водой — ну случилась у нее минута отчаяния?

Олег опять потер затылок.

— Хм, некий резон в твоих словах есть. Следов борьбы на теле Реутовой нет. Трудно насильно заставить человека выпить большое количество снотворного. Даже слабую женщину. Точно потасовка завяжется. Царапины эксперт обнаружит, синяки-раны на руках заметит. А в случае Надежды Владимировны — ничего. На кружке только ее отпечатки, и на бутылке тоже.

— Значит, суицид? — вздохнула я.

— Все-таки есть небольшие шероховатости, — заметил Фокин. — Во-первых, кружка. Макс, покажи.

Вульф щелкнул пультом, на экране монитора появилось изображение.

— Что в ней необычного? — не понял Костин. — Подобные кружки у миллионов людей имеются.

Фокин отобрал у Макса пульт.

— То-то и оно. Изучи интерьер квартиры Реутовой.

— У нее полно дорогих, изысканных вещей, — сказала я, глядя на меняющиеся на экране снимки. — Один раз я зашла к ней. Надежда Владимировна неоднократно и весьма настойчиво приглашала меня в гости, я под благовидным предлогом отказывалась, но потом мне стало неудобно. С порога я поняла: Реутова любит редкие вещи, антиквариат. Чай

она мне налила в очень красивую чашку. На столе сверкали серебряные сахарница, «лодочка» для конфет. Вся обстановка гостиной, где мы сидели, была тщательно продумана, ни одной случайной мелочи. Пледы в креслах из ангорской шерсти, ковер туркменский, старинный, ручной работы. Все изысканно, дорого. А сейчас перед нами весьма вульгарная кружка. Не фарфоровая — фаянсовая, с надписью «Любите друг друга». Такие в качестве сувениров разные фирмы раздают.

— И мы похожие заказывали, — оживился Вовка, — двести с чем-то рубликов за штуку, с изображением Шерлока Холмса. Клиенты радовались. Пустячок, а душу греет.

— Странно, что такая дама, как Реутова, воспользовалась такой кружкой, — пробормотала я.

— Вот-вот, — кивнул Фокин, — она по идее должна была взять чашку из какого-нибудь сервиза. Гляньте, сколько в квартире прекрасных вещей.

— Нервничала, торопилась, схватила первое, что попало под руку, — без особой уверенности возразил Вульф.

Я не согласилась с мужем.

— У этой женщины и первое, что попадется под руку, окажется изысканным. Она легла в кровать в роскошном ночном одеянии, вся в кружевах, рюшах, пахла французскими духами и... пила воду из барахла?

— Погодите-ка... — попросил Макс. — Олег, не листай фото, задержись на том, где изображена тумбочка крупным планом. Да, верно. Мне вот что в голову пришло. Сколько пустых блистеров было?

— Три, — уточнил Олег, — рядом пустая упаковка от лекарств. Таблетки продаются в картонке по тридцать штук. По десять в один блистер уложены. На месяц запас.

— Покажи лекарство, — потребовал Вульф.

На экране появилось фото.

— Коробка, в ней было тридцать пилюль... — забормотал мой муж, — срок годности март будущего года... Произведено в Индии...

Игорь, который до сих пор сидел молча, подал голос:

— Средство легально разрешено в России.

— Так... — протянул Макс. — На каждом блистере с десятком таблеток есть номер. Хочу на все три посмотреть, увеличить изображение. Ага! Вот оно! Я молодец!

— Ты о чем? — одновременно спросили мы с Костиным.

Вульф потер руки.

— Мне пришла в голову простая идея. Кружка не принадлежит Реутовой, поскольку это не ее стиль. Но посудина все же дома у Надежды

Владимировны, и нет сомнений, что она ее в руке держала. Олег прав: если заставить человека насильно принимать лекарство, то он будет сопротивляться. И добровольно никто из рук убийцы пойло не возьмет. Эксперт живо обнаружит признаки борьбы. А что, если Надежда Владимировна побывала у кого-то в гостях и ее там угостили?

— Снотворное растворяется в воде, запаха и вкуса не имеет, — тут же уточнил заведующий отделом компьютеров Игорь.

— Надежда выпила в гостях воды, а в ней была немалая доза лекарства, — продолжал мой муж. — Когда Реутова скончалась, убийца водрузил на тумбочку кружку с отпечатками пальцев жертвы, бросил пустую упаковку...

— Не пойдет, — возразила я, — на блистерах следы пальчиков Реутовой, она сама вынимала лекарство.

— Правильно, — согласился муж, — о том же и я подумал. Поломал голову и... Смотрите. Лекарство годно до марта будущего года, так написано на общей упаковке. В ней должны быть три фольгированные пластинки по десять пилюль. Сбоку на каждой тоже указана дата окончания использования и номер.

— Номер? — удивилась я.

— Да. И на всех блистерах он свой, — поддакнул Костин. — У нас когда-то проходило дело о фэйковых медикаментах, я многие тонкости тогда изучил.

— Не все производители так поступают, — заметил Игорь, — но данная фирма ответственно к вопросу относится. Глядя на экран, выражаю сомнение: похоже, только один блистер для этой коробки родной. Два других — нет.

— Как ты это определил? — удивилась я.

— На картонке напечатано: М/06-750, — пустился в объяснения Гарик. — Расшифровываю: М косая черточка ноль шесть — это значит, что пилюли можно использовать до шестого марта, а семьсот пятьдесят — номер блистера. В картонке их должно быть три, соответственно, два других должны иметь маркировку М — черточка ноль шесть семьсот пятьдесят один и пятьдесят два... или семьсот сорок девять — сорок восемь. Разница непременно в одну цифру. Но! На другом блистере выбито: Д черточка двенадцать. То есть двенадцатое декабря. И как в картонке, содержащее которой годно до марта, оказался декабрьский блистер? И третий, январский? А?

— Кто-то собрал старые блистеры, которые Надежда Владимировна использовала, поэтому на них есть ее отпечатки, — договорил Макс, — и

отравил Реутову, представив все как самоубийство. Не новая идея.

Я посмотрела на Фокина.

— Консьержка утверждает, что в подъезд не входил никто из посторонних. Наташа не умеет врать, она слегка отстаёт в развитии. Очень исполнительная, честная, аккуратная девушка, но с фантазией у нее беда. Дислексия, дисграфия, отсутствие образования не способствуют развитию воображения, а без него хитроумный план не составишь. В дом заходил Костя, мастер на все руки. Его вызвал Цыганков. Вообще-то странная на первый взгляд история: Зиновий Павлович потребовал, чтобы Костя пришел срочно, и тот примчался, полагая, что у профессора в квартире кран сорвало, а оказалось, что надо поговорить о ремонте двери, которую кто-то поцарапал. Ну и к чему такая спешка? Во время разговора со мной Зиновий Павлович признался, что боялся языка Реутовой, пошел к ней, чтобы попросить не рассказывать его жене о его выкрутасах, но нашел соседку мертвой, перепугался и сбежал. А потом решил организовать себе алиби — ножом поскреб одну из створок в квартире и вызвал рабочего. Если вдруг полиция начнет соседей опрашивать, у Цыганкова будет все отлично, он у себя дома с Константином беседовал.

Я встала.

— Простите, мне пора бежать в гимназию за ребенком.

Глава 10

— Лампа, мой костюм Красной Шапочки готов? — с подозрением спросила Киса, когда мы вошли в квартиру. — Он же у меня будет, да?

У вас хватит смелости ответить на такой вопрос правду: «Нет, дорогая, я начисто забыла об идиотском спектакле»? У меня язык не повернулся.

Я сняла куртку.

— Солнышко, конечно, будет. Я специально приехала пораньше, чтобы успеть все приготовить.

На самом деле мне предстояло опросить соседей, но об этом Киса никогда не узнает.

Малышка подошла ко мне и с чувством произнесла:

— Ты лучше всех мам на свете!

Я погладила ее по голове и поцеловала в макушку.

— Легко быть лучше всех мам на свете, если у тебя самый прекрасный ребенок на Земле.

— Что мы сделаем сначала? Сошьем костюм или составим доклад про кошку? — запрыгала Киса.

Сшить наряд? Да я совершенно не умею орудовать иглой! Мне и пуговицу не притачать! Вот готовлю я замечательно, портниха же из госпожи Романовой, как из козы барабанщик.

Кошка! Я начисто забыла и про эту замечательную идею Майи Михайловны.

Киса подергала меня за рукав.

— Времени мало.

— Почему? Сейчас только три часа дня, — удивилась я.

— Осень, темнеет рано, — объяснила Киса, — а когда света нет, фотографировать на улице плохо. Зато шить можно дома при электрическом свете.

— Разумно, — согласилась я, — пошли искать кису.

Малышка схватила курточку.

— Майя Михайловна объяснила, что бродячие Мурки в основном водятся в супермаркетах.

Я считаю, что школьница должна уважать учителя, тогда процесс получения знаний пойдет успешно, поэтому решила не ронять авторитет классной и кивнула.

— Хорошо, можем пойти в магазин.

Конечно, я сомневалась, что мы увидим в зале бездомную кошку, за такую любовь к братьям и сестрам меньшим торговую точку живо оштрафует санитарная служба. Но нам все равно нужно было купить корм.

— Лампа, не стой, побежали, — поторопила Киса.

Мы отправились на улицу и через пару минут вошли в супермаркет.

Малышка стала озираться.

— Где кошки?

Я показала на табличку «Зоотовары».

— Нам туда.

— Зачем? — спросила малышка.

— Давай сначала купим еду для Мурки, — ответила я.

Киса побежала в нужном направлении, я пошла за ней, и вскоре мы стали обладательницами пакетиков с разными кормами.

— Теперь нужна голодная кошечка, — справедливо заметила Киса. Метнулась к прилавку и спросила у продавщицы:

— Где у вас живут кисоньки?

— Да вон они, — заулыбалась женщина, показывая на вольеры, — выбирайте. Какую хотите? У нас есть на любой вкус.

— Мы не собираемся ее есть, — испугалась моя школьница, — мы не кошкожоры, на вкус котиков не пробуем.

— Смешная у вас дочка, — сказала продавщица. — Покупайте любую, какая приглянулась, сделаю хорошую скидку.

— Нам нужна бродячая... — принялась я объяснять суть дела.

— Чего только в школе не придумают! — всплеснула руками тетушка, когда я выложила всю правду о нашем визите. — Рада бы помочь, но у нас в магазине исключительно элитные экземпляры. Животным, которые по улице шляются, сюда вход заказан, мы боимся инфекции.

— Знаю, где нужные сидят! — возвестила Киса. — В рыбе! Йо-хо-хо!

Издав крик готового к бою пирата, малышка кинулась к двери.

— Училка глупость придумала, — продолжала сердиться продавщица. — И зря вас в супермаркет погнала. Если кто из покупателей пожалуется, что у прилавка кота заметил, магазину такой штраф насчитают! Голодных бедолаг в подвалах надо искать, но не советую вам там шариться, еще на бомжей наткнетесь. Купите у меня котеночка. Скидку сделаю.

Я попятилась к двери.

— У нас два мопса.

— И что? — удивилась торговка. — Им только веселее станет.

— Лампа! — донесся из продуктовой части магазина счастливый крик

Кисы. — Я нашла ее! Сейчас вытащу...

Забыв попрощаться с приветливой женщиной, я ринулась на зов и увидела Кису, которая сидела на корточках возле прилавка, на котором висело объявление: «Трусы Маугли продают в отделе товаров второй необходимости». Слева маячил еще один листок: «При покупке десяти картофельных котлет детский ночной горшок «Мамина радость» с песней в подарок». Забыв, зачем пришла в супермаркет, я замерла.

— Чего хотите? — осведомилась полная женщина, которая протирала прилавок тряпкой.

— Трусы Маугли... — пробормотала я.

Продавщица подбоченилась.

— Во народ! Да, они у меня здесь были. Из-за ремонта весь товар второй необходимости по разным отделам распахали, а теперь он снова в одном месте. Специально же написали! Русским языком!

— Извините за любопытство, — смутилась я, — но что такое трусы Маугли?

— И что вам ответить? — еще сильнее обозлилась тетка. — Сами не знаете, чего купить хотите. Насмотрелись кино и прибегаєте. Трусы Маугли — это трусы Маугли. Ясно?

— Нет, — призналась я. — Чем они от обычных отличаются?

— Тем, что их сам Маугли носил, — объявила продавщица.

— А что такое товары второй необходимости? — продолжала недоумевать я.

— Лампа, дай «Вкусные кусочки в желе из устриц» и мисочку, — потребовала Киса. — Кошечка есть хочет.

Я протянула ребенку пакет.

— Все там.

— Товары второй необходимости — это товары, которые не включены в товары первой необходимости, — неожиданно вполне мирно объяснила торговка.

Я посмотрела на бейджик, прикрепленный к ее форменной куртке.

— Спасибо, Зинаида. Извините за любопытство. Просто никогда не слышала ни про трусы Маугли, ни про товары второй необходимости. Интересно стало.

Собеседница легла грудью на прилавок.

— Это вы меня простите, что полкана спустила. День сегодня неудачный, покупателей совсем нет. Но вы-то ни при чем. Вторая необходимость — это всякая ерундень, вроде детских карнавальных костюмов, пластиковых мисок, бижутерии копейной.

— Кис-кис! — радостно закричала Киса. — Не бойся.

— Народ к нам совсем не идет, — тоскливо продолжала Зинаида. — Купите у меня хоть что-нибудь. Зачем вам трусы Маугли? Все равно не помогут. Нельзя рекламе верить.

Меня охватило жгучее любопытство.

— А для чего это белье?

— Неужели ролик по телику «Как быстро научить ребенка разговаривать на семи иностранных языках сразу» не видели? — удивилась продавщица.

— Редко смотрю телевизор, — вздохнула я, — времени нет.

— Кошечка, не бойся, — нежно выводила малышка, — смотри, какие вкусные кусочки в желе. Лампа, она их не хочет!

— Достань из пакета паштет «Нежный кролик с овощами», — предложила я, заинтригованная неожиданной связью между нижним бельем и возможностью превратить чадо в полиглота.

— Котя, котя, котя... — тараторила Киса, — ну вылезите...

— Обычные такие труселя, — скривилась Зина, — ерунда, но их так преподнесли... Где-то у меня их реклама есть. Секундос!

Продавщица полезла под прилавок и вытащила листок с изображением мальчика, которого придумал писатель Киплинг.

— Лучше сами прочитайте, — протянув рекламку мне, велела Зина.

— Кошечка, покажись! — умоляла тем временем Киса, заглядывая под стеллаж с овощными консервами.

Я отлично понимала, что никакой кошки в торговом зале нет и не будет, но идти ловить ее на улицу совершенно не хотелось. Решив оттянуть момент радости шатания по переулкам, я начала читать: «Маугли мог легко разговаривать и с медведем, и с пантерой, и со змеей, и с обезьянами. А почему? Потому что у него было особое белье. Теперь приобрести его может каждый взрослый! Мы сделали для вас трусы Маугли. Сшили их по старинному китайскому рецепту. Надевайте их, и ваши дети мигом освоят иностранные языки. Трусы Маугли — образование вашего ребенка».

— Вот же глупость, — выпалила я. — Неужели нашелся хоть один человек, который поверил в такую лабуду, купил товар? Кстати, литературный герой жил в Индии, фраза про то, что исподнее сшито по китайскому рецепту, просто восторг.

Зина выпрямилась.

— Да что вы прямо! Толпы за ними бросились! Девочки из отдела едва успевали стринги из подсобки выносить. У нас народ, если что по телику узрит, вмиг того хочет.

— Не помню, во что был одет герой книги, но сомневаюсь, чтобы он использовал трусы, — искренне удивилась я.

— Лампа! Кошечка вылезла! — что есть сил завопила Киса. — Я уговорила ее! Ой, такая лапочка...

Я обернулась и приросла ногами к кафельной плитке.

Глава 11

— Кто это? — прошептала продавщица.

— Киса, иди ко мне, — дрожащим голосом попросила я.

— Она ест! — в полном восторге повторила Киса. — Лампуша, снимай!

— Солнышко, это не кошка, — прохрипела я.

— А кто?

— Не знаю, — честно ответила я.

— Если кто-то ест кошачьи консервы, мурчит, как кошка, имеет хвост, шерсть и уши, как у кошки, то он кошка, — выстроила безупречную логическую цепочку девочка. — Смотри, какая миленькая.

— Ага, — придушенно прошептала продавщица Зина. — Откуда это чудо-юдо появилось? У нас оно раньше не жило.

— Бездомная! — ликовала Киса. — Лампа, давай, снимай скорее, как она ест с аппетитом. А я шерстку гладить буду.

— Не надо! — крикнула Зинаида. — Отойди подальше.

Я не была полностью солидарна с продавщицей, но как можно мягче сказала:

— Кисуля, извини, но это существо, возможно, не кошка, а...

— Крыса! — завизжала продавщица. — Помогите, люди! Сюда! Скорей! Ребенок в опасности! Мутант на свободе!

— Тетя, перестаньте орать, — потребовала Киса. — Вы что, шушер никогда не видели?

— Да я столько раз с ними сталкивалась, сколько зубов у тебя нет, — неожиданно обиделась Зина.

— Это не крыса, — поспешила я на помощь девочке, — лапы высокие. Хвост короткий и толстый, такой бывает у котов породы бобтейл. Уши заячьи, тело худое, длинное, шерсть...

Я примолкла. Как описать то, что покрывало неведомое создание? Меха? Не похоже. Волосы? Тоже неправильно. Это были... Кустики шерсти разной длины, густоты и цвета. Но самое удивительное, что у странного существа оказались большие, выпуклые, как у мопса, глаза, заостренный нос, пышные усы и неожиданно толстые щеки...

— Это не крыса, — повторила я.

— А на кошку похоже, как я на балерину, — не успокаивалась Зина.

Киса погладила странное существо по голове.

— Тетя, вы вообще не танцовщица, они же все худенькие, красивые. А это кошка, только дикая, поэтому такая.

— Прекрати ее трогать! — снова взвизгнула Зинаида. — Подцепишь чуму, проказу или диабет.

— Сахарная болезнь ни воздушно-капельно, ни контактно не передается, — возразила я.

— Лампа, надо ей еще еды дать, — засуетилась Киса.

Зверушка села и посмотрела на меня.

— У нее лапка болит, — испугалась девочка, — смотри, она ее поджала. Наверное, бедняжке очень плохо, ее надо скорее к доктору везти, нельзя здесь оставить, она умрет. От голода. Давай возьмем кисоньку себе.

— В магазине много еды, — малодушно возразила я, — и у нас живут Фира с Мусей.

— Они добрые, не обижают ее, — заныла девочка.

— Вдруг животное заразно? — сопротивлялась я.

— Доктор его вылечит, — парировала малышка.

Животинка издала тихий стонущий звук.

— Лампуша, она плачет! — всхлипнула Киса. — Пожалуйста, давай заберем ее.

Я схватила девочку за руку.

— Пошли, нам надо найти кошку и сделать с ней фото. Нельзя же пригреть всех бездомных зверей.

— Можно, — упрямо прошептала Киса. — Если каждый человек возьмет себе по одной брошенной кошке или собаке, все будут счастливо жить дома.

Я потянула Кису к кассам. Девочка покорилась, мы сделали несколько шагов, и тут меня словно толкнули в спину. Я обернулась.

Тощее страшненькое существо, покрытое клочкастой шерстью, сидело, прижав к груди левую, странно вывернутую переднюю лапку. Похоже, конечность и впрямь была сломана. Заячьи уши непонятное существо опустило, и они теперь почти касались пола. В больших глазах, которые неотрывно смотрели на нас, плескались отчаяние и безнадежность, на мордочке застыло выражение смирения. Казалось, зверушка говорит: «Я не сержусь, что вы уходите, прощайте. Мне очень-очень хочется пойти с вами, но я понимаю, такое счастье невозможно».

Из двери, которая вела в служебные помещения магазина, ленивой походкой вышел здоровенный мужик с палкой в руке.

— Наконец-то! — обрадовалась Зина. — Сколько тебя, дурака, ждать? Крысы по магазину гуляют, а он, блин, дрыхнет!

— Не визжи, — лениво огрызнулся дядька, — ща притырю ее.

Зверушка упала на живот и попыталась уползти, но больная лапа мешала быстро двигаться. Мужик поднял палку...

— Нет! — в один голос закричали мы с Кисой и бросились к несчастному созданию.

Я схватила его и сунула себе под куртку.

— Дядя, идите в задницу, — заявила Киса, — это наша кошка.

Следовало немедленно сделать девочке замечание, объяснить ей, что и со взрослыми, и со сверстниками нельзя разговаривать в подобном тоне, но педагог во мне если и был, то в данный момент умер. Я понеслась к выходу из супермаркета, прижимая к себе тощее трясущееся тельце. Сзади с громким сопением неслась Киса.

— Забрали! Она навсегда наша! — ликовала малышка, когда мы сели в машину.

Я обернулась. Киса устроилась на заднем сиденье и держала на коленях спасенную зверушку, а та, вот уж удивление, вела себя совсем не как испуганное бездомное животное. Она мирно лежала на коленях ребенка, из ее выпуклых глаз исчез ужас. Увидев, что я пристально, изучающе смотрю на него, неизвестное создание... улыбнулось. Да, да, именно улыбнулось. И издало звук, похожий на урчание.

— Надо скорей к доктору, — поторопила меня Киса, — пусть он лапку вылечит.

Я завела мотор, выехала на проспект, и тут во мне с большим опозданием ожил педагог.

— Киса, неприлично говорить «задница».

— Почему? — удивилась девочка. — Макс вчера сказал: «На дороге задница, я везде опоздаю». Есть еще слово на букву «ж», вот оно грубое. Я его знаю, но не говорю.

— Молодец, — похвалила я девочку, думая, что надо поговорить с Максом по поводу его лексики. — На самом деле слово «задница» вполне нормальное. Вульф не ругался. Но! Сказать фразу: «На шоссе задница», мужчина может, а женщина нет.

— Почему? — опешила Киса.

— Потому что мы слабые, нежные, хорошо воспитанные, нам лучше разговаривать вежливо, — пояснила я. — И уж совершенно точно маленькая девочка не имеет права крикнуть взрослому человеку: «Дядя, идите в задницу».

— Почему? — снова спросила малышка.

— Потому что грубить нехорошо. И все будут думать: «Вот как плохо

Лампа воспитала ребенка», — нашла я подходящий аргумент.

Киса молча гладила зверушку. Некоторое время мы ехали в тишине, потом девочка протянула:

— Хорошо. Я поняла. А что сказать, когда противный дядька хочет палкой кошку убить? Если отправить его в задницу неприлично, то как надо правильно выразиться?

В моей голове вмиг возникло несколько адресов, куда бы я с удовольствием послала омерзительного мужика, но поскольку их категорически нельзя было произносить при Кисе, растерялась. И тут, на мое счастье, девочка закричала:

— Приехали!

Я выдохнула, припарковалась, и мы поспешили в клинику.

Посмотреть на нашу находку сбежался весь состав врачей и медсестер.

— Впервые такое вижу, — признался главврач и владелец лечебницы Владимир Николаевич, рассматривая результаты анализов. — Но кем бы оно ни было, проблем со здоровьем, кроме пораненной лапы, я не вижу. С конечностью мы справимся легко. Тут ожог. Болезненный, но не опасный.

— Он наступил в костер? — спросила Киса.

— Она, — поправил доктор, — перед нами девочка. Нет, кто-то ткнул в нее сигаретой.

— Такой человек точно должен идти в задницу! — выпалила моя дочь.

Я смутилась, а Владимир Николаевич, доставая из шкафа какие-то лекарства, кивнул:

— Совершенно с тобой согласен. Хотя, на мой взгляд, задница слишком комфортное место для этого уродя, ему лучше на помойке жить.

Ну вот! И как внушить ребенку, что некоторые слова произносить нельзя? Сначала Макс со своим заявлением про дорогу, теперь ветеринар...

— Я бы гада еще подальше отправила, — заявила медсестра, обрабатывая лапку зверушки.

— Куда? — живо заинтересовалась девочка.

— Значит, животное не заразно? — быстро перевела я беседу на другую тему.

— Анализы хорошие, — подтвердил врач, — блох нет. Средство от глистов ей дали. Уши, глаза в порядке. Существо имеет отношение к семейству кошачьих. Но кто она? Экзот. Сейчас мода на всякие чудеса, которые незаконно привозят из разных стран. Может, диковина от хозяев удрала. Или это помесь не пойми кого с кошкой. Извините, точнее не скажу. Не разбираюсь в тварях, которые обитают в Африке, Австралии и на островах всяких. Я специалист по европейским животным, ну и еще по

тем, которые в цирке выступают.

— Чем же ее кормить? — озаботилась я. — В магазине мы ее угостили кошачьими консервами, они на ура пошли.

Медсестра забинтовала лапку.

— Вот, дорогая, обещаю, что скоро тебе станет лучше. Но уже сейчас должно меньше болеть. Ты умница.

Ветеринар погладил пациентку и сел к столу.

— Напишу список того, что надо купить.

— Спасибо, — обрадовалась я.

Киса бросилась к ветеринару и обняла его.

— Дядя Володя, я тебя люблю.

— А я тебя обожаю, мой ангел, — улыбнулся врач, отдал мне листок, потом встал, взял зверька и явно хотел опустить его на пол. Но странное существо вдруг прижалось к ветеринару, положило ему голову на плечо, потом обняло передними лапами за шею и потерлось носом о его щеку.

— Дядя Володя, она тебя поцеловала! — запрыгала Киса.

— Забавная, однако, — улыбнулся доктор. — Совсем не вредная и не обижена на весь мир за злую судьбу. Я завел ей карту, породу обозначил как бастард, только нужно еще имя вписать. Как величать ее станете?

— Не знаю, — вздохнула я, — надо подумать.

— Сделаем, как в сказках, — решила Киса, — если королева не знает, как новорожденную девочку назвать, она велит слугам спросить у первого человека, который им на дороге попадется...

В кабинет заглянула пожилая женщина.

— Ох, извините, я думала, здесь рентген. Не хотела вам помешать. Еще раз прошу прощения.

— Стойте! — закричала Киса. — Тетя, как вас зовут?

— Генриетта Карловна Сидорова, — ответила дама.

— Евлампия Андреевна Романова, — зачем-то представилась я.

Незнакомка пожала плечами и скрылась из вида.

— Вот! Теперь она Генриетта Карловна, — возвестила девочка.

Владимир Николаевич быстро побегал пальцами по клавиатуре и вскоре протянул мне карту. Я увидела, что написано на ее обложке: «Мутант Вульф. Пол женский. Имя: Генриетта Карловна Сидорова».

Глава 12

Мы с Кисой и Генриеттой подошли к своему дому и увидели у входа белый фургон с надписью «Помдолстрой».

Я обрадовалась и сказала девочке:

— Иди в квартиру, вот ключи, а мне надо поговорить с одним человеком.

Малышка, прижав к себе нового члена семьи, беспрекословно отправилась в подъезд. Я обошла машину, сфотографировала номер, потом вошла в подъезд и увидела Наташу, сидевшую за столом.

— Мне Киса показала кошечку, которая у вас жить будет, — обрадовалась девушка. — Хорошенькая! Прямо красавица!

В этих словах вся Ната. Окружающий мир кажется ей невероятно прекрасным, а люди, с которыми девушка сталкивается на жизненном пути, все как один добрые. Если же кто-то совершит подлый поступок, лифтерша не станет восклицать: «Вот мерзавец!» Нет, она опечалится: «Хороший человек, но поступил неправильно. Ну ничего, он поймет свою ошибку и больше такого совершать не станет».

Недавно мы с Ильиной стояли у торгового центра. Только что прошел дождь, тут и там сверкали лужи, небо хмурилось, но у нас в душе сияло солнце. У Наты был день рождения, я хотела купить ей в подарок новое платье, а она возражала:

— Нет, нет, это дорого! Лучше кружку, но обязательно с собачками.

В самый разгар спора мимо нас на большой скорости пролетела машина, которая выехала из паркинга. Автомобиль проехал по луже, брызги полетели в разные стороны. На меня попала пара капель, а Наташу окатило с головы до ног.

— Вот мерзавец! — с чувством произнесла я. — Видел же нас, но не сбавил газ.

— Может, у него жена рожает, — вздохнула Наташа, — или он на самолет опаздывает. Определенно хороший человек, и машинка у него красивая. Просто обстоятельства так сложились. И я знаю, если утром со мной случается маленькая неприятность, то вечером громадная удача прикатит. Красивая, как торт, который Светлана Георгиевна Лаптева печет.

Я остановила Ильину.

— Пошли за платьем, теперь не отвертишься. Ты вся грязная.

— Дорого, — вздохнула Наташа.

— Хватит возражать! — велела я. — Одежда точно не отстирается, пятна жирные, дорогу какой-то химией обработали.

Мы вошли в огромный торговый центр, я приготовилась бродить по нему пару часов, но прямо у дверей в первом же магазине оказались большие скидки. И там нашлось не только милое платье для Наташи, но еще и кофточка с юбкой. При покупке двух нарядов третий отдавали за один рубль. Поэтому симпатичную блузку Ната получила бесплатно. Вечером, придя за мопсами, чтобы вывести их гулять, лифтерша покружилась передо мной и весело зачирикала:

— Хорошо, что меня машина утром облила, зато вы мне платье подарили. Вера Андреевна Цыганкова увидела обновки и принесла мне туфли с сумочкой, а Светлана Георгиевна куртку. Все такое красивое! Надежда Владимировна похвалила: «Ната, ты сегодня просто модель. И похорошела. Не зря в народе говорят: одень пенек, станет как ясный денек». Я теперь ясный денек! Сработало мое правило: если случилась утром ерундовая неприятность, жди к вечеру огромной удачи.

Сомнительный комплимент от Реутовой Наташа не сочла обидным. На слова «одень пенек» не обратила внимания, обрадовалась второй части фразы Реутовой про ясный денек. Вот как вы отнесетесь к женщине, услышав сие выражение в свой адрес? Я бы подумала, что тетка считает меня пнем, который исключительно красивая одежда симпатичным сделала.

— Миленькая, славненькая зверушка, — продолжала восхищаться Генриеттой девушка, — Фире с Мусей теперь веселей станет. Можно, когда я вечером с собачками гулять пойду, погладить кисочку?

— Конечно, — улыбнулась я. — Наташа, мужчина, который привозит всякие коробки в квартиру на первом этаже, сейчас там?

— Где? — не поняла девушка.

— В апартаментах, — уточнила я.

— Да, да, — кивнула консьержка. — Странно, конечно.

— Что тебя удивило? — спросила я.

Ильина понизила голос до шепота:

— Я никогда про жильцов не сплетничаю. Нельзя о чужих делах другим разбалтывать. Но Юрий Петрович Венькин, которому квартира принадлежит, за границей все время живет. Он же не наш жилец. То есть, конечно, наш, но вроде и не наш... Ой, я путано говорю, простите.

— Наоборот, все очень понятно, — улыбнулась я. — Думаю, о Венькине вполне можно посудачить, он точно не наш.

— Я не про него сказать хотела, а про Ивана, — прошептала

Наташа. — И про Надежду Владимировну. Она умерла. Меня полицейский опрашивал. А я ему кое-что не рассказала. Потому что никогда про своих не судачу. И теперь все думаю, думаю... Может, я неправильно поступила?

— Если тебе некомфортно общаться с представителями закона, можешь мне объяснить. Я улажу дело, — пообещала я.

— Дела нет, только мысли, — пригорюнилась Наташа. — Вот, например, Иван. Он странно приезжает. Иногда его по полгода нет, а потом раз — утром рано-рано, часов в пять, а то и в четыре, привозит свой ящик. Понятно, что очень тяжелый. У него и тележка особая, у мини-вэна дверь распахивается, изнутри выдвигается вроде как настил. Я его один раз спросила: «Где такую отличную каталочку взяли?» Он грубо мне в ответ: «Тебе зачем?» Я пояснила: «Жильцы ремонт делают, тяжелое покупают часто. Я бы могла их на улице встретить, поклажу отвезти, им помочь». Иван отмахнулся: «По спецзаказу техника, тебе она не по карману. И не короли те, кто здесь живет, сами до лифта барахло доволокут». В общем, прикатит он свой ящик ни свет ни заря, запрется в квартире и весь день там что-то делает. Тихо, никакого шума. Если не знать, что в апартаментах кто-то есть, то можно их пустыми посчитать. А он за полночь потом ящик увозит. И так всегда. Ну ведь странно! Чем он там занимается? Ремонт? Отчего тогда раз в несколько месяцев приезжает? Какие-то вещи притаскивает? Но неудобно в рань раньскую, а потом в поздноту раскатывать. Люди трудятся с девяти до шести.

— По-разному бывает, многие работают в ночную смену, — остановила я Нату. — Вот вы, например, всегда на службе.

— Ой, — отмахнулась Ната, — у меня же сплошное удовольствие, а не работа, я тяжести не вожу. И по ночам редко-редко кто меня разбудит. А еще... Вы к Надежде Владимировне заходили домой?

— Один раз, — уточнила я, — сидела в столовой.

— У Реутовой такая красивая посуда была, — протянула девушка. — Знаете, где-то за неделю до ее смерти пришла я к ней, как всегда, чтобы Лизу погулять взять, а хозяйка чай пьет. Из кружки! Дешевой! Такие в любом магазине есть. Я так удивилась, сказала: «А почему вы фарфоровую чашечку, бело-синюю, не взяли? Неужели разбили? Вот жалость!» Она ответила: «Все цело, не волнуйся. Эту кружку мне подарил один человек. Она ценна не качеством фарфора, не росписью и изяществом, а тем, что от нее радость и здоровье исходят».

Наташа оглянулась по сторонам.

— Вот я и думаю, может, Иван ей посудину вручил? Видела, как он с Реутовой разговаривал.

— Схожу-ка я к этому Ивану, — остановила я консьержку.

— Хорошая мысль, — обрадовалась Наташа. — Если он с вами говорить не пожелает, скажите ему так: меня выбрали старшей по подъезду, хочу знать, почему вы в чужой квартире шуруете.

— Никогда не занимала столь высокий пост, — улыбнулась я, — понятия не имею, что обязан делать главный по подъезду.

— Не думайте об этом, — посоветовала Наташа, — должность ерундовая, для галочки. Кажется, если пожар случится, старший обязан всех предупредить. Вроде так. Сама точно не знаю.

Дверь подъезда открылась, вошел мужчина и двинулся к лифту.

— Простите, вы к кому? — спросила Наташа.

— К Николаеву, — ответил незнакомец.

— Очевидно, вы ошиблись, в нашем доме таких нет, — улыбнулась консьержка.

Гость вынул телефон.

— Квартира сто сорок.

— Вам нужна самая высокая башня на этой территории, — пояснила Ильина.

— Вечно все путаю, — засмеялся мужчина. — Значит, живет мой Николаев в другом доме. Спасибо.

— Простой человек, с простой такой фамилией «Николаев» совсем в другом месте живет, — тихо, слегка нараспев произнесла Ната. — Вам надо вернуться к центральному входу, а оттуда сразу налево.

Незнакомец ушел.

— Пожалуйста, поговорите с Иваном, — продолжила прерванный разговор консьержка. — Что-то я волнуюсь очень. Сама не знаю, почему дергаюсь, прямо мурашки по спине скачут!

— Уже иду, — кивнула я и пошла к двери квартиры.

Иван на самом деле оказался нелюбезным человеком.

— Чего надо? — донеслось из домофона, когда я нажала на кнопку.

— Добрый день, вас беспокоит Евлампия Романова, — назвалась я.

— Чего надо? — повторил мужской голос.

— Вы Иван?

— И что?

— Я старшая по подъезду.

— Ну?

— Вы сейчас находитесь в этих апартаментах.

— Ну?

— Квартира вам не принадлежит.

— И чего?

— Без разрешения хозяина там находиться нельзя.

— У меня есть доверенность.

— Покажите, — потребовала я.

— Еще чего! Ты не полиция.

— Ладно, пойду за участковым, — мирно ответила я.

— Эй, погоди!

Дверь приоткрылась. На пороге возник мужчина в сером пуловере и джинсах.

— Во народ любопытный! Только дай языком помахать. Владелец хоромы продает. Мне велено помещение подготовить. Венькин живет в США, сюда никогда не приедет. Больше тебе знать нечего.

— Я думала, он в Лондоне, — для поддержания разговора пробормотала я.

— Думала... — передразнил меня мужик. — Кто лучше знает, управляющий или бабы, которые языки о ступени подъезда чешут? Вот доверенность на ведение всех дел, связанных с жилплощадью, любуйся!

Иван открыл сумку, которая висела на вешалке, и показал мне бумагу с печатями и подписью. Я живо сфотографировала ее айфоном.

— Это еще что такое? — разозлился Иван. — А ну сотри!

— И не подумаю, — возразила я. — Если возникнут проблемы, покажу снимок. Он доказательство того, что я проявила бдительность. Иван, я совершенно не хочу с вами ругаться. И я не любопытна. Но в нашем доме случалась беда — внезапно умерла госпожа Реутова. Все напуганы. Скажите, пожалуйста, вы...

— Стой, стой! Куда? — закричал внизу хриплый голос Натальи. — Эй, эй, нельзя!

— Пошла на хрен! Я здесь квартиру имею, отвянь! — заорал в ответ тенор.

На лестнице послышались шаги, и на площадке первого этажа появился мужчина. За ним спешила Наташа.

— Чего вы тут, собственно, делаете? — завопил незнакомец, увидев нас с Иваном и открытую дверь квартиры. — Валите отсюда на фиг! Вы ваще кто?

— А вы? — резко спросил Иван. — Имя, фамилия, отчество, место прописки по паспорту?

— Думаешь, бомжара перед тобой? — еще сильнее разозлился незнакомец. — Паспорт требуешь? А на!

Грубиян вытащил из кармана куртки бордовую книжечку и раскрыл ее.

— Юрий Петрович Венькин, — прочитала я. — Ну и ну! Вы и впрямь владелец хором. Иван, неужели вы не узнали своего хозяина, который в США живет?

Глава 13

— Кто в Америке? — заморгал Венькин.

— Вы, — ответила я.

— Кто вам такую хрень сказал? — возмутился Юрий Петрович.

Я показала пальцем на Ивана.

— Он.

— Мужик, ты откуда тут взялся? Какое право имел в мою квартиру заходить? — заорал Венькин. — Что за ерунда здесь происходит?

— Вот те на! — всплеснула я руками. — Забыли своего управляющего?

— Кого? — обомлел Венькин. — Управляющего? За фигом мне он?

— Иван, покажите господину Венькину вашу доверенность, — попросила я.

Мужчина стоял молча.

— Никаких бумаг я ему не давал, — отрезал Юрий Петрович.

— Правда? — удивилась я и вынула айфон. — Вот фото документа.

— Ну ваще! — возмутился Венькин. — Я эти хоромы сдаю. Баба их снимала. Приветливая, не жадная, на все мои условия согласилась. Жиличка, каких поискать.

— Со мной мужчина договаривался, — отмер Иван, — показал свой паспорт на имя Венькина Юрия Петровича. Вы на Лесной живете?

— Да, у Белорусского вокзала, — объяснил владелец хором. — А еще свидетельство о собственности на это жилье имею. Но вас я никогда не видел.

— Мужчина, который вами представился, выглядел иначе, — вздохнул Иван, — он точно не вы. Хотите, покажу моего нанимателя? Снимок в телефоне есть. Постойте тут пару секунд, принесу трубку.

Иван исчез в квартире, мы с новоявленным соседом остались на лестничной клетке. Я окинула Венькина взглядом.

— На Лесной до сих пор много коммуналок.

— Сам в одной жил, — кивнул Венькин. — А потом выкупил у соседей две комнаты и нынче кум королю в собственной трешке. За деньги, которые я им отдал, мог бы купить чего побольше, но на окраине. Мне Лесная улица родная, меня в ту коммуналку из роддома принесли. Я коренной москвич, не из понаехавших. А вы, девушка, откуда, с Молдавии?

Вопрос Юрий Петрович задал с издевкой, подчеркнув голосом предлог

«С».

— Нет, — спокойно ответила я, — не из Молдавии. Это прекрасная страна, но моя родина Россия, город Москва.

— Значит, мы птицы из редкой стаи, — заулыбался Венькин. — Все современные столичные жители на самом деле не пойми откуда, а прикидываются коренными москвичами. Одеты прилично, духами пахнут, но речь их выдает. Спросишь очередную «москвичку»: «Вы из каких краев в столицу прилетели?» — и слышишь в ответ возмущенное: «Да я с Москвы!» Ага, как же! С Москвы, с Молдавии... Как только это «с» слышу, мигом все понимаю. Из Москвы! Из Молдавии! Надо говорить «из», люди, а не «с». Если врете, то хоть научитесь врать красиво! Лухари вилаж, да и только!

— Не все получили хорошее образование, — остановила я Юрия, — вовсе не каждый коренной москвич разговаривает на литературном русском языке. Что такое лухари вилаж?

Венькин прислонился к стене.

— На Рублево-Успенском шоссе, где заповедник богатых и знаменитых, есть *luxury village*. В переводе с английского «деревня роскоши». Жилых домов в этом селе нет, одни бешено дорогие магазины. Почему я упомянул его? Да забавную историю вспомнил. Как-то раз иду домой, передо мной по тротуару девица ковыляет — в руках пакеты из дешевого торгового центра, одежда и сумка фейковые, к метро шагает. Помнится, я ее пожалел. Хочет девочка выглядеть богатой, купила себе платье, как у актрисы из сериала, да только за версту видно, что шмотку в Китае на коленке склепали. И тут машина притормозила. Из нее парень высунулся, спросил: «Девушка, где тут метро?» Она остановилась, посмотрела на его тачку — дешевую, бюджетную, не новую, — губу оттопырила: «Не знаю. Не езжу в подземке». А сама неподалеку от входа в нее стоит. Молодой человек не успокоился: «Девушка, давайте подвезу вас». Явно понравилась ему дурочка. А та молча вперед двинулась. Водитель за ней поехал, кричит: «Девушка, дайте телефончик. Вы откуда? Я могу вам всю Москву показать». Красавица обернулась, видно, задело, что шофер плохонькой иномарки ее провинциалкой посчитал, и аж взвизгнула: «Я сама могу тебя на Красную площадь сводить! Я здесь родилась, у меня папа миллиардер, я живу в лухари вилаж. Кати мимо, с нищими не общаюсь!» Понимаете? Лухари вилаж. Это она так *luxury village* произнесла. Не знает «доченька олигарха», что в той деревеньке домов нет. Вот с тех пор для меня, все, кто «с Молдавии», лухари вилаж. Мне с ними не по дороге.

Мне стало неприятно слушать новоявленного соседа. Хорошо, когда человек любит родной город, но если он считает своим основным достоинством столичное происхождение, то его просто жаль: снобизм — не лучшее человеческое качество. А ситуация, о которой Юрий сейчас поведал, с ним никогда не приключалась — в Интернете гуляет видео, где девушка с пакетами именно так отвечает мужчине. Венькин, похоже, любит приврать ради красного словца.

Я решила сменить тему беседы.

— Что-то Ивана долго нет, уж минут пять прошло. Сколько можно телефон искать?

— Вы, бабы, ухитряетесь по два часа глаза мазюкать, а мужиков всегда в медлительности упрекаете, — засмеялся Юрий. — Сейчас придет, никуда не денется.

— Поскольку апартаменты ваши, мы можем смело туда войти и поторопить Ивана, — предложила я.

— И то дело, — согласился собеседник, — некогда мне тут до вечера его ждать.

Мы шагнули в прихожую.

— Е-мое! — подпрыгнул Венькин. — Линолеум!

— У вас был паркет? — уточнила я.

— Ну да, — кивнул Юрий Петрович. — Дорого все отделал. Эй, Иван, где вы там спрятались? Вылезайте и объясните, почему красивую квартиру изгадили. Иван! Иван!

Управляющий не отвечал. Я быстро прошла в гостиную, увидела открытое окно, подошла к нему и выглянула наружу. Кусты в палисаднике были сломаны.

— Он что, выпрыгнул? — поразился Юрий, тоже приближаясь к окну. — Обалдеть! С ума сошел? Тут ведь высоко, мог ноги сломать.

— Повезло ему, не сломал, — вздохнула я. — И убежал. Доверенность у него явно фальшивая. Не было никакого не похожего на вас мужчины, обладателя паспорта на имя Юрия Петровича Венькина. Иван наврал, а я поверила, осталась на лестнице. Следовало идти за ним.

— И хорошо, что не сопровождали мошенника, — возразил мой спутник. — Такой ни перед чем не остановится, мог вас толкнуть, ударить и все равно убежать.

— Как здесь дама, которой вы квартиру сдавали, жила? Мебели никакой нет. Лишь пара складных стульев у стены и массажный стол посередине, — удивилась я. — Живу двумя этажами выше, планировка другая, но апартаменты очень похожи. Вон там должна быть кухня, но ее

нет. Вы сдавали жилье меблированным?

— Нет, пустым, — ответил Венькин. — Жиличка очень обрадовалась, сказала: «Сама все куплю». Этот дом возвел мой отец, он владел строительной компанией. Мои родители в разводе были. Что они не поделили, понятия не имею, но приняли решение разъехаться, давно. Я, когда они разбежались, совсем крошкой был, а отец, Петр Юрьевич, еще бедным человеком. Он просто из коммуналки на Лесной ушел, благородно оставив супруге и сыну комнату. А сам в деревне в старой избе своей матери поселился. Чем занимался, мне неизвестно. Но в конце концов в гору пошел, выстроил большой бизнес, деньги к нему водопадом рухнули. Женился второй раз, Маргарита Леонидовна ему двоих детей родила. Только не подумайте, что я обижен на него. Причин дуть губу нет. И не придрататься к Петру Юрьевичу с точки зрения закона — алименты он исправно платил. А что не желал видаться с сыном от первого брака... Нет так нет, я не настаивал. И мама тоже. Когда мне восемнадцать стукнуло, отец финансовый кран закрыл. Да мы у него денег и не просили, жили как могли. Мать умерла, я один остался. И вдруг звонит мне адвокат, спрашивает: «Юрий Петрович Венькин? Приезжайте в офис. Будем вскрывать завещание Петра Юрьевича». А я даже понятия не имел, что отец тоже на тот свет ушел, ответил юристу: «Мое-то присутствие вам зачем? С родителем никаких дел не имел. Ни на что не претендую. Судиться за наследство не намерен». Но законник настоял, я явился в назначенный день и выяснил, что стал владельцем жилья — отец мне отписал дорогие апартаменты. Но с оговоркой: продать я их не могу и жить в них тоже права не имею. Квадратные метры предназначены под сдачу, там давно поселилась некая дама. Мне ни в коем случае нельзя ее выгонять. Да и не получится это сделать, куча договоров-бумаг-соглашений подписана. Вот скажите: ну и зачем мне дворец, ни жить в котором не могу, ни на торги его выставить?

Венькин рассмеялся. А я молчала и ждала продолжения истории, радуясь, что он таким разговорчивым оказался, ни о чем его расспрашивать не нужно, сам все рассказывает. И продолжение последовало.

— А потом все прояснилось. Отец мне письмо оставил. Текст — замечательный. «Знай, твоя мать дура, она мне изменила. Не являйся Мария Алексеевна шлюхой, сейчас бы ты стал наследником всего, но она идиотка, поэтому тебе досталась только квартира. Я тебя совсем не знаю и не уверен, что тебе достался острый ум отца. Учитывая выбранную тобой профессию, ты, похоже, идиот. Садовник, е-мое! Ты, кажется, дурак, как и твоя мать. Я озабочен твоим будущим, поэтому квартиру оставляю с

ограничениями. Кретин может все продать и снова голым окажется. Арендная плата — это деньги на твоё сытое житье-бытьё. До конца дней будешь обеспечен». Не дословно процитировал, но близко к оригиналу. Мне запрещалось сюда приезжать, я не имел права беспокоить жиличку. По сути квартира моей не стала, только деньги на счёт поступали.

— Это возможно? — удивилась я. — Впервые слышу о таких условиях. Странное наследство.

Венькин развел руками.

— Договор толщиной с гору, куча всяких уточнений, параграфов, нотариус велел тьму бумаг подписать. Честно говоря, я мало что понял, уяснил лишь одно: мне раз в тридцать дней падает очень большая, на мой взгляд, сумма. А что ещё надо? Могу спокойно заниматься своим любимым делом.

— Кто вы по профессии? — проявила я неуместное любопытство.

— Садовник. Вывожу новый сорт орхидей, — гордо заявил Венькин.

— А по какой причине сейчас приехали? — спросила я. — Вам же договором запрещено здесь появляться.

Венькин прищурился.

— Нюанс: если жиличка скончается, я могу делать с жильём что угодно.

— Дама ушла из жизни? — поразились я. — Но консьержка уверяет, что в этих апартаментах никто не обитал. Нет, можно взять помещение в аренду и не использовать его, но это крайне невыгодно. Юрий Петрович, а как вы узнали, что в квартире сейчас нет жильца, а в ней орудует некий Иван?

— Мне эсэмэска пришла, — пояснил Юрий Петрович и вынул телефон. — Вот.

— «Надежда Владимировна внезапно умерла. Её управляющий Иван выносит вещи. Грабит квартиру».

Подписи не было, зато определился номер телефона.

— Как это увидел, сразу сюда помчался, — договорил Юрий.

— При чем тут Реутова? — удивилась я.

— Так она этот дворец арендовала, — ответил собеседник.

Глава 14

— Реутова снимала квартиру Венькина? — уточнил Макс, когда я рассказала ему то, что узнала от Юрия Петровича.

— Да, — подтвердила я. — Но он о Надежде Владимировне ничего не знает и никогда ее не видел. Договор на сдачу квартиры оформлял адвокат его отца, зовут его Борис Михайлович Гудков. Папаша Юрия Петровича был успешным бизнесменом, он развелся с матерью Венькина из-за ее измены, алименты на сына платил исправно и завещал старшему отпрыску элитную недвижимость. Правда, на странных условиях. Это все, что мне стало известно.

Макс взял телефон.

— Игорь, раздобудь информацию по Юрию Петровичу Венькину. И выясни, работает ли в фирме «Помдолстрой» мужчина по имени Иван. Нет, известно лишь имя. Не уверен, что оно настоящее, но все равно покопайся. Сейчас Лампа пришлет тебе снимок фургона, уточни, на кого он зарегистрирован. Пока все.

Вульф положил трубку, хотел мне что-то сказать, и тут в столовой появилась зевающая Киса.

— Солнышко, девять вечера, а ты не спишь? Завтра ведь рано в школу вставать, — укорила я девочку, ожидая, что та, как обычно, скажет, что захотела пить или проголодалась.

На Кисулю всегда после отбоя нападают то аппетит, то жажда, уж очень ей неохота укладываться спать. Зато в шесть утра ее с кровати не стащить.

— А где мой костюм Красной Шапочки? — вдруг осведомилась малышка.

На пару секунд я впала в ступор. Совсем забыла про спектакль!

— Красная Шапочка? — удивился Макс. — Хочешь так завтра на занятия отправиться? Думаю, в школу нельзя наряжаться, как в детский сад. И куда ты тетрадки положишь? В корзинку с пирожками?

— У нас форма, — пояснила Киса, — но завтра мы показываем спектакль, нужен наряд героя. А еще я должна была сделать доклад про бродячую кошку. Только его нет, потому что мы Генриетту Карловну нашли и домой взяли. Теперь она наша, не бездомная. Лампа, мне надо было сначала сфотографироваться с ней в магазине, пока мы ее не усобачили-укошачили. А если сейчас сняться, то получится, что мы всех обманываем.

Доктор решил, что Генриетта и не киска, и не псинка, а представитель породы бастард. Но мне она кошечкой кажется.

— У ребенка температура? — забеспокоился Макс. — Бред какой-то... Что она говорит?

— Прости, милый, — спохватилась я, — не успела тебе новость рассказать. Как только я поговорила с Венькиным, решила ввести тебя в курс дела, но трубка ныла: «Абонент недоступен». А когда ты домой пришел, мигом налетела на тебя с рабочими проблемами. Короче: у нас в семье пополнение.

— Генриетта Карловна Сидорова жутко милая! — запрыгала Киса. — Мы ее в магазине встретили. У нее не было дома, а теперь есть. Наш. Фира и Муся ее уже полюбили.

Вульф крикнул.

— Вы выбрали старушку, которую выставили из дома родственники?

— Нет, нет, она... — я умолкла.

— Она не бабушка, а дедушка по имени Генриетта Карловна? — предположил Макс.

— Кошка, — сказала я, — то есть собака. Вернее, помесь того и этого.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — вздохнул Вульф, — продемонстрируйте котопса.

— Вот же она! — воскликнула Киса. — В столовую вошла, за стулом стоит.

Муж обернулся и выронил кусок хлеба, который только что намазал маслом. Бутерброд не успел долететь до пола. Его на лету поймала мопсика Фира, которая всегда дежурит у стола в надежде, что кто-нибудь вкусное уронит и оно ей прямо на язык попадет. Схватив ломоть хлеба, Фируша вмиг его проглотила. Подбежавшей Мусе не досталось даже крошек.

— Видишь, какая красивая, — ликовала Киса. — Дядя Володя, врач, сказал, что она породы бастард.

— Очаровательная, — выдохнул Вульф, — но породы с таким названием не существует. Слово бастард...

Я быстро пнула мужа под столом ногой. Не стоит объяснять маленькому ребенку, что бастардами во Франции в давние годы называли внебрачных детей короля и высшей знати. Едва Макс произнесет эту фразу, Киса мигом засыплет его вопросами, и первым из них будет: «Кто такие внебрачные дети?» А обсуждение этой темы нас очень далеко заведет.

— Но ветеринар дядя Володя сказал, что у Генриетты порода бастард, — повторила Киса. — Доктор не может ошибаться. Но и ты, папа, тоже все знаешь. Ой, как же тогда...

Личико Кисы вытянулось, Макс живо понял свою ошибку.

— Тут нет никакого противоречия. Врач правильно сказал: бастард. А я просто уточнил: породы бастардов не существует. Вернее, есть, но разные. Как кошки. Они же все кошки, но разделяются на персидских, шотландских, сиамских. А у нас псинка бастард штрассен вурст. Только и всего.

Я прикусила губу. Макс когда-то учил немецкий и сейчас вспомнил два слова. Штрассен — производное от слова улица, по-немецки die Strasse. А вурст на языке Гейне и Гете — это колбаса. Генриетта Карловна Сидорова получила сегодня не только имя-отчество-фамилию, но еще и обрела породу — бастард штрассен вурст. В переводе на русский язык сие можно расшифровать так: незаконнорожденная уличная колбасная.

— Она ела, пила, по квартире ходила, — затараторила Киса, — на диване спала, у Фиры плюшевую лису отняла. Лампа, где костюм Красной Шапочки? И у меня нет фото и рисунка-доклада.

— Ложись спать, — велел Макс.

— А когда проснусь, все нужное у кровати будет? — с надеждой спросила Киса.

— Конечно, — лихо пообещал Макс.

— Ура! — завопила Киса и убежала.

— И что теперь делать? — пригорюнилась я.

— Доклад ей сейчас на компьютере сварганю, — пообещал Макс, — только объясни, что надо. Какая тема?

Сообщив мужу про милосердную акцию, придуманную Майей Михайловной, я позвонила Лаптевой. Соседка мигом взяла трубку.

— Извините, Светлана Георгиевна, — смущенно начала я, — время уже позднее...

— Что вы, Лампуша, только десять натикало, — засмеялась Лаптева.

— У вас, случайно, не сохранился костюм Красной Шапочки? — спросила я. — Может, ваши дети в него наряжались?

— В школе завтра спектакль, а Киса забыла предупредить вас о прикиде? — догадалась Светлана. — Мои постоянно это проделывали, когда в младших классах учились. Лягу в кровать, возьму журнал — бегут. «Мама, у нас завтра карнавал, мы забыли». Простите, Лампа, я бы и рада помочь, но не смогу, у меня мальчишки.

— Ой, действительно, — пробормотала я, — извините, глупый вопрос задала.

— Хотя подождите! — остановила меня Лаптева. — А поднимитесь-ка ко мне. У меня огромный опыт быстрого создания карнавальной лабуды из

ничего!

Через пять минут, войдя в квартиру Лаптевых, я извинилась:

— Простите, не хотела вас беспокоить.

— Так я ничего не делаю, спать пока не собиралась, — отмахнулась хозяйка квартиры. — Чего только не шила для дурацких школьных мероприятий. С мальчиками всегда сложнее, им достаются роли царевича, рыцаря, разбойника, пирата. А у девочек проще. Красная Шапочка вообще ерунда. Вам понадобится юбочка: клетчатая или однотонная, неважно. Какая-то у малышки в гардеробе точно есть. И белая блузочка. Если ее нет, подойдет любая. Еще передничек и, главное, красная шапочка. Плюс туфельки, белые гольфы, корзинка и пирожки. Чего из перечисленного у вас нет?

Я призадумалась. Потом ответила:

— Корзинки. Пирогов. Фартука.

— Сущие пустяки, — махнула рукой Светлана. — Ох, помню, один раз мне пришлось в час ночи от скатерти бахрому отрезать и к резиновым ботам клеить. Костюм кота в сапогах мастерила, обувь создала в порыве вдохновения. А хвост где раздобыть? Целая проблема! Я взяла горжетку свекрови.

Света засмеялась.

— Мать мужа насмерть обиделась за то, что я ее дохлую лису к штанам внука пришила. А учительница разозлилась, написала Коле в дневнике: «Родители! Хвост кота никогда не имеет головы с глазами. Вы безответственно относитесь к школьной жизни своих детей». У горжетки-то морда была! Но вернемся к вашей проблеме. Корзинку я вам дам, есть подходящая. Пирожки утром купите в булочной, она в шесть утра открывается. Вам же их есть не придется, возьмете, какие там будут. А вот передник придется сшить.

— Не умею орудовать иглой, — призналась я, — и машинки дома нет.

— Фартук соорудить проще некуда, — махнула рукой соседка, — квадрат ткани, две тесемки и рюшечки на отделку.

— Мам, — сказал Коля, который до сих пор молча смотрел в ноутбук, — у нас есть детский фартук. И вообще весь костюм Красной Шапки. Целиком. Юбка, кофта, корзина, вся остальная лабудень и даже пироги. Правда, они бутафорские.

— Коля, ты что-то путаешь, — возразила Светлана. — Откуда у нас взяться наряду для девочки? Вот для мальчиков есть полный набор, он в чемодане в гардеробной.

— И Красная Шапка там же, — настаивал подросток. — Правда, Вань?

— Угу, — пробурчал брат, не отрываясь от айпада, — в сумку упакован, типа спортивной. Бабушка приперла. Когда она ушла, мы посмотрели, что там.

— Барахло, — перебил Коля, — кукла старая, мишка плюшевый, шмотье Красной Шапки, книга детская, какая-то одежда для девчонки.

Лицо Светланы вытянулось.

— Мальчики, вы что-то путаете.

— Нет! — хором ответили сыновья.

Коля пустился в объяснения.

— Бабушка сказала, что на время ремонта в ее квартире надо, чтобы сумка у нас постояла, предупредила: внутри вещи покойного деда, нам открывать баул нельзя, — уточнил Ваня. — Папа знает про то, что его мать принесла, а тебе говорить не надо, потому что ты свекра ненавидела и все, что Лидия Сергеевна приперла, на помойку оттащишь из вредности, а бабушка плакать будет. Вот мы тебе и не сказали.

— А сами посмотрели, — признался Ваня. — Дедушку мы не знали, он давно умер, но баба Лида часто о нем рассказывает, объясняет, какой он гениальный врач был. Не то что, мама, твои родители-голодраники.

Коля отвесил брату подзатыльник.

— Дурак! Голодраниками называются картофельные котлеты. Баба Лида обзывает бабулю Нину горлодранка. Но она не права. Бабуля Нинуся тихая, никогда не орет. Мы полезли в сумку позырить, потому что дед ножи собирал, думали, там его коллекция, а оказалось, внутри костюм карнавальный и другая хрень.

— Бабка заперла баул, — уточнил Ваня, — а мы открыли. Скрепкой.

— Вот вечно ты нам не веришь, — обиделся Коля и встал. — Сейчас найду сумку в кладовке.

— Не надо! — взвизгнула Лаптева. — Извините, Евлампия, если у вас все, то у меня голова болит. Мигрень. Ужасная. И рада бы вам помочь, да не могу. Нет у меня нужного вам наряда. До свидания.

— Ма, отдай ей костюм из сумки, — удивился Ваня. — За фигом он тебе? Дерьмо старое. И девчонки у нас нет, чтобы ей он понадобился. Или ты... Вау!

— Не-не-не, нам третьего ребенка не надо! — испугался Коля. — Не сходите с отцом с ума, на фига нам еще кто-то...

Светлана вскочила и буквально вытолкала меня на лестницу.

Глава 15

Утром Киса, влетев в спальню, завопила:

— Лампа, папа все сделал! Вот!

Я посмотрела на лист бумаги перед моим носом и восхитилась:

— Потрясающе! Макс гений. И как он только это сварганил? Взял твое фото, поместил его на снимок с бродячей кошкой, и получилось, что ты, сидя на корточках, кормишь на улице животное.

— Программу он в компьютер закачал, — зачастила Киса, — надо только найти правильные снимки и соединить их. Теперь я сама умею. Хочешь сделаю, будто ты верхом на жирафе катаешься?

Я оставила вопрос Кисы без ответа.

— Смотри, я тоже постаралась. Вот костюм. Юбка, кофточка...

— Это просто моя одежда, — скуксилась малышка.

— Любой костюм одежда, — парировала я. — А еще передник.

— Очень похож на наше кухонное полотенце, — заметила Киса.

Я два часа ночью пришивала к полотенцу две полосы ткани, чтобы с их помощью завязать вдохновенно созданный фартук на талии Кисы, и решила не реагировать на ее замечание. Мне очень нравился мой первый, лично созданный швейный шедевр, обсуждать его достоинства или недостатки категорически не хотелось. И вообще художника каждый обидеть может.

— Обрати внимание на туфельки, — попросила я.

— Какие красивые! — запрыгала девочка. — Красные, на носочках блестящие камушки. Откуда они?

— Давным-давно Макс привез их мне из Франции, — вздохнула я, — но ошибся с размером. Думаю, тебе к Новому году как раз будут, а сейчас, наверное, чуть-чуть великоваты.

— И корзинка! — обрадовалась Киса. Но тут же занервничала: — А пирожки?

— Купим по дороге, — пообещала я. — Красная шапочка лежит вот в этом пакете. Сейчас выгуляю мопсов с Генриеттой, и поспешим в школу.

— Они уже все сделали, можно не ходить на улицу, — сообщила Киса.

— Кто их во двор отвел? — удивилась я.

— Никто. Все на полотенце, которое в ванной на коврике лежало, пописали, — пояснила девочка.

Я ринулась в санузел, распахнула дверь. В нос ударил мерзкий запах.

— Фира, Муся, а ну топайте сюда! — возмутилась я.

Но мопсикхи не спешили на зов. Они прекрасно понимали, что нахулиганили, и предпочли не высовываться из своих укрытий.

Я начала громко ругать безобразниц.

— Как вам не стыдно? Вы ведь взрослые собаки! Я знаю, что произошло. Генриетта не в курсе, что вы в парке гуляете, и решила моей ванной воспользоваться, присела на полотенце. А вы-то что? Надумали пометить свою территорию? Показать, кто в доме хозяева, и надули сверху? Генриетта Карловна в принципе поступила верно, здесь стоит унитаз...

Мой взгляд упал на «фарфорового друга», и я возмутилась еще сильнее:

— Киса! Ты уже большая девочка, не забывай спускать за собой воду.

— А я не пользовалась еще туалетом, — возразила Кисуля, появляясь в ванной. — Фу! Ну и вонь! Кто тут накакал?

Я нажала на кнопку, из бачка полилась вода.

— Все. Хватит обсуждать сию тему. Всегда убирай за собой.

— Не я сюда ходила, — повторила Киса.

— Дорогая, врать нехорошо, — сказала я, пытаюсь сохранить спокойствие. — Ты самая лучшая девочка на свете, но иногда совершаешь неправильные поступки. Я тебя не ругаю, просто прошу: оставляй унитаз чистым.

— Это не я, — упорствовала Киса.

Я медленно перевела дыхание. В августе, зная, что малышка пойдет в нулевой класс, я приобрела книгу с названием «Как общаться с ребенком-школьником». Автор ее Раиса Федоровна Пятакова, учительница с многолетним стажем, мать четверых детей, трое из которых стали академиками, лауреатами разных премий по педагогике. Согласитесь, у такой женщины есть чему поучиться.

Я проштудировала ее труд от первой до последней буквы. Раиса Федоровна разобрала множество ситуаций, в которые попадают родители и дети в школьные годы, дала много советов. Самые главные приведены в конце книги. 1. Никогда не терять терпения, а если оно все же теряется, купить диск Виктора Максимова «Зов природы» и слушать его по вечерам. 2. Ребенок всегда прав, просто, как все люди, совершает подчас глупости.

Я посмотрела на Кису и сказала себе: «Лампа, не злись, вспомни призыв Раисы Федоровны к терпению». Закрыв глаза, я начала бормотать про себя слова, которые рекомендовала в подобных случаях педагог: «Мои руки теплые, ноги горячие, в душе океан спокойствия...»

— Лампуша, у тебя зубы болят? — испугалась Киса.

Я посмотрела на девочку.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Твое лицо стало таким, словно ты ешь лимон и зубки ноют, — объяснила Киса.

— В школу пора, — остановила я ее.

И тут же рассердилась на себя. В книге Пятаковой подчеркивалось, что нужно всегда дать ребенку высказаться. Люди, которые в тридцать пять лет боятся выступать перед аудиторией, выросли в семьях, где их с пеленок с утра до ночи одергивали: «Помолчи, не носи чушь», «Прекрати болтать попусту» и прочими словами в том же духе. А я сейчас оборвала Кису.

— Милая, — улыбнулась я, — что ты хотела мне сказать про лимон?

— Ничего, — махнула рукой Киса. — Лампа, не я накакала в туалете и не смыла.

— Ну не мопсы же это проделали! — не вытерпев, вспылила я. — Им высоко не запрыгнуть, не устроиться на стульчаке, они упадут сразу. В квартире только ты, я и собаки. Ну, все, хватит разговоров. Идем в школу.

Отчитав девочку, я ощутила огромное недовольство собой. Вот, опять не смогла вести себя как ответственный чуткий родитель. Ох, не одобрила бы меня Раиса Федоровна, услышь она сейчас мои речи.

Испытывая чувство вины, я купила в булочной не пять пирожков, как хотела, а десять, и всю короткую дорогу до гимназии хвалила Кису.

Когда та побежала в свой класс, я поехала на работу. Вошла в переговорную и увидела Костина, который мигом вывалил на меня горы информации.

Юрий Петрович Венькин в основном сообщил о себе чистую правду. Он занимается выращиванием орхидей, участвует в выставках цветов, но наград не получает. Официально числится сотрудником в частном центре по выращиванию и продаже растений для сада-огорода. Живет в квартире на Лесной улице, которая ранее была коммунальной. Его отец, успешный бизнесмен, был женат вторым браком на женщине по имени Маргарита Леонидовна, которая родила двух детей. Вдова и Оля с Леонидом получили по завещанию все имущество, деньги, бизнес. Юрию, старшему сыну, досталась только квартира. Юридически он ее собственник, но фактически ничего не может с жилплощадью сделать. В придачу к апартаментам шел вагон всяких документов, договоров, соглашений.

Решив, что в бумагах можно утонуть, Костин попросил объяснить ему суть. Адвокат рассказал, что случилось в семье Венькина. С первой женой Петр Юрьевич разошелся из-за ее измены. С сыном старший Венькин не конфликтовал, мальчик был в его новой семье дорогим гостем. Отношения

с парнишкой отец рвать не стал. А малыш рос, пошел в школу, стал подростком. И вдруг отец узнал, что его тихий послушный Юрочка продает в гимназии наркотики. Маргарита поставила мужу ультиматум:

— Или мои дети, или Юрий. Не хочу, чтобы сын и дочь общались с таким парнем.

Петр Юрьевич запретил своему первенцу являться к нему домой. И вообще перестал общаться с юным дилером. Но алименты платил исправно. Похоже, то, как повел себя отец, сильно повлияло на Юру. Он взялся за ум, подтянул учебу, окончил школу с неплохими отметками, поступил в институт. Но Венькин все равно не доверял ему. Чай с папой, мачехой и единокровными братом с сестрой Юра больше вместе не пил, отдыхать с ними в Италию, где у отца был большой дом, не летал. И денег от него более не получал. Бизнесмен был недоволен тем, что Юрий решил возиться с цветами, презрительно высказывался о садовниках, которые за всю жизнь так и не вырастили ничего достойного внимания. Но сын есть сын. Поэтому папаша решил оставить ему квартиру. Адвокату старший Венькин заявил:

— Мой первенец идиот. Ленив. Амбиций у него океан. Ничего не сделал, но считает себя гением, творцом. Он зацапает жилье, продаст его, а выручка у него меж пальцев усвистит. Станет дурак нищим. За счет орхидей, которых ему никогда не вывести, он не проживет. Сделай так, чтобы квартира считалась Юркиной, но он ничего бы с ней не сотворил до смерти жилички. Там живет хорошая женщина. Арендную плату будет получать Юрка.

Адвокат выполнил приказ, но заметил, что в случае ухода на тот свет съемщицы Юрий сможет-таки продать квадратные метры. Петр поморщился.

— Меня к тому времени уже не будет, а когда Надежда тоже окажется под могильной плитой, все закончится. Так что плевать мне и на жилье, и на Юрку.

— Стоп! Что связывало старшего Венькина и Реутову? — поразились я. — Пока ты рассказывал о квартире, я думала, что отец, ограничивая отпрыска в правах, заботился о сыне, который мог профукать наследство. Арендная плата позволила неудачливому садовнику не голодать и не ходить оборванцем. Но эти слова бизнесмена дают понять: Петра Юрьевича больше заботила судьба Надежды.

— Первое, что приходит в голову: она была его любовницей, — протянул Костин.

— В таком возрасте не до прелюбодеяний, — сказала я. — И

сомнительно, что люди вообще сексом занимаются.

Костин рассмеялся.

— Ты прямо как Киса. Она недавно сказала: «Очень старый дедушка к папе приходил, дядя Игорь по имени». А Гарику еще сорока нет. Вот перевалит тебе за шестьдесят, тогда и побеседуем, есть ли в этом возрасте сексуальная жизнь. Хотя я и сам не верю в амур между старшим Венькиным и Реутовой. И все же что-то их связывало.

— Рассказывая мне историю получения квартиры, Юрий Петрович ни словом не обмолвился о том, что торговал наркотиками, — заметила я.

— А ты чего хотела? — спросил Костин. — Мало кто станет признаваться, что в подростковом возрасте был наркодилером.

— Других травил, а сам гадость не употреблял! — возмутилась я.

Костин отреагировал на мое негодование спокойно.

— Обычная история: среди распространителей мало наркоманов. Они-то хорошо знают, чем игры с кокаином-героином заканчиваются. В юности Юра наломал дров, но сейчас он, похоже, вполне благонадежный гражданин. Живет после смерти матери один, ни жены, ни детей у него нет. Из друзей только Евгений Маскин, владелец оранжерей под Москвой, где выращивают цветы на продажу. В отличие от своего приятеля бизнесмен весьма удачлив, обеспечен. Интересный момент: Евгений — сын ближайшего друга Петра Венькина. Когда отец умер, Жене едва исполнилось пять. Куда его мать подевалась, неизвестно, но пропала она, едва сын ходить научился. Петр Юрьевич усыновил мальчика. Юра и Женя росли вместе, по возрасту они почти одногодки, Маскин всего на пару месяцев старше. После развода Петра с матерью Юрия дружба мальчиков сохранилась. Полагаю, этому способствовало то, что оба посещали одну школу. Наверное, Юра увлекся цветоводством под влиянием Маскина. Евгений никогда ни в чем дурном не был замечен. Он примерный гражданин, имеет довольно много земли в Подмоскovie. Кроме цветов выращивает овощи — салат, укроп, петрушку, капусту всякую, морковь, построил завод по их переработке. Денег на открытие своего дела приемному сыну дал Петр Венькин. И тот не подвел благодетеля, создал цветочно-овощную империю.

— Странно, — пробормотала я, — неродного мальчика поддерживал, а родную кровь, можно сказать, вычеркнул из своей жизни. Я тоже не одобряю людей, имеющих какое-либо отношение к наркотикам, но Юра-то взялся за ум, бросил преступное занятие. Отцу следовало простить сына.

Володя пожал плечами.

— Чужая душа потемки. Некоторые люди про своих детей

рассказывают в этом кабинете такое, что волосы дыбом встают.

— А что с Иваном? Фургон с надписью «Помдолстрой» кому принадлежит? — спросила я.

— Никому, — отрезал Костин, — у него нет хозяина.

Глава 16

— У каждого транспортного средства есть владелец, — возразила я.

— Я неправильно выразился, — вздохнул Костин. — Существует фирма «Мотобумсервисколеса», ее девиз: «Решим все ваши проблемы». У них можно взять в аренду любое средство передвижения, хоть танк, на любой срок. Только плати деньги и пользуйся. Мини-вэн цвета «белая ночь» с известными нам номерными знаками принадлежит ей. Его взяли во вторник на неделю. Аренду оформил Васькин Сергей Иванович, проживающий в Москве на улице Ракитина, дом пятнадцать. Фургоны все без каких-либо надписей на кузове, наклейку со словом «Помдолстрой» Васькин сам приделал. Кстати, такой организации нет.

— Интересно, — пробормотала я. — А Васькин существует?

— Сергей Иванович умер несколько лет назад. Семьи не имел. Был когда-то женат, супруга скончалась, попала в аварию, — объяснил Вовка. — Подробности не знаю, да они нам и не нужны. После кончины жены Васькин жил один, работал шофером-дальнобойщиком. Причина его смерти — инсульт.

— Значит, кто-то взял паспорт умершего водителя и арендовал мини-вэн, — протянула я. — Затем приделал надпись, приехал в наш дом, чтобы чем-то заняться в квартире Реутовой. Но, по словам Наташи, «Иван» появлялся регулярно. Правда, никакой закономерности в его визитах не наблюдалось, мог полгода, а то и больше, отсутствовать. Всегда привозил на тележке большой ящик, затем увозил его. Чем он занимался? Зачем Надежде Владимировне понадобилось снимать еще одну квартиру? У нее прекрасное собственное жилье на втором этаже.

— Не знаю, — сердито ответил Костин.

И тут в кабинет вошел Макс.

— Венькин погиб.

— Вроде он просто умер, — удивилась я.

— Верно, — кивнул муж, — скончался в больнице. После того как сегодня рано утром попал под машину.

— Ты про какого Венькина говоришь? Про отца или сына? — уточнила я.

— Веду речь о Юрии Петровиче, — пояснил Вульф. — Петр же Юрьевич, завещав сыну квартиру, давно ушел на тот свет. И в его кончине нет никакого криминала, он долго болел. А вот Юрий угодил под

автомобиль. Шофер с места происшествия скрылся. Предположительно все случилось в пять утра. Прохожих на улице не было. Да еще место глухое, около Тимирязевского лесопарка. Там с одной стороны тянутся деревья, а с другой редкие дома.

— И что Юрий делал там в столь ранний час? — удивилась я. — Живет-то он в центре, у метро «Белорусская».

— Может, решил какую-то орхидею выкопать? — предположил Костин. — У меня есть приятель, цветовод-любитель, так он вечно где-то растения ворует. И частенько говорит: «То, что ты спер, потом отлично приживается, растет, цветет и колосится». Примета у тех, кто ромашки-незабудки выращивает, такая: надо именно спереть лопух, тогда он много лет у тебя проживет в прекрасном состоянии.

— Ромашки-незабудки-лопухи сами по себе появляются, — заметила я. — И сейчас осень, цветов уже нет.

— Подозреваю, что в Тимирязевском лесу орхидеи, коими интересовался Венькин, не растут, — отрезал Макс, — думаю, им нужны особые условия.

— Наверное, в том районе живет женщина, с которой у Юрия был роман, — предположила я.

— Он говорил, что одинок, — напомнил Костин.

— А еще утверждал, что не встречался с отцом после развода родителей, расстался с ним в возрасте двух или трех лет, — фыркнула я. — Выяснилось же, что Петр Юрьевич отказался от сына-наркодилера, когда тот учился в выпускном классе. Возможно, его дама сердца замужем, Юрий к ней прибегал, пока мужа нет дома. Супруг работает в ночную смену, например, он врач на «Скорой». Чтобы не столкнуться с ним утром, Венькин очень рано ушел.

— Что ж, возможен такой вариант, — кивнул Вульф. — Фокин отправил на место преступления криминалистов. Отчета пока нет. Однако мне все это кажется странным. У Юрия была машина?

— Да, — через минуту ответил Вовка, — бюджетная иномарка, ей три года, не развалюха.

— Почему он тогда пешком потопал? — удивился Макс.

— Автомобиль сломался, — нашла я подходящее объяснение.

Муж посмотрел на меня и заговорил, собрав воедино все, что нам стало известно по данному делу.

— Надежда Владимировна, весьма обеспеченная дама, пенсионерка, воспитавшая племянника, который владеет медиахолдингом «Болтун» и зовет тетю матерью, решает добровольно уйти из жизни. Ни одной мало-

мальски серьезной причины у нее для суицида на первый взгляд нет. Здорова, ну разве что имела мелкие возрастные хвори, типа легкого артрита. Патологоанатом сказал: «Хотел бы я в свои пятьдесят иметь такое же физическое состояние, как Реутова в ее пожилые годы». С деньгами у нее полный порядок, отнюдь не на пенсию жила, материально ни от кого не зависела. Особой эмоциональностью не страдала, стихов не писала, картин не рисовала, музыку не сочиняла. Творческий человек легко впадает в уныние, он подвержен резкому изменению настроения и в злую минуту может выпрыгнуть из окна. Судя по рассказу Сергея Петровича Каменева, нашего клиента, его приемная мать была прагматиком, а такие люди добровольно уходят из жизни, лишь как следует поразмыслив над своими бедами. К тому же у нас есть кое-что, чтобы предположить, что Реутову отравили. Учитывая, что дама зарабатывала себе на пирожные, отыскивая беглых преступников, ее могло ненавидеть большое количество людей. У многих убийц есть семьи: жены, дети, родители. Для нас человек преступник, а для них любимый мальчик, муж, отец, которого оклеветали следователи, свидетели, криминалисты, судья. Надежда Владимировна могла кого-то поймать, а родня мерзавца ей отомстила. На Юрия Петровича вскоре после беседы с нами наехал автомобиль. Вот такая картина рисуется. Может, это случайное совпадение. А может, Венькин с Реутовой намного теснее связан был, чем нам поведal.

— Надо найти кого-то близкого Реутовой и Венькину... — начал Володя.

И тут у Макса зазвонил телефон.

— Привет, Олег, — сказал мой муж в трубку. — Ага, ясно. Нет, пока в офисе. Мои парни осматривают квартиру на первом этаже и апартаменты Реутовой, вдруг чего найдут.

Когда Вульф положил сотовый в карман, я накинулась на него с вопросом:

— Что сказал Фокин?

— Юрий Петрович погиб на перекрестке, — пояснил муж. — На улице, по которой он шел, обнаружили следы шин сбившей его иномарки, такая в Москве является одной из самых распространенных.

— Значит, ее не найти, — констатировал Костин.

— Некоторое время авто просто стояло, а потом сорвалось с места и ударило Венькина сзади. Отпечатки подошв ботинок Юрия говорят о том, что тот пытался убежать. Но не смог. Одним словом, это не случайный наезд. Это убийство, — договорил Вульф.

— Почему Венькин не встревожился, увидев иномарку? — удивилась

я. — Он же прошел мимо нее.

Костин начал стучать по клавиатуре своего ноутбука.

— Не ожидал, что на него нападут. В Москве народ старается ставить свои машины там, где не надо платить. Юрия Петровича убили в том месте, где бесплатная стоянка. Наверное, там не одна тачка стояла.

— Камеры! — осенило меня. — Надо проверить записи.

— На той улочке их нет, на соседних тоже, — вмиг разбил мои надежды Вовка, — идеальное место для наезда.

Теперь телефон занервничал у меня.

— Лампа, — зашептала мне в ухо Киса, — до спектакля пятнадцать минут. Все уже сидят в зале. Ты где?

— Совсем рядом, в пробке застряла, — соврала я, вскакивая. — Извини, если немного опоздаю. В Москве все дороги перекопали.

— Ты куда? — удивился Вульф.

— В школу, — на ходу бросила я. — У Кисы сегодня спектакль, а я совсем забыла про него. Раиса Федоровна предупреждает, что родителям надо непременно присутствовать на всех праздниках. Если папа с мамой их пропускают, говорят, что заняты на работе, ребенок вырастет с чувством обиды и своей ненужности.

— Кто такая Раиса Федоровна? — удивился муж.

Но я уже унеслась.

Глава 17

Навигатор сообщил, что до гимназии добираться полтора часа — Москва, как всегда, умирает в пробках. Ругая столичного градоначальника, который начал ремонт дорожного покрытия сразу и на Садовом, и на Бульварном кольце, а заодно вообще по всему центру, я выскочила из машины и побежала к метро. Мэр ездит с мигалкой и, наверное, очень доволен собой, то есть тем, что повсюду взломали и обновляют асфальт. Пешие москвичи ковыляют по разбитым в очередной раз тротуарам, а те, что сидят за рулем, тратят на дорогу от дома до работы по три часа. И столько же обратно. Быстрее из-за паралича столичных колец и магистралей не получается. Ох, что-то неладно в Москве...

Вскочив в вагон, я плюхнулась на сиденье около мужчины, державшего в руках айпад, и перевела дух. Ехать мне без пересадки, минут за десять доберусь до нужной станции, далее все зависит от скорости, которую могут развить мои ноги. Может быть, спектакль немного задержат, и я окажусь в зале к его началу.

— Меня зовут Сергей Ильич, — произнес сидевший около меня мужчина.

Поскольку в метро теперь работают мобильные, я никак не отреагировала на его слова, решив, что сосед говорит по телефону.

— Пишу докторскую диссертацию по психологии, — продолжал сосед, — о том, как горе влияет на судьбу человека.

Я закрыла глаза. Ну почему мне в подземке всегда хочется спать?

— Девушка, — продолжал сосед, — вы меня слышите?

На мое плечо опустилась чья-то рука, я резко повернулась.

— Вы со мной разговариваете?

— Да, — ответил тот, кто сидел рядом. И повторил: — Сергей Ильич Максимов. Кандидат психологических наук, через пару лет надеюсь стать доктором.

— Желаю вам удачи, — вежливо ответила я.

Спрашивается, почему ко мне вечно привязываются городские сумасшедшие? Чем я их к себе притягиваю? В вагоне сейчас не слишком много народа, утренний час пик прошел, вечерний еще не наступил, но все же люди есть. Сергей Ильич сел в поезд раньше меня и вполне мог пристать к кому-нибудь другому. Ан нет, он как будто специально дожидался меня.

— Я уже бы написал свою работу, — вещал тем временем ученый, — знаю суть проблемы. Но необходимо масштабное исследование. А на него нет денег. Поэтому я езжу в общественном транспорте, выбираю молодую красивую девушку и прошу ее мне помочь.

Я улыбнулась. Нет, Сергей Ильич не сумасшедший, он адекватный умный мужчина, способный правильно оценить внешность человека.

— Вы можете ответить на пару вопросов? — спросил Максимов.

— С удовольствием помогла бы вам, но мне пора выходить, — отказалась я, помахала рукой милому дядечке, выбежала на платформу, вихрем пронеслась по ней и встала на длинный эскалатор, который со скоростью пожилого ленивца полз вверх.

— Девушка, — загудел сзади уже знакомый баритон, — ну вы и бегаετε... Еле догнал. Торопитесь?

— Да, — ответила я. — К дочке в школу, она играет в спектакле, хочу успеть к началу. Вот только скорей всего опоздаю, до гимназии минут десять нестись.

— Предлагаю бартер, — оживился Максимов, — я вас подвезу, а вы ответите на вопросы моей анкеты. Для исследований обычно собирают группу, но у меня нет денег на плату участникам. Поэтому Христа ради прошу помочь мне симпатичных людей. Катаюсь специально на метро. Сегодня мне с утра не везет, все отказываются, уже собрался выходить на остановке, где своего Родриго оставил, и тут вы — милая, красивая, стройная, элегантно одетая. Балериной являетесь? У вас такая летящая походка! Прямо на заглядение. Кстати, вот смотрите...

Сергей обошел меня, встал на ступеньку выше, вытащил из сумки паспорт и открыл его.

— Только не подумайте, что я пристаю к вам с развратными намерениями. Я давно и счастливо женат. Есть печать.

Максимов перелистнул основной документ россиянина.

— И детей трое. От вас мне нужны просто ответы на анкету. Быстро домчу вас до места, поговорим по дороге. На своих двоих долго.

— Хорошо, — согласилась я.

— Ох, и не описать, как я вам благодарен! — обрадовался психолог.

Он спрятал паспорт, выудил из безразмерного портфеля айпад и откашлялся.

— Начнем опрос прямо сейчас, на ходу. Ваше имя, отчество, фамилия?

— Евлампия Андреевна Романова, — ответила я.

— Красиво, — одобрил кандидат наук. — Было ли в вашей жизни большое горе?

Я удивилась. Ну и вопрос!

— Не припомню.

— Спрошу иначе. Была ли в вашей жизни ситуация, когда вы плакали навзрыд?

Я призадумалась.

— Да.

— Отлично. Когда? Если сможете назвать свой полный возраст на тот момент, допустим, пять лет, это будет волшебно. Если нет, меня вполне устроит фраза «в раннем детстве» или «в отрочестве».

— Могу даже день сообщить, — улыбнулась я.

— Не верю своим ушам! — обрадовался ученый. — Весь внимание.

— Двадцать третьего августа я шла после дня рождения подружки к машине и попала каблуком любимых туфель в железную решетку перед парковкой, — зачастила я. — Дергала, дергала ногой, но шпилька намертво застряла. Потом появился мой приятель Володя. Он решил мне помочь, наклонился и рванул мою ногу вверх... Результат дурацких действий Костина: я упала прямо в грязь, испачкала красивую куртку, юбку, разорвала колготки, из рук выпала сумка и открылась, содержимое высыпалось на тротуар. Туфли оказались безнадежно испорченными, на каблуке кожа ободралась. Я оплакивала лодочки неделю. Потом купила новые, но они не такие красивые. До сих пор расстроена.

— Но это не горе! — опешил Сергей Ильич.

— Нет, настоящее горе. И еще какое, — возразила я. — Представьте, что ваши любимые ботинки...

— У меня нет дорогих сердцу башмаков, — перебил Максимов.

— Правда? — удивилась я. — Ходите в нелюбимых? Это очень неприятно, сочувствую. Сейчас в магазинах большой выбор обуви, вы поищите, рано или поздно вам попадутся штиблеты, которые вы будете обожать.

— Мы слегка удалились от темы, — кашлянул психолог. — Горе — это горе, потеря близких, например. У вас умирали родные?

— Да, папа и мама, — вздохнула я.

— И как вы себя чувствуете?

— Просто живу дальше.

— Завидуете тем, кто пока не потерял родителей?

— Конечно, нет, — удивилась я. — Только радуюсь, что у многих моих знакомых все близкие родственники в добром здравии.

— Когда терпите неудачу, восклицаете: «Вот бы осталась мама со мной, она бы сейчас помогла»?

— Нет, — ответила я. — Никогда не воспринимала маму как волшебную палочку, не считала ее костылем, на который можно опереться.

Мы сошли с эскалатора, оказались на улице, Сергей завернул за здание метро, я поспешила за ним. Максимов вошел в небольшой двор и открыл сарайчик, смахивающий на трансформаторную будку. Я удивилась, ну и странный гараж у него...

— Я живу в этом доме, — уточнил собеседник, показывая на кирпичную пятиэтажку, — а Родриго тут устроен.

— Как мило, что вы дали имя автомобилю, — улыбнулась я и замерла с открытым ртом.

Потому что Сергей выводил из сарайчика... пони, который был запряжен в маленькую, если не сказать крохотную, повозочку на очень высоких колесах.

— Садитесь, — распорядился Максимов.

— Лучше я пешком пойду, — пробормотала я.

— Мы с Родриго катаем детей, — пояснил Сергей. — Ученым мало платят, а семью содержать надо. Не смотрите, что лошадка маленькая, помчится живее рысака. Кстати, гужевой транспорт не должен тормозить на красный свет, имеет преимущество даже перед трамваем. Его вообще все пропускать обязаны. Залезайте в карету, садитесь на скамеечку, и помчимся. Или вы боитесь?

— Нет, просто... неудобно, — промямлила я.

— Скамеечка деревянная, но на ней подушка, жестко не будет, — заботливо уточнил будущий доктор наук. — Высоко, конечно, но я сейчас лесенку опущу.

— Мне морально некомфортно. Что люди подумают? — отбивалась я.

— Посторонние?

— Прохожие. Решат, что я сумасшедшая.

— И что? Какое вам до них дело? Посмотрите на часы.

— Ужас! — всполошилась я. — Если начало не задержали, то спектакль уже стартовал.

— Запрыгивайте в карету — и окажетесь на месте, не успев глазом моргнуть.

Делать нечего, по шатким ступенькам я вскарабкалась в ящик на колесах, который Сергей громко величал каретой.

Максимов убрал лестницу, устроился на облучке и схватился за поводья.

— Родриго, ангел наш, Евлампия опаздывает. Аллюр три креста! Включи основную скорость!

Пони обернулся, глянул на меня, потряс головой, фыркнул, осел на задние ноги, потом подпрыгнул и... помчался вперед. Я вцепилась в лавочку. Никогда бы не подумала, что маленькая лошадка способна скакать со скоростью гепарда.

Повозка заложила крутой вираж, я чуть не вылетела из нее и испугалась.

— Сергей! Пожалуйста, потише!

Но ученый не слышал мою просьбу, продолжал азартно командовать:

— Родриго, вперед!

Пони летел по проспекту, виляя между машинами. Я оцепенела от ужаса. В этом рыдване катаются дети? Скорей всего, те, от кого родители решили избавиться. Хлипкое сооружение на высоких колесах опасно возвышалось над дорогой, я как будто на крыше троллейбуса сидела. Боковые бортики низкие, заднего совсем нет. Ремни безопасности отсутствуют. Кем надо быть, чтобы посадить в эту колымагу малыша? Меня мотало из стороны в сторону, уцепиться было не за что. Оставался единственный якорь — из последних сил держаться за скамеечку.

Родриго ухитрился протиснуться в такие щели, что я закрывала глаза и жалела, что не знаю наизусть ни одной молитвы. Создавалось ощущение, что сейчас тележка стукнется о какой-нибудь автомобиль. Но нет! Мы неслись вперед без происшествий и вмиг достигли перекрестка, на котором вспыхнул красным глазом светофор. Но Родриго не обратил внимания на запретительный сигнал и танком пер напролом. Справа показался грузовик, который, в отличие от пони, соблюдал правила.

— Машина! — заорала я. — Тормози!

— Родриго! — завопил кучер. — Штанден!

Пони не просто замедлил скорость — он вмиг остановился. Сила инерции потянула меня вперед, потом резко откинула назад. Я не удержалась за скамеечку, слетела с нее и шлепнулась на дно повозки. Похоже, шоссе в этом месте шло под уклон, поэтому я покатила назад, с ужасом понимая: сейчас вывалюсь из тележки, у которой нет заднего борта, и разобьюсь. Послышался резкий визг шин, я закрыла глаза и с криком «Мамочка!» плюхнулась на что-то мягкое. Оно громко выругалось.

Глава 18

Пару секунд я лежала тихо, потом пошевелила ногами и пришла в неописуемый восторг. Ноги двигались! Ура, ничего серьезного я не сломала!

— Слезай! — скомандовал женский голос.

Я открыла глаза и увидела, что очутилась в кабриолете, лежу верхней половиной тела на симпатичной брюнетке, нижняя оказалась на сиденье.

— Эй, мне ведь тяжело, ты вовсе не пушинка, — прокричала девушка.

Я переползла на пассажирское кресло.

— Простите. Родриго резко затормозил. Какое счастье, что вы случайно оказались рядом.

Водительница поправляла растрепанные волосы, попутно объясняя ситуацию.

— В октябре, даже относительно теплом, с открытым верхом уже не катаются. Я увидела, что ты сейчас на асфальт грохнешься, открыла машину, подъехала, поставила ее боком. Хорошо, что рядом никого не было, вот я и смогла сманеврировать.

— Вы меня от травм, а может, и от смерти спасли. Упав на асфальт из высокой повозки, можно шею сломать, — лепетала я. — Как теперь вас благодарить?

— У меня все есть, — отмахнулась брюнетка. — Эх, малец не рассчитала, думала, ты на заднее сиденье угодишь.

— Нет, нет, вы все отлично продумали! — восхитилась я.

— В следующий раз, когда ты решишь кататься по Москве в повозке, похожей на избу на курьих лапах, которую тянет безумный пони, пристегнись ремнем, — посоветовала девушка. — Ты ничего не сломала? Руки-ноги в порядке?

— Совершенно цела, — заверила я.

— Тогда вылезай, я опаздываю, — велела брюнетка.

— Простите, — опомнилась я, выбралась из кабриолета, хотела еще раз поблагодарить девушку, но дорогая иномарка, быстро подняв крышу, исчезла за поворотом.

Глядя вслед автомобилю, я сообразила, что забыла спросить имя своей спасительницы.

— Евлампия, я жду вас! — закричал Сергей Ильич.

Сесть еще раз в тележку, которой управляет Максимов? Да ни за какие

сокровища мира!

— Спасибо, я уже приехала, — крикнула я и побежала вперед.

Через пару мгновений Родриго поравнялся с удирающей добычей, а его хозяин занял:

— Евлампия Андреевна, моя работа очень важна по разным причинам. Сейчас назову их. Некоторые люди, испытав горе, например, кончину близкого человека, заикливаются на своих переживаниях, не могут от них избавиться. Среди опрошенных мною была очень пожилая дама, у которой в юности погиб старший брат. Юноша отправился на студенческую вечеринку, а там случилась драка, в процессе которой один из гостей выкинул паренька из окна. Преступника арестовали, осудили, но он ухитрился сбежать. Крайне неприятная история. Рано или поздно любое горе утихает, но у той дамы оно с течением времени стало лишь ярче, к нему добавилось желание отомстить убийце. Женщина могла говорить только о смерти брата. Она носила черную одежду, сделала в квартире мемориальную комнату погибшего. Безутешно скорбящую постоянно выгоняли с работы, потому что она безостановочно говорила о покойном, от нее ушел муж, то есть вся ее жизнь пошла под откос. Образно говоря, сестра вместе с братом из окна выпала. Только юноша погиб сразу, а она умирала всю свою жизнь. Когда я выясню, почему человек заикливается на тяжелом моменте, то пойму, как ему психологически помочь. И таких несчастных дам более не будет. Это первая причина опроса, научная. Вторая личная. Став доктором наук, я получу прибавку к зарплате. В моей семье трое детей, жена, теща, мама, и всех кормить, одевать надо. Родриго с копыт сбивается, таскает тележку с утра до ночи, но у нас не всегда клиенты есть. Давайте продолжим опрос? Поможете тем, кому плохо, и мне, отцу большого семейства. Это благородная акция.

— Извините, нет времени, — ответила я, останавливаясь у ворот школьного двора, — надо успеть на спектакль.

— Может, в другой раз? — предложил Максимов.

— Отличная идея, — согласилась я и поспешила к зданию гимназии.

— Позвоню вам завтра, сообщите, когда будете свободны, — заорал мне вслед Сергей Ильич.

— Конечно! Непременно! — открывая дверь, крикнула я.

Хорошо помню, что не давала сумасшедшему ученому свой номер телефона. Обещание продолжить участие в опросе ничем мне не грозило.

Мне удалось незаметно войти в зал в тот момент, когда присутствующие громко аплодировали. Я тоже забила в ладони и крикнула:

— Браво!

Киса, которая почему-то была в красном платочке, завертела головой в разные стороны.

— Bravo! — повторила я. — Бис!

Овация стихла, вереница мам и бабушек двинулись к выходу. Среди массы женщин был лишь один мужчина. Судя по седым волосам, бороде и палочке в руке, это был чей-то дедушка, который героически высидел все представление.

Из-за кулисы высунулась голова Майи Михайловны.

— Евлампия Андреевна, зайдите ко мне в кабинет.

Голос классной руководительницы звучал неприветливо, я почему-то испугалась. Но тут же рассердилась на себя: Лампа, тебе не семь лет, нечего бояться вредной училки, ругать взрослого человека она не имеет права, да и теперь так не отчитывают, как во времена моего детства... Но почему-то у меня все равно затряслись коленки.

У входа во владения педагога я сделала глубокий вдох, навесила на лицо улыбку и, стараясь выглядеть безмятежной, вошла в кабинет.

— Ваша дочь сегодня получила две черные метки, — забыв поздороваться, объявила Майя Михайловна.

Вот здорово, изумилась я, оказывается, в школе, как в банде пирата Флинта, раздают листочки бумаги с изображением черепа и костей.

— Она не участвовала в благотворительной акции «Покорми кошку», — вещала тем временем учительница, — да еще наврала, что не только угощала бедное животное, но и взяла его к себе. Вот направление.

— Куда? — удивилась я, рассматривая листовку со словами: «Счастливый ребенок — счастливая школа».

— В центр коррекции детей с проблемами воспитания, — процедила классная дама. — Ложь неприемлема в наших стенах. Мы лучшее общеобразовательное заведение среди частных гимназий.

— Но Киса сказала правду, — возразила я. — Мы с ней вместе угостили бездомное животное, и теперь оно наше, домашнее. Назвали бастарда Генриетта Карловна Сидорова. И девочка принесла вам фото! Мы все сделали, как вы велели.

— Имеете в виду сей снимок? — прищурилась педагог и положила передо мной фото.

— Да, — кивнула я.

— Ничего странного в нем не замечаете? — процедила Майя Михайловна.

— Нет, — удивилась я.

— Опишите его, — потребовала классная руководительница.

Не знаю, почему, но я выполнила приказ.

— Киса сидит на корточках около миски. Из нее ест кошка. Снято на улице, вокруг прохожие, дома. Что вам не нравится?

Ответ последовал незамедлительно:

— Все!

— Объясните конкретно, — вежливо попросила я, вспомнив совет Раисы Федоровны.

Автор книги написала о разновидностях педагогов. Похоже, Кисе попалась «злобина вредная, трусливая». «Если родитель начинает с такой дамой разговаривать так, как она того заслуживает, учительница мигом перестает наезжать на мать, принимается улыбаться. Но потом начинает изводить малыша. Придирается к нему по пустякам, делает жизнь его невыносимой». Я выучила книгу почти наизусть и сейчас попыталась следовать совету умного психолога — изо всех сил держала себя в руках и с трудом отлавливала нелестные слова в адрес вредной училки, которые так и рвались с языка.

Палец классной ткнул в фото.

— Улица. Вернее, площадь. Что это за здание?

— Церковь, — бойко ответила я.

— Правильно. Но какая?

Поскольку снимок делал на компьютере Макс, я понятия не имела, на какой фон он поместил Кисулю, и стала изворачиваться.

— Не так-то легко найти в столице никому не нужное животное. В том районе, где мы живем, их нет. Бегали с ребенком по всему городу. Простите, я забыла, где мы сделали фото, думаю, в самом центре на Большой Ордынке, там много храмов.

— Да нет, судя по снимку, в поисках кошки вы умудрились добежать до Парижа, — язвительно заметила Майя Михайловна.

— До столицы Франции пешком далеко, — возразила я, — даже при огромном желании за час туда не домчатся.

— А вам это удалось, — фыркнула классная руководительница и постучала длинным ногтем по изображению. — Перед нами собор Парижской Богоматери, или просто Нотр-Дам.

От неожиданности я ойкнула, присмотрелась к снимку и поняла: Майя Михайловна права.

— Теперь изучите окружающих, — не успокоилась педагог, — все люди в куртках, пальто, шарфах.

— На дворе октябрь, — пробормотала я, — наверное, на родине трех мушкетеров холодно.

— А теперь взгляните на девочку, — прошептала Майя. — Что вы видите на ней?

— Купальник, — пролепетала я.

— В точку, — кивнула собеседница. — А в руке совочек. И еще рассмотрим кошку — она снежно-белая, ангорская, в розовом ошейнике, явно ухоженная. Ну никак это не похоже на кормление бездомного животного. В общем, так: этот снимок — липа. Доклад — жалкая подтасовка. Он не засчитан.

— Мы кормили кошку и на самом деле взяли ее себе, в тот момент нам было не до фотографий, — принялась оправдываться я. — Честное слово! Пришли домой поздно вечером, очень устали, вот муж и сделал снимок на компьютере. Нам стало жалко девочку, она очень хотела спать.

— Если позволять школьнику лениться, он вырастет в худшем случае бандитом, а в лучшем просто дураком, — отрубил учитель. — Со снимком разобрались. Перейдем к костюму Красной Шапочки.

Дверь скрипнула, показалась Киса.

Майя Михайловна сдвинула брови.

— Явилась? Прекрасно. А теперь войди так, как положено.

Киса закрыла дверь и постучала.

— Открыто, — крикнула хозяйка кабинета.

Девочка вошла.

— Нет, — остановила ее педагог, — неправильно. Еще раз.

Кисуля молча выскочила в коридор, постучала в створку, снова очутилась на пороге и замерла.

— Ну? — поторопила ее Майя Михайловна. — Что говорят правильно воспитанные девочки, не такие, как Вульф? Ну? Ну? Ну?

Кисуля покраснела.

— Я хорошая. Я постучала.

— Нет, до хорошей девочки тебе семь верст лесом, — возразила педагог, — примерные дети стучат и здороваются. Но побеседовав с твоей матерью, я понимаю, что в вашей семье тобой не занимаются, не дают тебе должного воспитания, а врет школьница Вульф, потому что ее мамаша лгунья, и отец тоже лгун, мастерит на компьютере фальшивые снимки. И кто вырастет из такого ребенка?

— Тетя, я знаю, куда вам надо идти, но не скажу, потому что обещала Лампе никогда не произносить слово «задница», — выпалила Киса и убежала.

Глаза Майи Михайловны вылезли из орбит. Я встала.

— В принципе адрес указан верно, но идти туда вам надо вместе с

вашей дорогой во всех смыслах школой. Отдавайте немедленно документы ребенка, мы уходим в другую гимназию.

Глава 19

— Значит, Киса опять конкретно высказалась? — спросил Макс, вытирая слезы, которые выступили на его глазах от смеха. — А жена моя любимая вместо того, чтобы сделать ей замечание, полностью согласилась со словами девочки?

— Кисуля не ругалась, — встала я на защиту ребенка, — она просто сказала, что знает, куда нужно отправиться злобной бабе, но адреса не назовет, потому что дала мне честное слово никогда не произносить слово «задница». Майя Михайловна ужасный человек! Гимназия считается одной из лучших в Москве, и обучение там о-го-го какое дорогое. Директриса обещала, что все дети получают прекрасное образование. Но наша девочка там больше не учится. Классная руководительница ухитрилась придраться даже к костюму Красной Шапочки! Хотя в отношении фотографии она права. Во-первых, ты взял изображение Кисы со снимка, который сделан во время нашей поездки на море.

Вульф развел руками.

— Искал такой, где ребенок сидит.

— А во-вторых, поместил малышку в купальнике на площадь перед Нотр-Дам в Париже среди тепло одетых прохожих, — договорила я. — Но что не так с нарядом? Я сама его приготовила! Юбочка, белая блузка, передник. Пусть не очень красивый, из полотенца, но ведь фартук. Корзинка, пирожки и моя старая красная беретка. Несколько лет назад такие головные уборы вошли в моду, я купила себе несколько штук разного цвета. Что не так с костюмом? Злобина не успела высказаться об одежде сказочного персонажа, потому что я ушла, но удивление осталось. Как можно придраться к тому, что сделано хорошо?

— Знаю, почему училка злилась, — сказала из коридора Киса.

— Подслушивать некрасиво, — заметил Макс.

Я мигом вспомнила указания Раисы Федоровны и заговорила ласково:

— Ты очень хорошая девочка, просто иногда, как все люди, совершаешь неправильные поступки.

Киса вошла в комнату, положила на стол берет.

— Вот! Видишь?

— Конечно, — улыбнулась я. — Это один из моих некогда модных головных уборов. Как он у тебя оказался?

— Ты его мне к костюму дала, — вздохнула малышка, — он лежал в

пакете.

— Прикольно, — развеселился Макс, — шапчонка-то зеленая!

— Не может быть! — воскликнула я. — Отлично помню, что положила берет красного цвета.

— Нет, — возразила девочка. — Когда я берет надела, Майя Михайловна сказала: «Красная Шапочка не имеет права ходить в шапке цвета больной жабы на башке. Придумай, что хочешь, иначе сорвешь нам выступление». Мама Коли дала мне свой красный платок. Лампа, значит, сегодня я в школу не пойду?

— М-м-м... — пробормотала я, разглядывая зеленую беретку.

— Нет, — вместо меня ответил Макс, — думаю, ты несколько дней посидишь дома. Но вскоре Лампа найдет тебе новую гимназию.

— Ура! — завопила малышка. — Свобода!

Я обрела дар речи.

— Киса, мы с Максом сейчас уедем, ты останешься на некоторое время одна. Не боишься?

Киса запрыгала.

— Конечно, нет.

— Дорогая, — начала я, — запомни...

— Дверь посторонним не открывать, — перебила девочка, — конфеты не есть, на улицу не выходить, с незнакомыми не разговаривать. Я все знаю.

У Макса зазвонил телефон, он взял трубку.

— Да... Где? Понятно. Сейчас придем.

Вульф положил трубку в карман.

— Лампа, нам надо спуститься в квартиру Венькина.

— Мы ведь уже осматривали помещение, оно почти пустое, — удивилась я, направляясь к двери.

— Олег сказал, есть нечто интересное, — ответил супруг.

Мы пробежали по лестнице и позвонили в апартаменты на первом этаже.

— Быстро вы, — обрадовался Фокин, впуская нас внутрь, — топайте в чулан.

— Куда? — не поняла я.

— В кладовку, ты в такой держишь всякие запасы, — пояснил следователь.

Я удивилась, но послушалась.

— Здесь ничего нет? — спросил Фокин, когда мы оказались в чулане.

— Да, — ответил Макс.

— Не думала, что комната настолько большая, — удивилась я. — Нам она досталась уже оборудованной как помещение для содержания банок-склянок-пакетов-бутылок, у меня там еще морозильник и второй холодильник стоят.

— А тут хоть в футбол играй, — кивнул Олег. — Теперь смотрите...

Фокин вынул из кармана пульт, как от телевизора, нажал на красную кнопку, и... часть потолка приоткрылась, вниз выпала лестница.

— Ну и ну! — ахнула я.

— Поднимайтесь, — приказал следователь.

Макс полез первым, я последовала за ним. Через несколько секунд мы очутились в пустом чулане квартиры на втором этаже.

— Вот те на! — покачал головой Вульф. — Реутова могла беспрепятственно незамеченной ходить в квартиру Венькина в любое время.

— И никто не подозревал, что Надежда Владимировна туда-сюда шастает, — уточнил Олег. — Входная дверь в квартиру на втором этаже не скрипит, лифт не ездит, звуки шагов с лестницы не раздаются, и консьержка считает, что Реутова у себя, а дама совсем в другом месте. Но, ребята, самое завлекательное впереди. Возвращаемся туда, откуда начали.

Мы вернулись в пустые апартаменты Венькина. Олег опять взял пульт, но теперь нажал на зеленую кнопку. Кусок пола бесшумно отъехал в сторону. Фокин сделал приглашающий жест:

— Битте-дритте. Теперь нам предстоит посетить андеграунд.

— Подземный ход! — восхитилась я, оказавшись в узкой галерее.

— Не очень просторный, однако, — прокряхтел Макс, — мне придется идти, опустив голову. Куда он ведет?

— Идите и узнаете, — ответил Олег, — тут заблудиться невозможно.

— Стены выложены плиткой, пол тоже, — заметил Вульф, — паутины нет, лампочки не пыльные. Тайным ходом пользовались! О, ступеньки... Дверь. И кнопка на стене.

Макс надавил пальцем на пупочку, дверь беззвучно отворилась, мы очутились в квадратном, совершенно пустом помещении.

— Что это? — растерялась я.

Олег пересек комнату и открыл дверь, я вышла наружу, начала озираться и наконец сообразила, где нахожусь.

— Это же переулок, который идет позади нашего дома.

Подземный ход заканчивался в небольшом павильоне, на котором висело объявление: «Идет ремонт магазина». Но никаких строителей там не было, а был, так сказать, запасной выход в город, минуя подъезд с

консьержкой.

— Здорово, да? — усмехнулся Фокин. — Прямо букет секретов: тайный ход в квартиру на первом этаже, оттуда в подземный ход, затем сюда... Сейчас мои ребята выясняют, кто владелец этой лавки, которая якобы ремонтируется. А вот и Федя звонит... Да, слушаю. Пусть она приезжает в агентство к Вульффу, там и побеседуем.

— Кого ты к нам позвал? — любопытствовала я, когда Олег завершил разговор.

— С Федей связалась некая Анастасия Глебовна Горкина, представилась тетей Юрия Венькина. Женщина пожаловалась, что ей не выдают тело для похорон, — пояснил Олег.

Макс открыл дверь домика, выглянул на улицу, заметив как бы между прочим:

— У Юрия Петровича нет никаких родственников.

— Поэтому я и попросил Горкину приехать к вам, — кивнул Олег, — зададим ей несколько вопросов.

Я посмотрела на следователя:

— Интересно, кто соорудил этот тоннель?

— Как ты догадался, что пульт от телевизора открывает проход? — задал свой вопрос Макс.

— Кто под землей галерею проложил, понятия не имею, но полагаю, ее еще при возведении пятиэтажки, то есть вашего дома, соорудили, — ответил Фокин. — Уж больно капитально сделана. А насчет пульта — это не моя заслуга. Твой Игорь рано утром приехал осматривать пустую квартиру...

— Да, я попросил его пройти по комнатам со своей аппаратурой, вдруг чего заметит, — кивнул Макс.

— И он заметил. Гарик единственный обратил внимание на лежащий на подоконнике пульт дистанционного управления, — продолжал Олег. — Все остальные думали, что он от телевизора. Игорь взял его со словами: «Штука странная, никогда такой не видел». Потом присмотрелся и опять удивился: «Здесь две красные и две зеленые кнопки». Направил пульт на экран, что на стене висит, пощелкал — не срабатывает. Развинтил находку и изумился — все кнопки, кроме уже упомянутых, бутафорские. Игорь насторожился: «Это брелок, замаскированный под обычный пульт от телика. Надо найти, для чего он служит на самом деле». Я заметил, что сейчас дистанционно управляется масса вещей — обогреватели, увлажнители воздуха, кондиционеры, кофеварки, стиральные машины. Возможно, технику увезли, а пульт забыли. Но Гарик возразил: «А зачем

пульт, допустим, от чайника, прятать под видом телевизионного? Нет, ты не прав. Хитрая штука лежит здесь специально, он тут что-то открывает-закрывает». И отправился Игорь по комнатам. Методично все обошел, везде на кнопки нажимал. В кладовке потолок открылся. Еще Игорь нашел в гостиной интернет-линию. Телевизор, который висит на стене, на самом деле мощный компьютер. Но вся его память уничтожена. Вернее, кто-то ее унес. Я в компах не знаток, Игорь мне просто сказал: «У аппаратуры мозга нет, остался один монитор, из него ничего не вытащить. «Потроха» пропали». Кстати, в квартире было несколько видеокамер. Их тоже нет, но остались держатели и шнуры, которые в стене проложены. Мне кажется или нет, что квартира Венькина намного больше вашей?

Я пустилась в объяснения.

— Ты не ошибаешься. Планировка во всех апартаментах стандартная. Но те, кто въехал сюда сразу после строительства здания, могли изменить количество комнат, сделать одну больше, другую меньше. Нельзя трогать только несущие конструкции. Тамара Николаевна, у которой мы приобрели квартиру, из огромного зала сделала гостиную и небольшую спальню. Нас это устроило. А Венькин оставил одно помещение, в котором можно балы затевать.

— Здесь стояли стулья, — уточнил Олег, — на полу от них остались отметины. Эксперт говорит, что такие следы возникают от складной мебели определенного типа.

Фокин взял телефон и показал мне несколько фото.

— Вот такие стульчики. Самые дешевые пластиковые. Их было двадцать, люди на них размещались лицом к экрану.

— Народ приходил сюда, чтобы наслаждаться телешоу? — захихикала я. — На заре перестройки большую популярность снискали видеосалоны, как бы альтернатива кинотеатрам. Аппаратура тогда стоила неприлично дорого, свои компьютеры имели единицы, Интернет еще не опутал всю Россию. Поэтому многие по вечерам бежали в какой-нибудь подвал, чтобы посмотреть иностранный фильм. Но сейчас, когда телевизор легко подключается ко Всемирной паутине, такие салоны почти исчезли. А что публика тут смотрела?

— Отличный вопрос, — поморщился Олег, — самому хочется знать.

— Есть ленты, запрещенные к показу, — вмешался в нашу беседу Макс, — порнография или что-то связанное с террористами. Возможно, помещение использовали для показа чего-то противозаконного. Например...

— Детская порнография, — подсказала я.

— Не уверен, — скривился Макс, — педофилы пугливы, мерзавцы предпочитают действовать в одиночку, в основном в Интернете, общие сходки не для них.

— Полно других идиотов, которые любят разные мерзкие зрелища, — в сердцах сказал Олег. — Вот зачем галерея — в апартаментах Венькина был оборудован подпольный кинотеатр. Народ приглашали на показ, зрители проходили через магазинчик в подземный ход, затем оказывались в этой комнате.

— Поэтому консьержка ничего не слышала и никого не видела, — подчеркнул Макс.

— Да, — согласился Олег. — А еще здесь находился массажный стол, его увезли эксперты. Как выглядел интерьер, легко восстановили по следам от ножек мебели на полу. Видите светлые пятна? Там и был массажный стол. За ним стояли складные стулья. Все. Хотя нет, еще была вешалка в прихожей. Вернее, просто крючки.

— Может, здесь обучали какой-то запрещенной технике воздействия на тело? — протянула я. — Особый массаж? Садизм? Жесткое порно? Зачем тем, кто явился смотреть фильм, кушетка?

— На экране картинка, на столе пара, которая реально демонстрирует какие-то секс-приемы, — предположил Макс.

— Ладно, пусть так, — согласилась я. — А при чем тут Надежда Владимировна? Реутова ведь занималась поиском беглых преступников.

Макс и Олег молчали.

— Почему в квартиру Надежды Владимировны вела потайная лестница? — продолжала я. — Хотя, говорят, многие пожилые люди весьма сексуально активны. Возможно, Реутова была постоянной клиенткой клуба анонимных кинопорноманов.

— Или у нее был сопутствующий бизнес, — предположил Олег. — Доход частного сыщика зависит от количества клиентов. Порой они косяком приплывают, но бывают периоды, когда детектив никому не нужен. Нет людей — нет денег, а кушать хочется каждый день. Вот Реутова и подстраховалась, занялась еще чем-то прибыльным.

— Надо найти кого-то из зрителей и расспросить, — решила я.

— Суперидея, — улыбнулся Олег. — А теперь подскажи, как нам на честную компанию выйти. Мы же ничего о посетителях не знаем. И, судя по подземному ходу, они тщательно соблюдали секретность. Ну все, поехали к вам в офис, скоро лжететя покойного Юрия Венькина явится.

Глава 20

Кавалькадой из трех машин мы прикатили в агентство. Едва выпили кофе, как в переговорную вошла пожилая женщина, которая с порога представилась:

— Я Анастасия Глебовна Горкина. Мне сказали, что здесь выдадут останки Юры Венькина.

— Присаживайтесь. Хотите чаю? Кофе? — предложил Макс. — Значит, вы тетя Юрия Петровича?

Худенькая старушка с ярко-рыжими волосами отказалась от угощения.

— Да. Хочу упокоить племянника по-человечески.

— Тело пока у экспертов, — пояснил Олег.

— Зачем? — удивилась Горкина. — Юру просто сбила машина.

— Мы считаем, что наезд не случаен, — пояснил Макс.

— Юрочку переехали специально? — сообразила Горкина.

— Похоже на то, — кивнула я.

— Кто мог сотворить подобное? — испугалась Анастасия Глебовна.

Макс поставил перед ней чашку с капучино.

— Мы собирались задать вам точь-в-точь такой же вопрос. И еще один: почему вы представились тетей Венькина? У него ведь нет никаких кровных родственников, мать и отец умерли.

Я пододвинула к гостье вазочку с конфетами.

— В беседе с нами Юрий Петрович сообщил, что совершенно одинок. Но вы хотите похоронить Венькина, значит, являетесь близким ему человеком. Только точно не сестрой кого-то из родителей.

— Родными иногда становятся люди, у которых нет общей крови, — заметила Анастасия Глебовна. — Я не собиралась вас обманывать, давно считаю себя сестрой бедной Светы, мамы Юраши. Ее бывший супруг Петр вычеркнул из своей жизни жену и сына, они остались одни.

— Супруга ему изменила, а мальчик торговал наркотиками, — уточнил Олег, — трудно винить Петра.

Анастасия Глебовна взяла из вазочки конфету.

— Светлана была ребенком по менталитету, жила по принципу «что хочу, то и ворочу», но не осознанно, а как пятилетний малыш. Мы жили в одной коммуналке, однако никогда не ругались, считали себя одной семьей. Сколько раз Света приносилась в мою комнату в слезах: «Петя опять кричит на меня». Так ведь за дело! Муж дал ей денег на хозяйство, велел

рассчитать на две недели, а жена купила себе сумочку. И на что теперь полмесяца жить? Я ей сто раз объясняла: «По одежке протягивай ножки». А она в ответ: «Такая красивая сумочка, кожаная, красная, ужасно захотелось ее купить». Петя постоянно пытался Свету воспитывать, даже тетрадь завел, велел расходы записывать.

Горкина рассмеялась.

— Не сработало. Один раз он ко мне пришел, «бухгалтерский отчет» на стол швырнул и возмущенно воскликнул: «Ну как с ней справиться?» Я смотрю, на странице красивенько выведено: «Петя дал денег. Шестьдесят рублей на еду. Купила сапоги. На мясо-овощи не хватило». В конце концов супруг сам стал по лавкам ходить, жене ни копейки не давал. Света рыдала у меня на плече: «Петя нас с Юрашей ненавидит. Он злой, жадный, ни разу букета мне не подарил, тортика не принес. Вечно бурчит: «Не прокормлю семью». А кто виноват, что он гроши получает? Муж обязан жену с сыном обеспечивать».

Старушка как завела рассказ, так и не могла остановиться, вспоминая все новые подробности из жизни Венькиных...

— Света в декрете сидела три года, на службу не шла, она медсестра по образованию. Когда Петр сердился: «Хватит бездельничать, не видишь, как я надрываюсь?» — жена в ответ вопила: «А Юрика куда деть? В ясли? В группу, где сорок детей и одна воспитательница? Ну уж нет! Я люблю мальчика, досижу с ним до его трехлетия. Тогда он в садик пойдет, и если кто его там обижать будет, ребенок рассказать сможет. Сейчас же сыночка побьют, а я ничего не узнаю». И затевался у них скандал. Спору нет, Света сына своего любила, но еще ей очень не хотелось снова в больницу наниматься. Она мне многократно жаловалась: «В государственных клиниках ужас-ужас! Санитарок не найти, средний персонал вынужден самостоятельно палаты-туалеты мыть; больные противные, вечно жалуются, ноют, ни днем ни ночью покоя нет; оклад крохотный. А в частное заведение только по знакомству попадают. Какой смысл мне за две копейки ломаться? Юрочка в садике плакать будет. Лучше я мальчиком займусь». В общем, ребенок подрастал, но Светлана трудоустроиваться не спешила. Петр сердился, обзывал супругу тунеядкой, а та его нищим величала.

— Высокие отношения, — пробормотала я.

— Да, плохо они жили, — констатировала Анастасия Глебовна. — Но Петр человек порядочный, не собирался из семьи уходить. Света сама начудила. Муж в конце концов заставил ее пойти на работу, там она познакомилась с врачом, тот ей конфеты дарить стал, в кино водить.

Светлана повеселела, похорошела, с Петей начала ворковать, а тот, дурачок, обрадовался. Я же сразу сообразила что к чему и строго ей сказала: «Не глупи, у тебя прекрасный супруг, не рушь семью». Куда там! Она, как всегда, поступила не по разуму, а как ей хочется. Однажды Петр уехал в командировку — он решил маленькую фирму основать и вертелся волчком. Проводила Света мужа и вдруг ко мне Юру привела: «Пусть здесь переночует, у меня свидание, Сережа придет». Я категорически отказалась в обмане Петра участвовать, так она все равно куда-то сына дела, с любовником веселиться устроилась. И тут, как в глупом анекдоте, муж неожиданно вернулся.

Глава 21

Горкина допила кофе.

— Я, грешным делом, подумала, что он Свету убьет. Но нет, наоборот, тишина в квартире воцарилась. Прямо жуткая! Как в могиле! Потом дверь хлопнула. Петя просто ушел. Навсегда. Куда — не знаю. С женой он мгновенно развелся, оставил ей комнату. На Юру алименты платил. А спустя несколько лет сильно разбогател. Света локти кусала, рыдала на кухне: «Он нарочно теперь миллионы зарабатывает, чтобы мне отомстить». И решила она его вернуть. Раздобыла его адрес, поехала... и домой приползла в истерике, рассказала мне о своем визите. Дверь ей открыла беременная женщина. Оказывается, Петр женился, счастлив в браке, у него уже есть один сын, теперь супруги ждут второго ребенка. Света долго не могла успокоиться, твердила: «Живет Петька в шикарном доме, там в подъезде полы мраморные, хоромы на этаже одни. У его бабы в ушах серьги брильянтовые. Это все должно было быть мое! Мое!! Мое!!! А я нищая... Почему жизнь так несправедлива?»

Старушка на секунду умолкла, вздохнула.

— Вот такая Светлана была во всем. В своих бедах она всегда обвиняла кого-то. Кстати, в том, что Юра стал сигаретами с травкой торговать, считаю, вина матери. Света мальчика изводить принялась: «Ступай работать. Зачем тебе одиннадцать классов? Хватит девяти. Денег нет». Слова «денег нет» припевом исполнялись ею по сто раз на дню. Но Юрик молча ходил в школу. Сколько я непутевой бабе объясняла: нельзя так с мальчиком говорить, ты уже по глупости потеряла мужа, смотри, сын тоже уйдет. Но она не слушала. Не в коня корм. Мне и жалко ее было, и хотелось дурочке пощечин надавать. Однажды вечером скандал вспыхнул. Не редкое событие у Венькиных, но в тот день выяснение отношений особенно бурно проходило. Сейчас опишу все в деталях...

Слышу, Света орет:

— Ну и пошел вон, иди к отцу! Не нужен ты мне! Жадобина! Скупердай!

Через секунду дверь о косяк грохнула. Я к Свете кинулась.

— Что случилось?

Венькина, вся красная, потная, завопила:

— Хватит! Не лезь в мою жизнь! Избавилась я, наконец, от гаденыша, которому отец хорошие суммы давал, но велел мне не сообщать.

И швырнула на стол увесистую пачку долларов.

— Вот его нычка! У матери копейки лишней нет, хожу обдерганкой, а гаденыш, видите ли, на машину копит. По приказу отца он мне ни копейки не выдал. Вот и пусть живет с папочкой. Дрянь! Я забрала его кассу. Хоть оденусь нормально, туфельки-сумочку куплю.

Ну, понятно, валюта у нее в момент закончилась. Тогда Света принялась Юру у школы караулить и канючить:

— Вернись, сынок, мне плохо.

Юрий стал пять дней в неделю в коммуналке жить, а субботу с воскресеньем в семье отца проводить. А вскоре случилась беда с наркотиками этими.

Горкина замолчала.

— Зачем мальчик начал торговать сигаретами с марихуаной? Отец же давал ему деньги? — удивился Олег.

— Да, на сына Петр средств не жалел, — согласилась Анастасия Глебовна. — Но условие поставил: Юра деньги только для себя использует, матери — ни гроша. Требовал от парня чеки показывать. Попросил мальчик компьютер, по тем годам дорогую игрушку, отец ему мешок денег вручил. Но сказал строго: «Принеси, сынок, чек, хочу удостовериться, что ты комп приобрел за правильную цену, дешевле не взял, разницу матери беспутной не отдал». Попал Юра в клещи. С одной стороны мать плачет: «Денег нет, иди работать». С другой отец: «Учись, сынок, я обеспечу тебя полностью. Но бывшей жене-шлюхе даже банановой кожуры не дам». Вот глупыш и решил подработать, чтобы хоть ненадолго мать успокоить. Не понимал, что Светлана как горшок без дна, сколько в такой золота ни насыпь, все вывалится в никуда. Потому он куревом с начинкой торговать и начал. Вот и случилась трагедия.

— Неприятность замяли. Подростку просто пальцем погрозили, — возразил Олег. — Я смотрел дело, адвокат подростка вытащил. Ничего плохого не стряслось.

— Вы всей правды не знаете, — тихо сказала старушка, — нет ее в документах. И я бы вам ничего не рассказала, но Пети уже нет, а теперь и Юрашу, по вашему мнению, кто-то убил. Думаю, я знаю, кому в голову пришла мысль лишить Венькина-младшего жизни. Но это лишь мое предположение, если оно вам интересно, то расскажу.

— Конечно, говорите! — воскликнул следователь.

Я встала.

— Сварю вам еще капучино.

Горкина взяла пустую чашку.

— Большое спасибо, не откажусь.

Я пошла к кофемашине, а гостья завела повествование. И чем дольше я ее слушала, тем страшнее мне делалось.

...Как Юра связался с преступниками, Анастасия Глебовна не знала. То, что мальчик занимается плохим делом, Горкина выяснила внезапно.

Рано утром в коммуналку позвонили, а через минуту, не дожидаясь ответа хозяев, вышибли дверь. В квартиру ворвались мужики в форме, скрутили Юрия и увели.

Испуганная до дрожи соседка бросилась к Свете. Та прошептала:

— На столе бумажка, там телефон Пети, позвони ему.

Горкина выполнила ее просьбу. Но услышала от старшего Венькина сплошной мат и отсоединилась. Спустя несколько недель Юра вернулся домой. Выглядел он ужасно — бледный, худой. На все вопросы матери и Анастасии Глебовны отвечал:

— Все нормально. Меня отпустили, я ни в чем не виноват, кто-то меня оклеветал. Я чист со всех сторон.

Еще через некоторое время Горкиной неожиданно позвонил Венькин-старший и сказал:

— Настя, извини, что я в прошлый раз наорал. Приезжай сегодня в кафе, поговорить надо.

Анастасия явилась на встречу и не узнала бывшего соседа — Петр сильно осунулся, выглядел лет на десять старше своего возраста.

— Ты заболел? — испугалась она.

Бывший сосед заговорил, словно не услышав ее вопроса:

— Мне нужна твоя помощь. Поэтому я расскажу полную правду. Знаю, ты, Настя, умная, честная. И умеешь язык за зубами держать. Поклянись, что дальше тебя информация не пойдет.

— Никогда не передаю другим людям, что мне друзья сообщили, — ответила Анастасия Глебовна.

Тогда Петр рассказал ей страшную историю.

Его глупый сын брал у крупного торговца партию сигарет. Денег, чтобы сразу заплатить за товар, у паренька не было. Курево ему давали в долг. Продать отраву Юра был обязан за три дня. Несколько раз так и получалось, мальчик быстро сбывал марихуану с рук, получал денежки. Он отдавал их матери, та покупала себе платье и на некоторое время переставала пилить сына.

Но потом случилась беда: Юра, как всегда, принес в школу рюкзак с сигаретами, оставил его в классе и отлучился ненадолго, а когда вернулся, рюкзак оказался пуст. Кто-то украл весь товар.

Юра стал опрашивать одноклассников. Те прекрасно знали, чем занимается соученик, не раз брали у него курево и все как один заявили, что не приближались к рюкзаку. В конце концов Юра решил, что воровкой является Галя Иванова, он накинулся на девочку с кулаками. Завязалась кровавая битва, которую с трудом остановил прибежавший физрук, он и отвел обоих драчунов к директору. Там Галя, которой Венькин сломал нос, заливаясь слезами, рассказала, из-за чего случилась потасовка, то есть что у Юры украли сигареты с наркотиком. Директор пришел в ужас, позвонил Петру Юрьевичу, тот примчался в гимназию.

Директор не хотел вызывать милицию, поэтому попросил старшего Венькина просто выдрать сына ремнем и перевести его прямо завтра в другое учебное заведение. Отец устроил Юре допрос с пристрастием, но тот твердил:

— Вранье, пап, я никакой наркоты в глаза не видел. Галка брешет. Она была моей девчонкой, но я ее в раздевалке с Колькой из одиннадцатого «Б» поймал и на хрен послал. Теперь Иванова мне мстит. Кого хочешь спроси, я никогда дурью не торговал.

Петр давил на сына, но тот стоял на своем. Отец схватился за ремень, Юра твердил одно и то же. И в конце концов родитель поверил отпрыску. Да и история, им рассказанная, задела старшего Венькина за живое, поскольку очень напоминала то, что случилось между ним и Светланой.

Юра же отправился к торговцу и признался, что его обокрали.

Бандит пожал плечами.

— Гони деньги. Счетчик включен.

— У меня их нет, — заныл Венькин. — Дай еще товар, пуцу его подороже и расплачусь.

— А ху-ху не хо-хо? — заржал мужик. — Вали отсюда. Счетчик тикает. Хоть себя продавай.

Наивный подросток не понимал, куда влип. Он радовался, что обманул папу, который занялся переводом сына в другую гимназию, и наивно полагал, что крупный дилер тоже его простит.

На следующий день ему позвонил торговец.

— Долг вырос в три раза. Плати.

— Почему? — испугался Юра. — Так нечестно.

— Тащи бабло, крысеньш, иначе хуже будет! — пригрозили из трубки.

Глупый Юра решил не отвечать на звонки. Парень подумал: бандиту надоест трезвонить, и он отстанет. Через двое суток из детского садика во время прогулки пропала Алиса, его младшая сестра, дочка Петра от второго брака. Как исчезла малышка, никто не заметил. Воспитательницы

клялись, что она играла со всеми, а потом вдруг раз — и исчезла.

Вскоре Петру позвонила женщина и потребовала крупную сумму выкупа. И со смешком уточнила:

— Должок своего сына оплачивай. Гаденыш взял товар, а деньги нести не желает. Поторопись, папаша, счетчик крутится...

Анастасия Глебовна прервала рассказ, выпила очередную чашку кофе и продолжила:

— Нет смысла вам все подробности сообщать, важен итог. Петр решил не обращаться в милицию и привез выкуп.

— Самое ужасное, что мог совершить отец, это отдать деньги преступникам! — вскипел Олег. — В таких случаях, как правило, ребенка не возвращают. Сумма получена? О'кей. Ребенок не нужен, он свидетель, милиция у него информацию о похитителях выяснит. Заложник жив, пока за него миллионы не заплатили.

— Венькина не обманули, — прошептала Горкина, — девочку отдали.

— Мертвой? — предположил Макс.

— Уговор был такой: Венькин оставляет сумку в определенном месте и едет на какую-то московскую окраину. Ребенка доставят туда.

— Надо же было так глупо поступить! — продолжал возмущаться Фокин.

— Так ведь милиция в те годы хуже бандитов была, — огрызнулась пожилая женщина. — Никакого доверия ей не было. Вечно деньги у народа эти так называемые представители закона вымогали. Те же уголовники, только в форме. Нет, Петю не обманули. Когда он примчался, куда велели, Алиса сидела на дороге и плакала — у нее сильно болела голова. Венькин сразу повез ее в больницу, там живо поставили диагноз: менингит. Малышка от кого-то заразилась. Навряд ли от преступников, она недолго с ними находилась, но Петр не сомневался: болезнь приключилась от стресса, девочка заболела от страха, который испытала при похищении. Когда крошка умерла, Венькин пришел в неистовый гнев и позвонил каким-то своим знакомым в милицию, сообщил, что Юра торгует наркотиками. Подростка задержали, выплыла на свет история с украденным рюкзаком, началось следствие, потом состоялся суд, на котором паренька оправдали. Судья сочла доказательную базу слабой. Юрия отпустили домой, прочитав ему лекцию о хорошем поведении. Маленькая Алиса считалась умершей от менингита. О том, что девочку похищали, Петр никому не рассказывал...

Горкина сделала паузу, мы все ждали продолжения. И оно последовало. Вот что мы слышали...

После того как Венькин поведал бывшей соседке жуткую историю о похищении и гибели своей дочери, Анастасия Глебовна удивленно спросила:

— Ну и зачем ты мне это сообщил?

Венькин-старший пустился в объяснения.

— Сначала я решил с Юрием все отношения прервать, — признался Петр. — В злобе про него настучал, но потом сердце дрогнуло, все-таки сын родной. Нанял лучшего адвоката, тот подлеца отмазал. Маргарита же парня видеть не желает, ультиматум выдвинула: или Юра, или она. Если я стану со старшим сыном общаться, супруга на развод подаст.

— Ее можно понять, — оправдала женщину Горкина.

— Когда эмоции улеглись, я поговорил с врачами, — мрачно сказал старший Венькин. — С лучшими проконсультировался. И понял: маловероятно, что дочь от бандитов заразилась. Она с ними мало времени провела, всего десять часов. А инкубационный период заразы у детей ее возраста от двух до десяти дней. Дочка подцепила болезнь до похищения. Ни при чем тут Юрка. Другой вопрос, что стресс подорвал иммунитет дочери. Я все Рите объяснил, но та своего мнения не изменила. Короче, отправлю тебе деньги. Маргоша не в курсе, что вы со Светкой в одной квартире живете. Если она меня спросит, кому помогаю, скажу, бывшей однокласснице. Купи себе квартиру, но неподалеку от прежней, а свою комнату Юрке отпиши. Пусть у них с матерью отдельное жилье будет. Только повторяю: поселись рядом, чтобы за Светкой и парнем присматривать...

Анастасия Глебовна снова прервала рассказ, потянувшись за конфетой.

— Я обрадовалась, что собственную норку получу. Со Светой стало невыносимо общаться, она в истеричку превратилась. И мне крупно повезло. Петя дал мне телефон риелтора — Катя Бонч-Бруевич, агентство «Мезон», очень деловая и порядочная женщина. Она вмиг нужный вариант отыскала — в том же доме и в том же подъезде, только на этаж выше. Петр руку на пульсе сделки держал. Ну и потом тоже. После того, как Юра институт окончил, я его на службу в частную оранжерею пристроила. Понятное дело, контакт мне Венькин-старший дал. Он постоянно сыну помогал, но тайно, через меня. Лишь в завещании открыто указал: оставляю парню большую квартиру в центре города.

Горкина поежилась.

— Конверт, в котором завещание было, при всех родственниках вскрывали. Юра рассказывал, что Маргарита и ее взрослые дети с ним не поздоровались, демонстративно сели в другом конце офиса. А когда

уходили, вдова громко сказала: «Петр с ума сошел! Надо же, оставил убийце хоромы... Ну да ничего, квартира счастья мерзавцу не принесет». Вот я и думаю поэтому, что единокровные брат или сестра решили Юре за смерть Алисы отомстить.

Пожилая дама поднялась.

— Простите, более не могу продолжать беседу. Работаю няней, пора забирать малышку подопечную из школы. Ехать надо в район Старого Арбата. Далеко от дома, где ребенок живет, но родители только в это учебное заведение хотели девочку отдать. Две гимназии поменяли, пока нормальную нашли. По всем параметрам прекрасно подходит, там хорошие знания дают. Но дорого!

— Сделайте одолжение, подскажите адрес, — попросила я. — Как раз сейчас ищу новую школу для дочери.

— Конечно, записывайте, — кивнула Горкина. — Редкое место, где дети учатся, а не ерундой занимаются.

Глава 22

Утром я проснулась в прекрасном настроении.

— Вижу по твоему лицу, что гимназия тебе понравилась, — улыбнулся Макс. — Ну, рассказывай. Вчера не успели поговорить.

— И предположить не могла, что в Москве существует такое учебное заведение, — затараторила я. — Двухэтажное здание в парке. В классах по семь-восемь человек. Помимо общеобразовательных предметов еще музыка, хореография, рисование, труд. Девочки обучаются кулинарии, с ними занимается повар, готовят простые блюда: каши, супы, салаты, пекут пирожки. Кроме того, есть факультативы: история мировых религий, биографии великих людей, кружки всякие, собственный театр, оркестр. Английский язык учат все, второй иностранный — по выбору. Какой пожелаешь, хоть уругвайский.

— Такого нет, — усмехнулся Макс, — в Уругвае говорят на испанском.

— Да? — удивилась я. — Не знала. Короче, если один ребенок пожелает учить некий экзотический язык, то ему найдут педагога. Коли есть желание овладеть третьим, четвертым языком, нет проблем. Тяга к знаниям приветствуется. По выходным походы в музеи, театры, на экскурсии. Среди педагогов половина мужчин, а не один физрук со странным лицом. Есть бассейн и собственный спортивный комплекс. Дети не носят форму. Поборы с родителей строжайше запрещены, никаких подарков или цветов учителям. Исключение — первое сентября. Тогда, конечно, ребята приходят с гладиолусами. Цветы после торжественной линейки возлагаются к памятнику академика Пятакова, установленному в парке гимназии. Федор Михайлович был педагогом, придумал собственную систему обучения и воспитания детей, которая шла вразрез с одобренной для советских школ. При коммунистах Пятаков подвергался гонениям, считался диссидентом, хотя ничего дурного о режиме в СССР не говорил, просто твердил: ребенка надо любить, обучать в процессе игры, не подгонять всех детишек под одну линейку. Сейчас гимназией руководит его дочь, доктор наук, профессор Раиса Федоровна. Она написала прекрасную книгу, я именно к ней постоянно обращаюсь за советами. Попасть в школу хочет огромное количество детей, но у владелицы строгое правило — не расширять классы. Нам повезло. Вчера одну ученицу забрали — ее родители уехали жить за границу. Освободилось место, на дворе октябрь, дети уже сидят за партами, очереди из мам в кабинет директора нет,

поэтому Кису приняли. Сегодня за ней в десять утра заедет автобус.

— Во сколько? — удивился Макс.

— В десять, — повторила я. — Представляешь, первый урок начинается в одиннадцать. Но надо прибыть за тридцать минут до звонка, чтобы сделать зарядку. В гимназии считают, что ребенок должен высыпаться. Уроки завершаются в пять, потому что детская голова устала, ей необходим отдых. До пятого класса вместо отметок ставят печати с изображением животных. Например, черепаха, что значит: ученик очень умный, но медленно считает. Зайчик — быстрый, внимательный, но не выучил стишок. В каждой оценке есть как положительная, так и отрицательная составляющая. По-моему, это гениально.

— Сколько стоит обучение? — спросил Макс.

Я протянула мужу счет, и его брови поползли вверх.

— Ого!

— Согласна, дорого, — затараторила я. — Зато в гимназии нет учителей вроде Майи Михайловны, которая ненавидит детей, терпеть не может родителей и постоянно заставляет что-то покупать для школы. Деньги мы заработаем, а вот нервную систему Кисы не вылечим.

— Ты права, — согласился супруг. — И мне на ребенка средств не жалко. Но уж как-то очень круто.

— У них пятиразовое питание, — вспомнила я, — а фрукты стоят в вазах, их можно брать и есть в любом количестве.

— Хотел бы я учиться в такой школе... — улыбнулся Макс и взял зазвонивший телефон. — Слушаю, Володя. Подожди, включу громкую связь.

Голос Костина заполнил нашу спальню.

— Я все думал про массажный стол. Ну зачем он там? Да еще перед рядами стульев. Ничего в голову не лезло. Кому хочется любоваться, как другому тело мнут? Предположил, что это какой-то особый вид стриптиза. Или порно-представление. А может, обучение нестандартному воздействию на мышцы человека. Но какого черта там сделали подземный ход? В общем, заболела у меня от дум башка, лег на диван, телик включил, а там идет американский сериал про полицию. Балдею на софе, и вдруг сцена... Открой «Ватсапп», я тебе туда видео отправил. Извини, с экрана снимал, качество не ахти, но суть понятна.

— Сейчас, — пообещал Макс и постучал пальцем по экрану.

Я заглянула через плечо мужа и увидела хмурые заплаканные лица людей, которые сидели на стульях перед окном, закрытым шторами. Занавески раздвинулись, стало видно соседнюю комнату, в которой на

столе лежал мужчина, вокруг него стояло несколько человек в халатах. Запись закончилась.

— В некоторых штатах Америки, например, в Техасе, преступников казнят, — снова заговорил Костин. — Причем приглашают родственников жертв посмотреть на кончину того, кто убил дорогого им человека. Что, если в квартире на первом этаже занимались тем же самым? Камеры передавали изображение людям, которые не могли прибыть на место казни, а стулья предназначались для тех, кто явился. На мониторе могли демонстрировать фото жертв, или там шел рассказ о преступлениях, совершенных ублюдком. По подземному ходу приводили зрителей. В большом тяжелом ящике, который на особой тележке привозил водитель белого фургона, находился преступник, сначала живой. Потом тело в том же ящике увозили и где-то хоронили. Тогда понятно, зачем в комнате стоял массажный стол. Хотя я уверен, что мерзавец находился под воздействием какого-то лекарства, которое не позволяло ему двигаться.

— Есть такой мышечный релаксант! — воскликнул Макс. — Его иногда используют врачи-анестезиологи. Больной теряет способность даже пальцем шевельнуть, подключен к аппарату дыхания, но до того момента, как его полностью погрузят в сон с помощью других средств, он сохраняет ясность сознания, видит окружающих, слышит их разговоры.

— Жуть, — переделернулась я, — ужасное действо.

— Но возможное, — перебил Володя. — Слушайте дальше. Надежду Владимировну Реутову нанимали для поиска сбежавшего преступника. Ее клиенты — безутешные родители, братья, сестры или друзья жертвы. Они испытывают огромное горе, ощущение безнадежности и обмана. Да, полиция нашла и поймала преступника, тот был осужден, однако ухитрился сбежать и живет на свободе. Он сменил документы, сделал пластическую операцию, надежно спрятался. Если Реутова могла отыскивать мерзавцев, то снимаю перед ней шляпу. Эта работа очень трудная. И понятно, почему клиенты не хотели отдавать найденного негодяя в руки системы исполнения наказаний — ведь один раз гад уже удрал! Где гарантия, что его снова не упустят? Если подумать, то моя версия все объясняет. Подземный ход нужен для незаметного прихода и ухода родственников, в подъезде-то сидит консьержка. По тайной лестнице Реутова могла спуститься к месту казни, не привлекая внимания ни соседей, ни Натальи. Ну, согласитесь: кто-то ведь мог увидеть, как пожилая женщина выходит из пустой, не принадлежащей ей квартиры, и удивиться. Но при наличии потайной лестницы это исключено. Кстати! Дверь в апартаменты, которые по завещанию получил Юрий Венькин, скрипит и

лязгает. Ильина бы точно услышала, что ее открывают-закрывают, и поспешила бы поглядеть, кто там в пустующее жилье шастает.

Меня настолько ужаснула версия Костина, что я категорически возразила:

— Нет-нет! Твоя идея, безусловно, интересна, но маловероятна!

Костин стал отстаивать свою точку зрения.

— Я уже объяснил, как все происходило. Преступника доставляли в ящике, он не мог шевелиться, сопротивляться, находясь под воздействием какого-то препарата. Народ приходил по подземному ходу. Тело увозили. Организация процесса не так уж и сложна. Да, требовалась подготовка: создание галереи под землей, соединение двух квартир... Но при наличии больших денег можно сделать все что угодно. И не так уж, собственно, трудно прорыть тоннель. Человечество давно метро строит, есть нужная техника и специалисты. Повторяю: нашлись бы бабки, остальное решается.

— А куда трупы девали? — сопротивлялась я.

— Да хоть в лесу зарывали, — вздохнул Макс. — В области полно укромных мест. Понимаю, это звучит жестко, но версия Володи пока единственная, объясняющая все странности. Апартаменты приобрел Петр Венькин, но он в них никогда не жил и не сдавал. Зачем ему квартира?

— Вложение капитала, — отбила я подачу, — десять лет назад моя знакомая, взяв в кредит три миллиона, купила в Куркино в доме, который только-только начали строить, четырехкомнатную квартиру.

— По тем годам три лимона — большие деньги, — заметил Вовка.

— Согласна, — кивнула я, — кстати, тогда Куркино походило на деревню, там стояли избушки-покосюхи. И что? Теперь это прекрасный зеленый район, полно магазинов, фитнес-центров, много парков. А апартаменты Ксюши оценивают почти в сорок миллионов.

Макс побарабанил пальцами по столу.

— У Надежды Владимировны была обожаемая сестра Нина, которую убили. Преступника поймали, осудили, но он сбежал. Реутова взяла на воспитание племянника, хоть никогда особо не любила его, но она была женщиной порядочной, поэтому дала мальчику воспитание, кормила-одевала Сергея. Каменев вырос, разбогател, вроде все хорошо в семье у него и у Реутовой. Но, похоже, Надежда никак не могла справиться с горем, она не забывала о смерти Нины, горела желанием отыскать мерзавца, лишившего ее сестру жизни. И начала заниматься поиском беглых преступников. Теперь посмотрим на Петра Венькина. У него умерла дочка. Отец сначала винит в ее кончине Юрия, но потом понимает, что старший сын просто наделал массу глупостей. Из-за того, что у Юры украли рюкзак

с «нафаршированными» сигаретами, похитили его сестру. Удивительное дело, ребенка вернули живым, но малышка оказалась больна менингитом и умерла. Понимаете? В семье Венькина, как и у Реутовой, случилась трагедия. Могу предположить, что Петр и Надежда где-то встретились, пообщались, подружились и решили вместе заниматься не только поимкой, но и наказанием беглых преступников. Это объясняет, откуда у Реутовой большая сумма денег на приобретение квартиры, где она жила.

— Наверное, она сама неплохо зарабатывала, — возразила я.

— Не спорю. Скорей всего, даме хватало на пряники с черной икрой, — согласился муж, — но дом очень дорогой. Лампуша, скатайся к Маргарите Леонидовне, потолкуй с ней о Петре, порасспрашивай аккуратно. Жены очень часто знают о своих мужьях буквально все.

— Ты бы сообщил мне, что в свободное от основной работы время ловишь, а потом казнишь тех, кто преступил закон? — вздохнула я.

— Люди разные, один станет молчать об этом, а другому нужно излить душу близкому человеку, — ушел от прямого ответа муж.

— Думаю, Маргарита не пожелает со мной беседовать, — приуныла я.

— Но попробовать вызвать ее на откровенный разговор надо, — настаивал Макс.

Я покорно взяла телефон и начала стучать пальцем по экрану.

— Слушаю, — откликнулся милый девичий голосок.

— Позовите, пожалуйста, Маргариту Леонидовну, — попросила я.

— Она не может подойти.

— Спасибо, я позвоню позднее.

— Мама не разговаривает с незнакомыми. Вы кто?

Я представилась и в свою очередь поинтересовалась:

— А с кем я разговариваю?

— Ольга Петровна Венькина, — ответила девушка. — Что случилось? Зачем мамуля понадобилась полиции?

— Я представляю частное детективное агентство, — поправила я.

— Еще хлеще! Что вам надо?

— Побеседовать с Маргаритой Леонидовна, — терпеливо ответила я.

— Мама не любит незнакомых!

Ольга вела себя агрессивно, я решила кое-что объяснить ей.

— Вы знали Юрия Петровича Венькина?

— Только понаслышке. Стоп! Почему вы произнесли глагол в прошедшем времени — «знали»? Он что, умер?

— К сожалению, вынуждена сообщить вам плохую новость. Вашего единокровного брата сбила машина.

— Так ему и надо! Не смейте называть этого подлеца моим братом. Он нам с Леной никто. А-а-а, ясно, вам нужны деньги на похороны... Ни копейки не получите! Пусть его зароят в огороде!

От ненависти, которая бурным потоком изливалась из трубки, у меня заболела голова, поэтому я и задала идиотский вопрос:

— В каком огороде?

— Не знаю адреса, где этот подонок цветы разводил! — выкрикнула Ольга. — И не звоните больше. Мама не подойдет к телефону.

— Погодите! — попросила я. — Мы предполагаем, что человек, который нарочно сбил Юрия, может причинить вред и вам, то есть жене и детям Петра Юрьевича. Об этом-то я и хочу побеседовать с Маргаритой Леонидовной.

— Нам? — уже другим тоном осведомилась собеседница. — Почему? Кто он?

— Разрешите мне приехать, — попросила я, — много времени у вашей мамы я не отниму.

— Ладно, — после короткого раздумья согласилась Ольга.

— Ты умеешь уговаривать людей, — похвалил меня муж, — мне бы не удалось сломить сопротивление дочери Венькина.

Очень довольная его словами, я оделась, вышла во двор и увидела... Родриго, запряженного в повозку. На облучке сидел радостный Сергей Максимов.

— Здравствуйте, Евлампия. Куда спешите? Давайте я подвезу вас в любое место. Быстроногий Родриго полетит стрелой.

Я вспомнила свое сальто назад, которое выполнила после того, как пони резко остановился, и мигом ответила:

— Нет. Спасибо!

В самом деле, навряд ли мне на дороге еще раз попадется милая и очень сообразительная дама в кабриолете. Не хочу сломать руки-ноги-шею, поэтому не стану раскатывать по городу в тележке.

Психолог натянул вожжи.

— Стой, Родриго: не стесняйтесь, Евлампия, я вас безо всякой оплаты отвезу по нужному адресу, а вы за это ответите на мои вопросы. Мы же не успели с вами побеседовать обстоятельно.

Я бочком начала протискиваться между головой пони и чьей-то старенькой машиной, мирно доживающей свой век. Мой маневр не понравился Родриго, он задрал верхнюю губу и издал угрожающее ворчание. Я увидела зубы пони и испугалась. Ну и клыки! Если лошадка цапнет меня, мало мне не покажется.

Я отшатнулась, поскользнулась и ударилась головой о капот развалюхи. Послышался глухой стук. Я выпрямилась, отошла в сторону и увидела на капоте металлолома на колесах большую круглую вмятину. Похоже, железо, из которого собрали сей позор автомобильной промышленности, на самом деле картон. Но ведь до того, как я тюкнулась головой в капот, он был целым!

Горестно вздыхая, я вынула из сумочки блокнот и нацарапала на листке номер своего телефона, а под ним слова: «Простите, я случайно помяла головой вашу машину». Затем сунула записку под «дворник» и поспешила к своей «букашке».

— Лампа! Стойте! — заголосил Максимов.

— Извините, я очень спешу, — на ходу ответила я. — Ваш пони прекрасен, но лошадиные силы в моторе все же мощнее ног животного.

Родриго поравнялся со мной.

— Ну, пожалуйста! — простонал психолог. — Вы моя последняя надежда! Опрос... Диссертация... Госпожа Романова!

Я открыла малолитражку и с запозданием удивилась:

— Откуда вам известен мой домашний адрес?

Широкая улыбка озарила лицо Максимова.

— В Москве по данным паспортного стола есть всего лишь одна Евлампия. Вас очень легко найти.

Я юркнула за руль.

— Простите, совершенно нет времени на участие в опросе.

— Откройте окно, — зачастил ненормальный кучер, — я поскачу рядом, и мы займемся делом на ходу.

Я изо всех сил нажала на педаль газа и полетела вперед.

Глава 23

Ольга не пустила меня дальше прихожей.

— Наша семья не общалась с Юрием, — сердито сказала она. — Более того! Пока отец не заболел, ни я, ни Леня понятия не имели, что у нас есть брат.

— Вы готовились пойти в школу, когда Петр Юрьевич и Маргарита Леонидовна решили более не иметь дела с сыном Венькина от первого брака, — осторожно напомнила я, — до этого Юра часто посещал отца, некоторое время даже жил в вашей семье.

Девушка не стала спорить.

— Возможно. Но мы с Леной были маленькими, поэтому быстро забыли мерзавца.

Не предложив мне сесть, Ольга сама устроилась на стуле, который стоял у вешалки.

— Папа знал, что умирает. Он был сильным человеком, мужественным, ни разу не дал понять, что ему больно или страшно. Все время шутил, улыбался, говорил, что растопчет свой недуг. Но потом понял: подступает конец. Уходил он в полном сознании, дома. Попросил, чтобы его из клиники привезли в родную спальню, позвал нас, детей...

Венькина-младшая прикусила нижнюю губу.

— Судя по тому, что вы постоянно называете Юрия «мерзавцем», «подлецом», Петр Юрьевич сообщил вам о том, как погибла маленькая Алиса? — спросила я.

Собеседница кивнула.

— Мы знали, что у нас была младшая сестричка, но долгое время понятия не имели, отчего она скончалась. Все наше детство прошло под колпаком. Отец нанял охрану, которая сопровождала нас повсюду. Как я ненавидела мужиков в костюмах! Сколько раз пыталась от них улизнуть! Бесполезно. У меня не было веселых встреч с подружками, одноклассники никогда не звали меня в кино. Конечно, кому понравится сидеть в зале, когда в спину дышат парни в черных костюмах, у которых из ушей шнуры змеятся? Охрана следила за мной, ее все видели. Если мы с ребятами начинали ссориться, тут же возникали бодигарды и уводили меня. А еще мама велела им протирать любые предметы и поверхности, к которым потянутся дети, мирамистином. Завод по производству этого средства должен семье Венькиных орден выдать. Хлоргексидин тоже закупался

цистернами. Если мы летели куда-то на отдых, мама опрыскивала сиденья в самолете из пульверизатора, обливала столики, подлокотники, туалет. Есть в лайнере категорически запрещалось, провизию тащили из дома. Когда некоторые люди жалуются, что их в детстве в мае месяце заставляли шапку и рейтузы натягивать, я только усмехаюсь, так и хочется им сказать: господи, ваши вещи не стерилизовали в особом автоклаве, стоявшем рядом со стиральной машиной.

— Маргарита Леонидовна опасалась, что старшие дети заболеют менингитом, — вздохнула я.

— В двенадцать лет я устроила офигительный скандал, — призналась Ольга. — Объявила голодовку, потребовала снятия охраны и прекращения ежеминутной дезинфекции. Вот только тогда папа отвел нас с Леней в свой кабинет, рассказал, от какой болезни умерла Алиса, и попросил: «Если любите маму, проявите терпение и снисходительность. Она до сих пор корит себя, что не смогла спасти Лисоньку. Понимаю, вам тяжело, мне тоже нелегко, но не устраивайте войну. Да, я могу убрать секьюрити, вылить весь мирамистин. Вы получите свободу. Но мать умрет от стресса».

Девушка замолчала.

— Сочувствую вам, — совершенно искренне сказала я. — Родилась поздним ребенком, моя мама панически боялась всяких болезней. Когда вы упомянули про рейтузы и шапку в мае, это было со мной. Но мое детство не сравнить с вашим, у меня была хоть какая-то свобода.

Ольга кивнула.

— Нам с Леней достался эксклюзивный вариант. Папа, объяснив, почему мама не расстается с дезинфекцией, обошел молчанием мой вопрос об охране, по какой причине нас стерегут лучше, чем Алмазный фонд, не объяснил. Правду он открыл только перед смертью. Мы были в шоке, пытались вспомнить Юрия и не могли. Ненависть к нему выросла вмиг. Ведь он тот, из-за кого мы лишились веселого детства, а отец оставил ему квартиру... Мы понятия не имели, что у отца было это жилье. Знали про дом в Подмоскowie, виллу в Италии и дачу в Юрмале, ездили туда. Про апартаменты в центре города папа ни словом не обмолвился. Он тогда приказал: «Хоромы Юркины. Когда будут зачитывать завещание, сидите смирно. И не вздумайте его оспаривать. Хватит с вас того, что получите, продолжайте жить безбедно. Станете работать, как я, — приумножите капитал. Повторяю: мой подарок Юре не трогайте. Хотя, если и решите жилье отобрать, не получится из этой затеи ничего, я об этом позаботился. Но все равно поклянитесь, что не посягнете на его апартаменты. Вон икона висит, перед ней обещание дайте».

— Вы в курсе, почему Петр Юрьевич отдал квартиру старшему сыну? — осторожно спросила я.

Оля скорчила гримасу.

— Догадаться о причине легко. Когда отцу поставили нехороший диагноз, он начал в церковь ходить. Никогда прежде не молился, а тут стал службу посещать, посты держать, исповедовался, причащался. Нас он в храм на веревке не тащил, за что ему спасибо. Не верю я в доброго боженьку на облаках. К нам в дом постоянно священники приходили, монахи, папа немалые деньги жертвовал на храмы. Думаю, отец Александр посоветовал своему верному прихожанину со старшим сыном помириться. Все просто.

— Ну да, — пробормотала я. — Ольга Петровна, позовите все же Маргариту Леонидовну.

— Нельзя быть по-хамски настырной, — неожиданно разозлилась девушка, вскакивая с места, — мама ни с кем не общается. И ее нет. Она в Италии живет.

И вдруг...

— Помогите! — отчаянно закричал женский голос откуда-то из недр квартиры. — Помогите! Спасите!

Ольга резким движением указала мне на дверь:

— Убирайтесь!

— Нет, — возразила я. — Кто просит о помощи?

— Пошла вон, не твое дело! — взвизгнула Ольга.

Послышались грохот, звон, вопль...

Девушка, забыв обо мне, бросилась по коридору в глубь квартиры, я кинулась за ней. Вбежала в просторную спальню и замерла.

В инвалидном кресле сидела привязанная ремнями старуха. На полу лежали опрокинутый столик, разбитая чашка, чайник, оставшийся целым, по ковру рассыпалось печенье.

— Мамочка, успокойся, — нежно попросила Оля.

— Ты кто? — жалобно спросила больная.

— Зайчик веселый, — ответила дочь.

— Чужая пришла! — закричала Маргарита Леонидовна.

— Нет, нет, я твоя доченька, — заверила Ольга.

— Ты жива? — обрадовалась Венькина-старшая.

Девушка обняла мать и начала гладить ее по голове.

— Конечно. Все в полном порядке.

— Где остальные дети? — занервничала вдова. — Забыла, как их зовут...

— Леня, — подсказала дочь. — Он в школе, вернется вечером.
— Алиса! — воскликнула мать. — Доченька!
— Она в садике, — не моргнув глазом, солгала Оля и подняла столик. — Сейчас тебе чаю принесу.
— Не хочу оставаться одна, — закапризничала сумасшедшая.
— С тобой Евлампия посидит, — улыбнулась дочь, — я быстренько.
— Не хочу с ней! Куда Алисонька подевалась? — рассердилась Маргарита.

— Евлампия хорошая, добрая, она моя подруга, мы в одном классе учимся, — продолжала врать дочь.

— Ладно, — неожиданно мирно согласилась Маргарита Леонидовна.

Ольга вопросительно посмотрела на меня, я кивнула, и она ушла.

Больная прищурилась, зашептала:

— Ольга меня сумасшедшей считает, из дома не выпускает. Я не такая. Все помню. Где Алиса?

— В садике, — повторила я слова Ольги.

Глаза больной почернели.

— Врешь! Алису, мою доченьку, убил Юрий. Насмерть. Потом Петя всех застрелил!

Я вынула телефон и быстро запечатлела больную.

Из коридора послышался мягкий звон. Маргарита Леонидовна задрожала. В этот момент в комнату вошла Ольга с подносом и пояснила:

— Ложку уронила, маленькая такая, а звук на весь дом. Мамочка, выпей.

— С вареньем? — спросила та.

— С твоим любимым сиропчиком, — ответила дочь. — Открой ротик... Ам! Глотай.

Маргарита Леонидовна покорила, запила лекарство чаем, закрыла глаза и откинулась назад. Оля нажала на пульт, спинка кресла опустилась, а нижняя его часть, наоборот, поднялась, получилась лежанка. Дочь подсунула матери под голову подушку, прикрыла больную пледом и поманила меня рукой. Мы на цыпочках вышли в коридор.

— Хотите чаю? — уже иным тоном осведомилась Венькина-младшая.

— Не откажусь, — ответила я.

Глава 24

— Простите, иногда я бываю агрессивна, — извинилась Ольга, ставя передо мной чашку. — Понимаете, очень не хочется говорить посторонним, в каком состоянии находится мама. Это не шизофрения, не слабоумие. Подчас она демонстрирует острый ум и редкую сообразительность. Некоторое время назад я затеяла в ее спальне генеральную уборку. Подняла подушку — хотела ее с двух сторон пропылесосить — и обнаружила склад медикаментов. Оказывается, мама обманула сиделку. Та исправно давала ей пилюли, но не проверяла, глотает ли она их, а мама прятала лекарства под языком, отсылала медсестру за чем-нибудь и выплевывала. На мой вопрос, зачем она это делала, ведь доктор велел непременно лекарства принимать, последовал взрыв негодования: «У меня от них волосы поседели и морщины появились. Не хочу жить старухой». Вот и думай, лишена она разума или нет. Нас с Леней то помнит, то начисто забывает. Алиса для нее до сих пор жива, время остановилось: Лисонька ходит в садик, мы с братом в школу. Меня мама называет по-разному. Иногда я «Олечка, доченька», порой доктор Зинаида Павловна или вдруг Люся, так звали нашу бывшую домработницу. Сегодня еще такой день, вот она и разволновалась.

Я вновь проявила любопытство:

— Какой день?

— Годовщина смерти Алисы, — уточнила Ольга. — Сомневаюсь, что мама способна различать числа, но она как-то чувствует, что пришла печальная дата, и впадает в особенно нервное состояние, поэтому я сейчас ей сильное снотворное дала, пусть лучше поспит.

— Тяжело вам с ней, — посочувствовала я ей, — обычно таким больным сиделку нанимают.

— Их так трудно найти, — пожаловалась Ольга. — У нас постоянное невезение. Те, кто не в теме, считают, что нанять помощницу очень просто. Раз мы платим хорошие деньги, прибежит армия желающих занять это место. Но многие только глянут на маму и вон бегут со словами «С ненормальной сидеть не хочу». Да и те, кто все же оставался, вскоре уходили. Я им плату повысить предлагала, но нет, отказывались. Вера уволилась, теперь и Анжелика. Очень приятная женщина, дольше всех продержалась. Когда я ее с будущей подопечной познакомила, она сказала: «Такие больные мой профиль. Знаю разные методики, умею их расслабить». И действительно, она с мамой много занималась — пение,

рисование, чтение, прогулки. Ни минуты свободной у мамы не было. Я так радовалась, думала: вот повезло. И — бумс! Вчера Анжелика позвонила и сказала, что увольняется. Я ее упрашивать принялась, но она была тверда в своем решении: нет, и точка. Мне пришло в голову, что я чем-то ее обидела, поэтому спросила прямо: «Лика, дорогая, если я вас как-нибудь случайно оскорбила, извините, пожалуйста». А она воскликнула: «Все, отстаньте!» — и швырнула трубку. Теперь опять надо кого-то искать. У вас нет на примете хорошей сиделки?

— Могу спросить у приятелей, — задумалась я. — А давно Маргарита Леонидовна в таком состоянии?

— Да нет, — вздохнула Оля. — Началось это внезапно. Мама отправилась делать маникюр, обещала вернуться в восемь. Когда в девять ее дома не оказалось, папа разволновался, позвонил в салон, там сказали: «Маргарита Леонидовна давно ушла». Отец кинулся ее искать и обнаружил маму в нашем дворе. Она на скамеечке сидела, немного растерянная, сказала: «Петя, представляешь, я заблудилась». А салон, который она посещала, через три дома от нашего находится, надо просто по прямой идти. Вот так болезнь стартовала. Вроде некоторое время мамуля нормальной казалась, просто вдруг раз — и забудет, как меня зовут. Потом смеется: «Олечка, не обижайся, память барахлит». Затем ей как-то резко поплохело. Помню, как из того же салона управляющая, очень милая дама, вместе с ней пришла и попросила: «Пожалуйста, больше не отпускайте маму к нам одну. Она сегодня выпила воду из мисочки, в которой надо руки замачивать. Мы госпожу Венькину любим, готовы ее на дому обслуживать». И с того дня маме становилось все хуже и хуже. Совсем плохо стало вскоре после отъезда Люси. Это была домработница, которая нам очень быстро почти родной стала, хотя работала всего месяца три. Ее звали Людмила Павловна Ершова. Прекрасная прислуга, просто идеальная. Мама на нее нарадоваться не могла. Москвичка, не пьет, не курит, семьи у нее нет, занята только работой. На вид хрупкая, но с завидной физической силой. Не красавица, что при наличии в доме двух мужчин предпочтительнее мисс Мира. Невероятная чистюля. Готовила — язык проглотишь. Молчаливая. Обожала нашу кошку. Она заменила прежнюю прислугу, которая внезапно ушла. Представляете, Люся ни разу не опоздала утром. И очень помогла, когда мама заболела, ухаживала за ней, пока я искала сиделку. Потом у Людмилы тяжело заболел отец, она взяла отпуск и более у нас не появлялась. Если у вас более нет вопросов, то извините, у меня дела.

В столовую вошла горничная.

— Ольга Петровна, я вернулась из магазина, принесла продукты.

— Спасибо, Валя, — поблагодарила Венькина. — Проводи Евлампия до двери.

Я встала.

Молодая хозяйка тоже поднялась.

— Если найдете человека, который Юрия задавил, сообщите мне его адрес. Отправлю водителю благодарственную открытку. Да, я злая. Да, до сих ненавижу его и не считаю своим братом. Можно сказать, Юрий поджигатель всех наших бед. Не начни он торговать марихуаной, Алису бы не похитили, сестра, возможно, сейчас жила бы с нами. И мама не тронулась бы умом, она ведь горя не выдержала. А у папы, наверное, болезнь бы не стартовала. К сожалению, подсказать вам, кто наехал на мерзавца, я не могу. Что же касается нас... У отца определенно были недоброжелатели, ведь поднять с нуля большой бизнес и не завести врагов невозможно. Сейчас фирмой занимается Леня. Папа его готовил как свою смену, брат очень умный человек. Можете поговорить с ним. Но сегодня Леонид улетел в Тюмень, вернется через неделю. Если честно, я сомневаюсь, что нам грозит опасность. Юрий ведь не член нашей семьи. То, что у Петра Юрьевича был сын от первого брака, известно очень узкому кругу людей. И ежели некий человек решил сбить гада, чтобы причинить нам с Леной горе, то он фатально просчитался. Лично я, наоборот, несказанно рада.

Я попрощалась с Ольгой, спустилась на первый этаж, вышла из подъезда и услышала за спиной женский голос:

— Пожалуйста, подождите.

Я обернулась. Ко мне бежала горничная Венькиных.

— Извините, забыла ваше имя.

— Евлампия, — улыбнулась я. — Можно просто Лампа.

— Ольга Петровна и Леонид Петрович прекрасные люди, — на одном дыхании выпалила женщина. — Таких хозяев еще поискать: зарплата, как по часам, хозяйка истерик не устраивает, хозяин юбку мне не задирает. Я у них всего три месяца работаю, но... Хотите расскажу, почему все остальные от них убегали?

Я энергично кивнула и пригласила Валентину сесть в мою «букашку», чтобы нашему разговору никто не помешал.

Глава 25

— Вы мамочка Кисы? — спросила симпатичная брюнетка. — Очень рада знакомству. Теперь понятно, в кого Арина такая красавица.

Я улыбнулась. Прекрасно знаю, что не отличаюсь эффектной внешностью, к тому же общей крови у нас с Кисулей нет, учительница просто решила польстить госпоже Романовой. Ну а мне стало приятно от ласковых слов.

— Меня зовут Юлия Андреевна, — представилась женщина, — я классный руководитель нулевого класса «А». У нас семеро ребят, все замечательные, умные, талантливые. Посмотрите работы Кисы. Девочка создала шедевр на уроке.

Передо мной на столе возник лист с рисунком. В памяти мгновенно ожил стишок: «Палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек».

— Превосходно! — восхищалась Юлия. — Сразу виден недюжинный талант.

— Вы уверены? — усомнилась я, рассматривая каракули. — По-моему, Киса слегка ошиблась с растительностью на голове э... человека. На рисунке у него лысая макушка, а к... мм... подбородку пририсована мочалка.

— Это борода, — обиженно протянула классная дама. — Перед вами сочинение по русскому языку. Самые маленькие, те, кто пока не овладел навыком письма, рисуют. Сегодня они проходили тему «Александр Пушкин». Сначала слушали сказку про рыбака и рыбку, а потом воссоздали героев на бумаге. Киса трудилась над портретом поэта. Добилась невероятного сходства!

Правда?

— Угу, — пробормотала я, глядя на кривой «огуречик» и почему-то треугольную голову, на которой были нарисованы рот и один глаз, — прямо вылитый Александр Сергеевич.

— Кроме редкого дара рисовальщицы хочется отметить удивительный ум ребенка, — щебетала Юлия Андреевна. — Сегодня на уроке классу специально дали задание повышенной сложности. Киса справилась идеально. Вот!

Я заглянула в тетрадку, которую педагог положила передо мной. На первом листке был записан пример: « $1 + 1 = 2$ ».

Юлия зааплодировала.

— Девочка великолепно решила задачу. Сегодня она заработала золотого львенка. Видите наклейку на обложке?

Я кивнула.

— Это высшая награда, — пояснила классная руководительница. — Надеюсь и с домашним заданием она так же хорошо справится. Мы не нагружаем детей после уроков. Но в нулевом классе, чтобы приучить малыша к регулярной работе, внушить ему, что знания добываются трудом, мы просим кое-что сделать. Не волнуйтесь, с третьего года обучения, когда пойдет очень сложный материал, девочка будет дома отдыхать. Она все выполнит в школе. На завтра по математике всего один пример. По русскому языку рассказ по ключевым словам. Понимаете?

— Нет, — призналась я.

Юлия Андреевна опять расплылась в улыбке.

— Сейчас объясню. Стакан, ложка, сахар, чай — это так называемые ключевые слова. Надо придумать с их использованием рассказ из четырех фраз. То есть сколько слов, столько и предложений. Например: «Я взяла стакан. Я взяла ложку. Я налила в стакан чай, положила сахар. Я размешала ложкой сахар в стакане чая». В завершающем предложении надо употребить все четыре слова. Ясно?

Я старательно сгребла в кучку всю свою сообразительность.

— Дано четыре существительных.

— Да! Вы умница! — пришла в восторг учительница Кисы.

— Надо придумать столько же предложений.

— Великолепно.

— В последнем должны содержаться все слова.

— Потрясающе! Горжусь вами! У вас, Евлампия Андреевна, нет дневника, но если хотите, я поставлю вам золотого львенка просто на бумажке. Вот!

Классная руководительница взяла печать, шлепнула ею по листку и протянула его мне.

— Теперь и вы в лидерах.

— Спасибо, — пробормотала я. — Мы с Кисой непременно все выполним.

По дороге домой я расспросила малышку о школе.

— Там так здорово! — радовалась девочка. — Сначала мы завтракали.

— Ты же ела дома, — удивилась я.

— Да. Но в школе очень вкусно, — сообщила с заднего сиденья Киса. — Дали омлет с овощами, булочку, какао. Потом я ела фрукты, сколько хочу. После первого урока был один перекус — печеные яблоки,

после второго я слопала молочное желе. Когда закончился третий урок, мы побежали обедать: суп-лапша, куриные котлетки со шпинатом, компот из яблок. И еще два перекуса были потом: банановый пудинг и...

— А что вам учительница на уроке говорила? — остановила я гастрономические излияния девочки.

— Что мы самые лучшие дети на свете, умней нас никого нет, нам предстоит развивать свои таланты, — выпалила Киса. — Во время урока можно ходить, сидеть на полу и даже спать.

— Спать? — поразила я.

— Если очень хочется, то почему нет? — пожала плечами малышка. — Но у нас никто не храпел, потому что мы громко пели на математике.

— Пели на математике? — удивилась я.

Киса откашлялась и завопила во всю силу молодых легких:

— Нолик, нолик, где твой домик? Нету домика у нолика-а-а-а!

У меня заложило уши. Девочка замолчала, потом шмыгнула носом.

— Очень печальная песня. Трагическая.

Услышав последнее высказывание, я вместо педали тормоза нажала на газ и проскочила перекресток на желтый свет.

— Мы плакали, — грустно уточнила Киса. — Все! Просто рыдали.

— Почему? — не сообразила я.

— Ну, как ты не понимаешь? — покачала головой Кисуля. — У нолика нет домика, он бродяга, лечь спать ему негде, поесть тоже не удастся. Один, совсем один! И без домика! Но Юлия Андреевна сказала, что завтра мы зонт переделаем. Сегодня он такой трагический, чтобы дети научились сочувствию. А завтра зонт станет радостным, потому что мы нолику дом сделаем.

Тут я растерялась окончательно.

— Зонт?

— Лампа, в Древней Руси так называли песню — зонт, — отчеканила Кисуля.

— Может, зонг? — осторожно поправила я.

— Вот и Аня Федотова так же высказалась, как ты, — засмеялась Киса. — Но Юлечка Андреевна ей объяснила: «Зонг слово иноземное, а мы русские дети, нам должно пользоваться своей речью, а не попадать под влияние стран Запада и Америки. У них там зонги, а у нас зонты. Мы...»

Киса притихла.

— Что случилось, дорогая? — спросила я, паркуясь у подъезда.

— Слово забыла, — суксилась малышка. — Кто мы? Его все на уроке не поняли. Но Юлечка Андреевна растолковала, что мы граждане своей

страны, поэтому должны использовать только нашу речь. И мы так называемся. А как, не помню.

— Россияне? — подсказала я, вылезая из «букашки».

— Нет, — заныла Киса. — У дяди Вовы машина с таким названием. Та, на которой он на рыбалку ездит и постоянно ругается: «Ломается, собака, ведро с гайками и болтами, не знаю, зачем ее купил».

— У него джип, — пробормотала я, — марку забыла.

— Позвони ему, — попросила Киса, — а то я нервничаю.

Я набрала телефон Костина.

— Вовка, как называется твой внедорожник?

— Слава богу, я сбавил его, — завопил приятель, — дрянь на колесах.

— Мне нужно название.

— Ни в коем случае не покупай такой.

— Просто ответь.

— Нет. Сделаешь глупость.

Я выдохнула. С мужчинами иногда бывает труднее, чем с малым ребенком.

— Киса забыла слово, это название твоей колымаги.

— «Борец», — сказал Володя.

— Точно! — обрадовалась девочка, услышав ответ. — Мы маленькие борцы за большие знания. Лампа, давай сразу уроки сделаем?

— Хорошо, — согласилась я.

Классная руководительница сказала, что нужно выполнить один пример и написать историю из четырех предложений. Ну, с этим мы живо справимся.

— Только сначала надо поесть, — сказала малышка.

— Ты голодна? — удивилась я, открывая дверь в квартиру. — После всего того, что в школе слопала, хочешь еще подкрепиться?

— Ребенку нужны силы, — явно повторила чьи-то слова Кисуля.

— С этим не поспоришь, — улыбнулась я.

Кисуля выпила чай с зефиром, и мы сели за арифметику. Я посмотрела тетрадь, которую выдали в школе. Ну и ну! Теперь почти ничего писать не надо. Пример уже напечатан: $0 + 0 = ?$ Надо лишь нарисовать ответ.

Я уставилась на задание. $0 + 0 = ?$

— Сколько это будет? — прошептала Киса. — Нам сегодня только про один плюс один рассказывали. Но я давно знаю, что два получится. По единичке складывать легко. А здесь как? Лампа, подскажи!

Я поняла, что попала в трудное положение. Сказать честно девочке: «Прости, сама не знаю», невозможно. Нельзя подрывать веру малышки в

то, что ее родители самые умные. Правда, лет в двенадцать она будет считать нас с Максом противными старыми глупцами, но до этого еще далеко. Пока взрослые для начинающей школьницы непререкаемый авторитет.

Отлично помню, какое разочарование я, ученица второго класса, испытала, когда мой отец, блестящий ученый с генеральскими погонами на плечах, создатель ракет, один раз в жизни вдруг решил помочь мне сделать домашнее задание. Мы сели за тетрадь по природоведению, где следовало написать под картинками названия животных. И папуля перепутал барсука с енотом. Я получила два. К плохим оценкам я привыкла и не особо переживала, когда видела в дневнике очередного «лебедя», но в тот раз горько рыдала. И вовсе не «неуд» явился причиной моих слез. Их вызвало горестное открытие: мой самый умный на свете папочка не все знает!

Я не хотела, чтобы Киса испытала те же отрицательные эмоции, поэтому ответила:

— Давай рассуждать. Если один плюс один будет два, то ноль плюс ноль это...

— Два ноля! — радостно договорила Киса и схватила карандаш.

Я посмотрела на пример. $0 + 0 = 00$. Хм, результат как-то странно выглядит. Похоже на табличку, которую вешают для обозначения туалета. В России принят вариант «М» и «Ж» или картинки с разными фигурами. А вот в Европе я часто вижу на двери, за которой скрывается сортир, два ноля.

— Решили мы правильно, а записали не так, — пробормотала я, взяв ластик и исправляя ответ.

Теперь пример стал выглядеть иначе. $0 + 0 = 20$.

— Нет, — возразила Киса, — получилось двадцать.

Мне пришлось признать правоту малышки.

— Верно. Предлагаю другой вариант — поставим точку.

Запись изменилась: $0 + 0 = 2.0$.

— Похоже на цену за булочку, — заметила Кисуля. — Только она дороже.

Я рассердилась на создателей тетради. Что за глупое задание? Как ответ-то записать?

— А у вас опять дверь открыта, — раздался в нашей прихожей веселый голос консьержки. — Евлампия Андреевна, вы снова забыли замок запереть. Я пришла с собачками погулять и мусор вынесу. Уроки делаете?

— Пытаемся, — вздохнула я.

— Ноль плюс ноль сколько будет? — спросила Киса. — Вот какой

пример! Сложный!

— Просто ноль, — хихикнула Ната. И ойкнула: — Извините, если глупость сказала, не училась я в школе.

— Почему? — заморгала Киса.

— У меня глаза буквы не видят, — нашла консьержка подходящий для ребенка ответ, — смотрю в книгу, а там белиберда.

— Вы не умеете читать? — уточнила Киса.

Наташа развела руками.

— Да, не умею.

— Ой, как плохо, — пригорюнилась малышка. — Значит, ни одной сказки вы не знаете?

— Почему? Знаю, конечно. Ведь мультики смотрю. И кино. — Консьержка улыбнулась. — И про Белоснежку, и про Красную Шапочку, и про Винни-Пуха видела. У меня вместо книг телик.

— Вот поэтому и решила неправильно, — тараторила Киса, — один плюс один два, а ноль плюс ноль...

— Конечно, я не очень умная, — перебила Ната малышку, — образования не хватает, но если по-житейски рассуждать... Берем ничего, к нему прибавляем второе ничего, и что у нас? Ничего.

— Два ничего! — возразила я.

— Ой, совсем вы меня запутали, — засмеялась Ната. — Фира, Муся, побежали! Перед сном пописать надо...

Глава 26

Мопсихи резво кинулись к двери, консьержка поспешила за ними.

— Подождите, Ната, — попросила я, — возьмите еще Генриетту, а то она не пойми куда ходит. Я постелила ей пеленку, но та сухая. И ни одной лужи в квартире.

— У вас новая собачка! — обрадовалась девушка.

— Нет, — возразила Киса, — она котопес. Сейчас...

И девочка убежала.

— Хорошо, когда в доме животные, — вздохнула Ната, — но иногда от них беда. Вот, например, у Лаптевых. У Светланы мать на улице кот укусил, потом ей укол от бешенства делали. Это в тот день случилось, когда Надежду Владимировну на улице ударили... Ой!

Консьержка замолчала, потом пробормотала:

— Чуть чужую тайну не выдала. Очень некрасиво получиться могло. И что это со мной сегодня? Почему язык, как у коровы хвост, мотается? Евлампия Андреевна, пожалуйста, забудьте, что я вам сейчас сказала. Мне так стыдно!

— Меня не интересуют секреты жильцов дома, — спокойно возразила я, — но все, что касается Реутовой, вам надо рассказать.

— Нет, нет, — покачала головой девушка. — Когда постоянно сидишь в подъезде, волей-неволей многое узнаешь. Гости к жильцам приходят, «Скорая» приезжает... И еще разговоры... Вот не хочешь, а слышишь, о чем муж с женой беседуют. Идут от двери к лифту и бла-бла. На консьержку внимания не обращают.

— Мне по душе ваша неболтливость, — притормозила я консьержку. — Умение держать язык за зубами — признак врожденной интеллигентности. Но Надежда Владимировна умерла, и есть сомнения в ее самоубийстве.

Наташа схватилась ладонями за щеки, попятилась.

— Ох! Ее кто-то... застрелил? Да? Как в кино?

— Нам надо знать, кто обидел на улице Надежду Владимировну, — продолжала я. — Вдруг тот человек сначала ее ударил, а потом замыслил убийство.

Ната оглянулась по сторонам и зашептала:

— Тетка на нее налетела, худая, на ворону похожая, волосы черные, нос крючком. Я за бомжиху ее приняла. В тот момент мыла лестницу

снаружи. Дело было в августе, жара стояла...

Я внимательно слушала Наташу, а та быстро и очень тихо излагала свою историю.

...Консьержка приводила в порядок крыльцо. У Наты заломило спину, она выпрямилась и увидела Реутову, которая шла к дому с небольшим пакетиком в руке. Консьержка всегда спешит на помощь жильцам, если у тех тяжелая поклажа, но Надежда Владимировна размахивала пластиковым мешочком. Сразу было понятно, что ее покупка почти ничего не весит, поэтому Ната не побежала к Реутовой, а просто улыбнулась ей. И тут, откуда ни возьмись, появилась баба...

В первую секунду Наташе почудилось, что это бомжиха, но когда растрепанная, в рваной одежде особа с сальными волосами пронеслась мимо консьержки, нос последней уловил аромат дорогих духов. Ната сообразила: тетушка оделась моднее некуда — ее джинсы, куртка, ботинки выглядели так, словно их уже носило семеро беспаспортных, а на самом деле шмотки новые, очень дорогие, их порвали и испачкали дизайнеры. Да и локоны на голове у женщины уложены в дорогом салоне — их явно намазали гелем, это называется «эффект мокрых прядей». В глянцевых журналах, которые обожает рассматривать Ната, постоянно печатают фото разных знаменитостей, которые одеты, как последние побоирушки. Наташе остается лишь удивляться, почему богатые девушки натягивают на себя рванину и, вымыв голову, обмазывают волосы липкой дрянью.

Но в тот день долго ломать голову над этим вопросом консьержка не стала, потому что незнакомка подлетела к Надежде Владимировне и отвесила той оплеуху.

Реутова выронила пакет и схватилась за щеку. Наташа, не ожидавшая такого развития событий, замерла на месте. Черноволосая баба начала выкрикивать ругательства. А тут и Надежда Владимировна закричала:

— Луиза, успокойтесь! Никто не виноват, что так получилось!

«Ворона» еще раз ударила Реутову и на сей раз попала ей кулаком в лоб. Пожилая дама осела на тротуар. Незнакомка плюнула на поверженного врага, в очередной раз площадно выругалась, влезла в машину, которая была припаркована невдалеке у тротуара, и уехала.

Только когда джип скрылся из виду, Ната опомнилась и ринулась к Реутовой.

— Надеждочка Владимировна, — запричитала девушка, — кто это?

— Понятия не имею, — огрызнулась жиличка, — просто сумасшедшая, которая из поднадзорной палаты сбежала.

— Вы назвали ее Луизой, — зачем-то напомнила Наташа.

— Встать помоги, — попросила Реутова.

Она ушла домой, но вскоре позвонила консьержке, велела той подняться к ней в квартиру.

Когда Ната пришла, Надежда Владимировна протянула ей крупную купюру.

— Держи.

— За что? — изумилась девушка.

— Никогда никому не рассказывай о том, что сегодня видела, — велела Реутова. — Луиза моя бывшая невестка, первая жена Сергея. Честно признаюсь, я сделала все, чтобы они развелись. Луизка не пара ни одному мужчине — пьет, курит, детей рожать не хочет, работать желания не испытывает. Одно у дуры на уме: магазины, рестораны, спа-салоны, подружки. Вот я и постаралась от нахлебницы избавиться. С той поры она раз в год, в день, когда их с Сергеем судья развела, меня подстерегает и гадости творит. В драку она, правда, впервые полезла. Для меня то, что сегодня стряслось, крайне неприятно. Не хочется, чтобы эту историю весь околоток обсуждал. Зашей рот.

Ната спрятала руки за спину.

— Спасибо за денежки, но я и без них молчать буду.

Но Реутова запихнула купюры консьержке в карман...

— Наташа, а номер автомобиля вы случайно прочесть не смогли? — спросила со слабой надеждой я.

— Не-а, — покачала головой Ильина. — Но машинка очень приметная — ярко-розовая, как леденец, большая, колеса блестящие, словно ваша мойка, причем все такие, целиком. На боку картинка: кошка в свадебном платье.

— Лампа, Лампа, иди посмотри, Генриетта в туалет писает! — закричала Киса, вбегая в комнату.

Продолжать разговор в присутствии девочки было невозможно.

— Ну же, скорее, — поторопила малышка.

Мы с Наташей отправились за ней и очутились в гостевом санузле, где увидели Генриетту, которая сидела на унитазе. Заметив нас, котопес фыркнул, прыгнул на пол, пошел к нам и вдруг замер.

— Похоже, ты жила у кого-то дома, — сказала я Генриетте.

— Нет, — возразила Киса, — вчера она так не умела. Я ей показала, как люди делают, вот Генри и научилась.

— Ой, какая забавненькая! — восхитилась Наташа. — Кис-кис, иди сюда. Или она собачка?

Я не успела ответить. Генриетта Карловна сжалась в комок, потом

резко взвилась вверх и прыгнула прямо на Наташу.

Глава 27

— Котопсина напала на консьержку? — уточнил Макс.

— Нет, — возразила я, — села ей на плечо. Кусать не стала, физического вреда не причинила, но... описала девушку. И, сделав пакость, сразу умчалась.

— Вот те на, — протянул муж.

— Я отправила Нату в душ, — сказала я, — а пока она мылась, мне пришлось сгонять в торговый центр у метро. Купила ей джинсы, пуловер, белье. Сто раз извинилась перед ней. Ну очень неудобно было! Наташа, правда, говорила: «Зачем вы деньги потратили? Шмотки отстираются. И вы ничего плохого не сделали, зверушка маленькая, котенок, они всегда хулиганистые».

Макс отрезал кусок сыра.

— У консьержки золотой характер. Другая на ее месте могла бы потребовать и наряды, и мзду. Надеюсь, такое поведение не войдет у Генриетты в привычку.

Я посмотрела на главную героиню моего рассказа, которая сидела у стола, преданно глядя на Вульфа.

— Ты рассказывала о своем визите к Ольге, — напомнил муж. — Эпизод с popisом исчерпан, продолжай про Венькину.

— Ладно, слушай. Когда я ушла от нее, меня догнала во дворе горничная. Она спросила: «Хотите расскажу, почему от хозяев все работницы убегают?» Конечно, я согласилась и услышала следующее...

...Ольга, ее брат и его жена очень хорошие люди. С прислугой любезны, вовремя отсчитывают деньги, обещают оплачиваемый отпуск, человека не лишают зарплаты, если он пропустил работу из-за болезни, штрафов за разбитую посуду или испорченные вещи не предусмотрено. Валентина один раз постирала свитер Оли в машине, и тот стал размером на мышь. Валя уже приготовилась лишиться немалого количества рубликов, но хозяйка только посмеялась и отдала свитер крошечной чихуахуа соседки. Собачка щеголяла в обновке, и все были счастливы. Одним словом, других таких хозяев днем с огнем не сыщешь.

Через неделю после того, как Валя появилась в доме, от Венькиных собралась уйти сиделка. Горничная удивилась и спросила у той:

— Почему вы решили сменить место? Мне кажется, что условия здесь райские. Там, где я раньше служила, хозяйский сын постоянно приставал

ко мне, гости каждый день толпами являлись, прибавляя забот, а когда я случайно кокнула паршивенькую фаянсовую кружку, сумму из зарплаты вычли, как за дорогой сервиз. В этой семье нет ничего похожего. Да еще можно брать из холодильника любые продукты и спокойно есть их.

— Мне тут тоже по душе, — призналась медсестра, — но... надо уйти. И ты тоже свалишь.

— Ни за что! — отрезала Валентина. — Из рая не убегают.

Собеседница хмыкнула.

— Когда Тамара, которую я сменила, ту же фразу мне сказала, мол, и я быстренько уволюсь, я посчитала ее душой. «Ничего, ты скоро все поймешь. Через месяц-другой», — добавила она.

Медсестра как в воду глядела. В конце сентября горничной вдруг позвонили с неизвестного номера, и чей-то голос велел:

— Уходи от Венькиных.

— Вы кто? — удивилась девушка.

— Уходи от Венькиных, — вновь донеслось из трубки. — По-хорошему велю. Пока по-хорошему.

Валя отсоединилась, решив, что ей звякнула, изменив голос, бывшая подруга, которая тоже претендовала на место горничной в семье Венькиных. Из-за того, что обе девушки хотели попасть в дом Ольги, они поругались. Молодая хозяйка выбрала Валентину, Вера осталась с носом. Валя решила не обращать внимания на глупое поведение своей знакомой и спокойно работала дальше.

Через неделю после неприятной телефонной беседы домработница пошла в супермаркет. Народу в зале была уйма, и кто-то незаметно порезал ножом ее кожаную куртку. Валя вернулась к Венькиным в слезах. Оля заметила ее состояние, расспросила и посоветовала горничной не переживать.

— На свете полно завистливых идиотов, которые царапают чужие машины гвоздем или портят красивые, не свои, вещи. Сами лентяи не способны заработать, вот и завидуют тем, кто деньги получает, да еще исподтишка гадят успешным людям.

Ольга подарила горничной новую косуху, которая оказалась намного дороже испорченной недоброжелателем. А вечером Вале опять позвонили, и тот же голос сказал:

— Не хотела уйти по-хорошему? Будет по-плохому. Сегодня тебе только одежонку убили. Уходи от Венькиных! Если не послушаешься, нож в тебя воткнется.

Опять сбросив вызов, Валентина набрала номер той самой подруги

Веры, отношения с которой были разорваны. А та обрадовалась.

— Валюша! Ты уж прости меня! Я переживала, что по глупости при последнем нашем разговоре гадостей тебе наговорила. Во мне тогда обида кипела, но получилось-то, наоборот, очень хорошо. Прямо счастье, что к Венькиным не попала. Меня взял к себе костюмершей известный певец, я с ним уже в Америку слетала и в другие страны. Не сердись, пожалуйста!

Вале стало понятно: ее знакомая ни при чем. Да и зачем Вере требовать от нее уйти с хорошего места? Подруга чудесно устроена, летает за рубеж. Потом до девушки дошло: вот почему сиделка сказала ей: «Ты тоже сбежишь отсюда». Значит, некто угрозами прогоняет из дома Венькиных прислугу.

— Ни разу про такое не слышал, — признался Макс. — Сталкивался с шантажистами — те требовали денег... Брошенные любовницы-любовники трезвонили законным половинам прелюбодеев, рассказывали им правду об изменах... Уволенные сотрудники доставали бывшего шефа — по ночам вызывали к нему полицию, «Скорую», пожарных... Но чтобы кто-то гнал из семьи обслугу! Странно. Смысл этого?

Я налила чай в кружки.

— Маргарита Леонидовна тяжело больна. Мало того, что у нее плохо ходят ноги, нарушена работа вестибулярного аппарата, так она еще и не адекватна психически. Для такого человека трудно найти сиделку, медсестры даже за большие деньги не согласны сидеть с ней. И их можно понять. Когда очередная няня убегает, Оля вынуждена сама ухаживать за мамой, не спать ночами и днем тоже постоянно находиться на чеку. Маргариту Леонидовну даже на очень короткий срок нельзя одну оставить, дочь буквально прикована к матери. А если еще и домработница уходит, коллапс наступает — в квартире грязь, еды нет, грязного белья до небес и так далее. Леонид занят делами фирмы, да и вообще он мужчина, а представители сильного пола не часто занимаются домашним хозяйством. В общем, получается, что некто неприятности хочет доставить не сиделкам или горничным, а детям Венькина и его больной вдове. По словам Ольги, Маргарита Леонидовна очень нервничает, когда возле нее появляется новый человек. Состояние здоровья сумасшедшей сразу ухудшается, каждый день случаются припадки злости. Но бывают исключения, некоторых людей неадекватная женщина встречает радостно. Со мной она разговаривала спокойно и вежливо. Но, как правило, Маргарита Леонидовна при виде посторонних ведет себя иначе. Ей надо привыкнуть к человеку, только тогда она успокоится. А смена обслуживающего персонала происходит с печальной регулярностью.

— Игорь звонит... — остановил меня Макс. — Наверное, что-то выяснил про Луизу, которая напала на Реутову.

— Включи громкую связь, — попросила я.

Вульф нажал на кнопку.

— Говори, Гарик!

— По базе ГИБДД джип розового цвета с хромированными колесами и аэрографией на кузове в виде кошки-невесты в Москве один, — сообщил Игорь. — Совсем не дешевая тачка от концерна «БМВ», а если учесть нестандартную окраску и «живопись», то надо добавить к цене значительную сумму. Авто принадлежит Розе Волковой. Так вот, хозяйка сообщила, что сама за руль не садится, муж запрещает, поэтому наняла шофера. Супруг ужасно разозлился на жену, которая — внимание! — одолжила свой розовый барби-мобиль соседке Луизе Карашкиной, а та въехала на нем в автобусную остановку. Хорошо, народа там не было, дело ограничилось разбитыми стеклами и вмятинами на капоте и крыльях. Горе-водительница оплатила ремонт, а Волкова оправдывалась перед благоверным: «Мне ее так жалко было! Луиза собралась на кладбище на могилу своей сестры, та трагически погибла, а ее «Бентли» не завелся, чего-то в нем не сработало. Как отказать соседке? Она вся в слезах примчалась: «Розочка, одолжи какие-нибудь колеса, если сегодня к сестре не съезжу, с ума сойду». Дорогой, я же не дала ей твой автомобиль, «мерс» или «Ламборджини». Твоя жена не дурочка, я понимаю: ты терпеть не можешь, если твои колесики тронуть...»

— Что случилось с родственницей Карашкиной? — быстро спросила я.

— Ее убили... — начал Игорь, бывший на громкой связи.

И тут в комнату влетела Киса.

— Мы не сделали текст по словам! А кого убили?

— Гарик, будь добр, отправь всю информацию по сестре Карашкиной мне на почту, — сказал Макс в трубку и отложил ее.

— Кого убили? — повторила девочка.

— Лампа убила в офисе стол, — быстро соврал муж.

— Стол не живой, — возразила Киса.

— Дядя Игорь имел в виду, что я его развалила, «убила» в кавычках, — поддержала я версию супруга.

— А-а-а... — протянула девочка. И тут же возразила: — Но дядя Гарик сказал «ее убили», а стол мужчина.

— Устал дядя Игорь, вот и нес чушь, — фыркнул Макс. — Ступай зубы чистить и в кровать.

— А текст? — спросила Киса.

— Иди в ванную, — велел отец, — потом ложись. Утром все готово будет.

Девочка, резко повеселев, умчалась.

— Ну вот, теперь еще предложения придумывать надо, — простонала я.

— Ерунда, — рассмеялся супруг, — за минуту управимся. Где эти страшные слова?

Я открыла тетрадь.

— Вот!

— Огурец, бомба, заяц, электричка, — прочитал глава детективного агентства. — Так! Огурец вырос на огороде. Кто-то захотел сделать бомбу. Заяц решил поехать в гости на электричке. Заяц сделал из огурца бомбу, сел в электричку, и та взорвалась. Конец истории, можем отправляться баиньки. Спят усталые родители, сделав все уроки, спят...

— Нет! Ерунда! — возмутилась я. — Повествование должно иметь смысл.

— В моем рассказе заключена глубокая философия, — с совершенно серьезным видом заявил Вульф. — Оцени трагичность выбора длинноухого: взрывать ему вагоны или нет? Он сам вырастил огурец и...

— ...Из огурца никогда взрывчатка не получится, — возразила я. — Это первое, что учительница скажет.

Макс схватил телефон.

— Гена, привет. Можно с помощью огурца теракт совершить? Сейчас спрошу. Лампудель, он соленый или свежий?

— В задании просто указано: огурец, — вздохнула я.

— Может быть любым, — сказал в трубку мой муж, — и маринованным, и жареным, и вареным. Ага. Спасибо! Так вот, дорогая Лампа. Если просверлить в огурце дырки, насыпать в них...

— Остановись, — попросила я. — Кисе не нужен рассказ о том, как превратить огурчик во взрывпакет. Мне не нравится текст. Придумай другой. Без бомбы.

— Так это слово указано в задании, его непременно нужно использовать, — напомнил Макс.

— Хорошо, — согласилась я. — Но пусть ничего не взрывается.

— М-м-м... — пробормотал Вульф. — Ладно, сделаем так: заяц вырастил огурец.

— Не пойдет, — сказала я.

— Но ведь ничего не взлетело на воздух, — удивился супруг.

— Заяц и огурец, два ключевых слова в одной фразе.

Макс издал стон.

— Начну снова. Огурец вырос на огороде у косого.

— Нет, — рассердилась я, — опять то же самое.

— Косой не заяц, — возразил муж.

— Это синоним, — заспорила я. — Беляк и кролик тоже не подходят.

Надо просто: на огороде вырос огурец.

— Волк решил сделать бомбу, — продолжил Макс.

— Ох, не нравится мне его желание, — сказала я.

— Серый разбойник и длинноухий разные звери, — остановил меня Вульф, — они вообще никак не похожи. И у санитаря леса плохой имидж, он хулиган, безобразник. Вспомни русские народные сказки, наши мультки. Волк элементарно бомбу из огурца склепает.

— Нам существительное «волк» не задавали, — уперлась я.

— Дано всего четыре слова, — напомнил муж, — логично предположить, что какие-то от себя добавить надо. Ты же против «огород» и «вырос» не возражала.

Мне пришлось согласиться.

— Ты прав.

— Террорист сел в электричку.

— Нет, нет, лучше так: злодей сел в электричку.

— Пожалуйста. Не возражаю против разумной редакторской правки, — развеселился супруг. — Заяц понял, что замыслил волк, прыгнул на него, вмазал ему кулаком промеж глаз, зачитал права, задержал...

— Стоп! — скомандовала я. — Надо коротечко. Заяц отнял у волка огурец, и электричка не взорвалась.

— Гениально! — восхитился Вульф. — В тебе пропал великий писатель. А теперь пошли наконец спать. Устал я что-то.

Глава 28

Кто-то тронул меня за плечо.

— Фира, перестань, — прошептала я сквозь сон, — хватит по постели бродить.

— Я рядом, — ответила мопсика.

Сон как рукой смело, я села. Вот только говорящей собаки нам не хватало! Если мопсы начнут болтать, это же ужас будет! Только сяду позавтракать, а Фира и Муся на два голоса заведут:

— Дай сыру, дай сыру, дай сыру...

— Лампуша, ты чего так смотришь? — спросил голос.

Я моргнула.

— Киса, это ты?

— Ага, — ответила девочка, — беда случилась.

Я испугалась.

— Что произошло?

Малышка положила на постель тетрадь.

— Я забыла сказать про задание по природоведению.

Я обвалилась в подушку.

— Ну и фиг с ним.

Киса всхлипнула.

— Мне не дадут золотую черепашку.

— Иди спать, — раздалось с другой половины кровати. — Зачем нам золото в панцире?

— Это наклейка, — захныкала девочка, — все ее получают, а мне не достанется.

Я зажгла ночник и простонала:

— Кисуля, полтретьего! Ты не могла вечером про уроки сказать?

— Говорю же, забыла. А теперь вспомнила и сразу побежала, — зачастила Киса. — Сама не отвечу. Я это в старой школе не учила. У нас там занятий про живую природу не было. Вопросы сложные. «Какие птицы водятся в твоём родном городе, деревне?» Ответить надо устно. Выучить и в школе повторить.

Я потрясла головой, пытаюсь оживить мозг. Мои слабые знания о пернатых ночью куда-то совсем испарились.

— Дятлы, — пробурчал Макс. — В Москве их много. В последнее время меня одни дятлы окружают, постоянно с ними беседую, прямо

каждый день.

Я пнула мужа ногой и выдала свою версию:

— Вороны, голуби, воробьи.

— «Какие животные водятся в твоём родном городе, деревне?» — продолжала Киса.

Я открыла рот, но Вульф опять ухитрился ответить раньше.

— Козлы. И ослы. Разговорчивые такие! Как начнут глупости вещать, так их не остановишь. В особенности на дорогах их много. За рулем сидят.

— Я видела ослика в зоопарке, но он молчал, не захотел со мной беседовать, — расстроилась Киса.

— Ничего. Вырастешь, пойдешь на работу и там непременно встретишь очень общительных ишаков, — пообещал развеселившийся Макс.

— Это шутка, — сказала я, — в Москве есть собаки, кошки... э...

— Жабы, — не успокаивался муж, — их тоже достаточно.

— «Обитают ли у вас такие птицы-животные, которых больше нигде нет?» — не успокаивалась девочка.

Я почесала макушку. Ну и вопросы! Макс сел и зевнул.

— Конечно. Головоногий имаркус и сине-красная свириндель.

Я ущипнула супруга за бок.

— Это же серьезно! Школьное задание! Киса, я не могу ответить на последний вопрос. И...

Послышалось сопение, я повернулась в ту сторону, где стояла девочка, и увидела, что она, свернувшись калачиком, спит на ковре.

Вульф встал.

— Отнесу ее в кровать.

Я взяла тетрадь.

— Елки-палки! Тут еще шесть вопросов, один другого хлеще. «Укажи, какие звери не живут в Арктике: зебры, белые медведи, тюлени, пингвины, люди». Полосатые лошади там точно не водятся. Люди тоже. Остальные, наверное...

Вульф забрал у меня тетрадь.

— Спи. Отвечу сам.

— Только больше не шути, — попросила я, — про жаб, ослов и козлов не надо.

— Не волнуйся, Кисуля получит свою золотую черепаху, — пообещал Макс.

На следующее утро малышку забрал автобус, а я поговорила с

компьютерщиком Игорем, затем с нашей консьержкой Наташей, потом поехала к Луизе Карашкиной.

— Детективное агентство? — изумилась хозяйка, увидев мое удостоверение. — А что случилось?

— Вы взяли у соседки машину, — начала я, — розового цвета и...

Молодая женщина покраснела.

— Волкова наняла сыщиков? Зачем? Я извинилась перед ней, оплатила полный ремонт. Все давно улажено. Чего Роза еще хочет?

— Ваша соседка к нам не обращалась, — пояснила я, — речь пойдет о Надежде Владимировне.

— Впервые о такой слышу, — соврала Луиза.

— Реутова, — подсказала я.

Карашкина нахмурилась.

— Ну... всех, с кем я общаюсь, и не вспомнить. Я ведь владею свадебным агентством, так что, сами понимаете, каждый день женихи, невесты, родственники, артисты, официанты, флористы... Голова от количества людей кругом идет.

— Но, наверное, деретесь вы не с каждым человеком? — поинтересовалась я. — А именно с Надеждой Владимировной Реутовой не так давно вы вступили в рукопашную.

— Кто? — попяtilась Луиза.

— Вы, — спокойно пояснила я. — Отрицать не стоит, есть свидетель поединка.

Собеседница старательно изобразила недоумение.

— Это какая-то ошибка.

Я выложила козырь.

— Я показала ваш снимок человеку, который видел, как вы напали на Реутову.

— Меня возле того пятиэтажного дома и близко не было, понятия не имею, где эта тетка живет, — возразила Луиза. — И как во двор попасть? Там же только по пропуску пройти разрешают, исключительно тем, кто в тех зданиях квартиры купил.

Мне стало смешно.

— Значит, вы не дрались во дворе с Надеждой Владимировной? И даже понятия не имеете, где она живет?

— Конечно, нет, — отрезала блондинка.

— Откуда тогда знаете, что дом, около которого состоялся бой, имеет всего пять этажей и находится на строго охраняемой территории?

Карашкина поджала губы.

— Ну... э... мне... в общем... по телевизору показывали... в программе про скандалы. Вот!

— Надо же! — восхитилась я. — А как машина вашей соседки на той самой охраняемой территории оказалась? Ее только вы брали.

— Ой, Розка всем колеса дает, — нашлась Луиза. — Головы у нее нет. Пустой разговор мне надоел.

— Реутова убита. Вам лучше откровенно побеседовать со мной. Кстати, проверить, какие сюжеты идут в телеэфире, очень просто, вмиг выяснится, что вы солгали.

— Убита? — повторила Луиза. — Я ее не трогала! Только кулаком двинула. От нервов. Сама не своя в тот момент была. В тот же день вечером я с ней связалась, извинилась. Реутова ответила: «Понимаю тебя. Но предупреждала, что не гарантирую успех».

— Лу, с кем болтаешь? — раздался из глубины квартиры мужской голос. Следом послышались шаркающие шаги и скрип.

— Тсс... Только не при папе! У него уже два инсульта было, — испугалась Луиза.

Из коридора, держась за ходунки, вышел пожилой человек.

— Дизайнер пришла, папочка, — защebetала Луиза, — мы сейчас уедем. Извини, что помешали тебе работать.

Карашкина повернулась ко мне:

— Роман Борисович кроссворды составляет. Он гений в своем деле.

— Не хвали меня, — отмахнулся отец. — Год назад я и впрямь мог нечто оригинальное создать, а сейчас ерунду клепаю для женских журналов, на большее не способен. Не хочу у дочки на шее камнем висеть. Не желаю, чтобы она на мои похороны деньги тратила. Сам соберу. Слава богу, платят мне.

Карашкина умоляюще сложила ладони.

— Пожалуйста, не надо про кончину. Не хочу ничего такого слышать.

— Лады, помру тихо и молча, — объявил Роман Борисович. — Дочка, неприлично человека у двери держать. Вас как зовут, госпожа дизайнер?

— Елена она, — живо ответила за меня Луиза. — Папочка, ты посмотри телик, если работать устал. А вы, Леночка, идите в машину, поедем по делам.

Глава 29

В автомобиль я не села, встала у своей «букашки» и стала ждать, когда появится Карашкина. Та вышла минут через десять и сказала:

— Через три дома кафе, пошли пешком.

Мы молча дошли до крохотного заведения, не говоря ни слова, сели за столик, и Луиза сказала:

— Спасибо, что при папе не шумели. У вас в паспорте такое странное имя написано. Псевдоним?

Я развернула салфетку.

— Нет. Меня на самом деле Евлампией зовут.

— Это ж кем надо быть, чтобы так девочку обозвать! — возмутилась Луиза.

— Чай, пожалуйста, — сказала я официантке, — и фокаччо с розмарином.

— Вам-то можно мучное, — позавидовала Карашкина, — а у меня жир на боках.

Я провела ладонью по скатерти.

— Фигуру можно изменить с помощью фитнеса и диеты, а вот с обвинением в убийстве бороться сложнее.

— Он сам умер! — возмутилась Луиза. Тут же сообразила, что ляпнула лишнее, и с опозданием закрыла рот рукой: — Ой!

А я, успевшая с утра поговорить с Игорем, нашим начальником отдела электронного поиска, обрадовалась оплошности собеседницы.

— Луиза, три года назад вашу двоюродную сестру Ренату Калинину, с которой вы вместе открыли свадебное агентство, убили.

— А вы откуда знаете? — изумилась Карашкина.

Я вздохнула. Игорь нашел на просторах Интернета сайт конторы Луизы, выяснил, что ранее бизнес принадлежал двум двоюродным сестрам, а теперь только Карашкиной. Простая проверка тут же дала результат — Калинина погибла, ее до смерти избил парень по имени Никита Гудов. Уличные нападения часто остаются нераскрытыми, но этот юноша оказался наркоманом. Он, изувечив Ренату, заснул в пяти шагах от раненой. У Калининой хватило сил нажать на кнопку быстрого набора и прошептать Луизе:

— Умираю. Улица Березовая.

Карашкина вызвала «Скорую», бросилась по этому адресу и быстро

долетела до места. Врачи приехали позднее и уже не понадобились — Рената умерла на руках у Луизы. А преступник храпел неподалеку. Полиции оставалось только забрать его.

Когда Никита пришел в себя, он стал клясться, что ничего плохого не делал, Калинин не знает, просто шел мимо, увидел, как девушку бьет какой-то мужчина, хотел заступиться за нее, но... наркотик свалил его с ног. Гудов не отрицал, что сидит на героине, но нападение на Ренату признавать не хотел. Его родители, обеспеченные люди, наняли для сына адвоката. Тот попытался подкупить Луизу, предложил ей крупную сумму за то, что она соврет, якобы сестра ей сказала, будто на нее напал гастарбайтер. Но владелица свадебного агентства с негодованием отвергла его предложение и мигом доложила о нем следователю. Адвокат Гудова обвинил ее во лжи. Получилась очень некрасивая история. Роман Борисович, отец Луизы и дядя погибшей Ренаты, сильно нервничал. Дело в том, что мать Луизы и родители Калининой ушли из жизни одновременно, когда их дочери были маленькими, Карашкин взял племянницу на воспитание, она стала для него родной. Он тяжело переживал смерть девушки, заработал один инсульт, потом второй и превратился в инвалида.

Экспертиза точно доказала: избил Ренату именно Никита. Под ногтями покойной нашли эпителий парня, синяки на теле совпадали с размерами его кулаков, в кармане Гудова обнаружили кошелек девушки, ее серьги, кольцо, одежда убийцы была в крови жертвы. То есть масса улик была против наркомана. Но Никиту признали невменяемым и отправили на лечение. Наверное, его родители заплатили кому следует и таким образом отмазали сыночка от суда и зоны. Карашкина пришла в негодование. Она завалила полицейское начальство жалобами, дошла до министра и добилась проведения независимой психиатрической экспертизы Гудова. Но за пару дней до ее проведения Никита удрал из клиники. Как он сумел выбраться из поднадзорной палаты, пересечь охраняемую территорию, пройти мимо стражников на воротах? Ответов на эти вопросы не нашли. Скорей всего, добрые папочка и мамочка организовали побег. А через полтора года в одном из московских парков был обнаружен труп молодого мужчины, погибшего от передозировки. Это оказался Никита Гудов. Увы, желание отца и матери спрятать сына от ответственности не пошло ему на пользу.

— Откуда вы про Ренату знаете? — повторила Луиза.

— Вы обратились к Надежде Владимировне Реутовой с просьбой найти Гудова, — вздохнула я.

Карашкина снова прикрыла рот рукой.

— А он умер, — продолжала я. — Сам. Деньги, наверное, большие

потратили.

— Вы все-все знаете... — прошептала Карашкина. — Да, она дорого взяла. Но я Реутову, честное слово, не трогала. У меня была отложена большая сумма. Я насобирала на хороший дом за городом, хотела еще кредит взять и стройку начать. И тут смерть Ренаты... Она мне сестрой была, мы с пеленок вместе. Наши родители...

Луиза схватила салфетку и прижала ее к глазам.

— Они были не только родственники, в одном месте работали, дружили, наши квартиры на одной лестничной клетке располагались. Папа был директором военного завода, мама моя и тетя Зина там в бухгалтерии работали, поэтому жилье всем в одном кооперативном доме дали.

Луиза высморкалась в салфетку.

— Нам с Ренатой по пять лет исполнилось, когда несчастье случилось. Все собрались на море в Адлер, на двух машинах хотели поехать, там снять домик. За день до путешествия Калинины и мама отправились все нужное покупать. Дядя Гена за рулем сидел, тетя Зина сзади, мамуля около водителя. И в них «КамАЗ» влетел. Никто не выжил. Папа нас с Ренаткой один воспитывал. Когда мы решили агентство открыть, продали одну квартиру. У нас дело хорошо пошло, клиенты мигом появились, мы стали неплохо зарабатывать.

Луиза закрыла ладонью глаза.

— У нас план был — землю купить и особняк возвести. Когда Мишки не стало... Мы так друг друга звали: она Мишка, я Машка. Шутка. Так вот, когда сестра погибла, я очень хотела гада поймать. И посмотреть, как он умрет. Папу привести.

Карашкина замолчала.

— Реутова обещала вам публичную казнь Гудова? — уточнила я.

Луиза кивнула.

— Да. Но на это я денег не давала. Надежда Владимировна объяснила, что преступника убирают бесплатно. По желанию. То есть если мы захотим, его при нас на тот свет отправят. Если нет, то мы только труп увидим. Она долго подонка искала. Я так дергалась! Спасибо, Зина успокаивала, говорила: «У нас...» Ой!

Карашкина опять зажала ладонью рот.

Я решила сделать вид, что не слышала ее последних слов.

— А кто вам сообщил о смерти Гудова?

— Реутова, — резко выдохнула Луиза. — Мы с ней постоянно в контакте находились. Она отчитывалась, как поиски идут. Но положительного результата все не было. Когда мы договаривались,

Надежда Владимировна сразу деньги взяла на расходы. Ее нельзя в мошенничестве обвинить, аккуратно документы предъявляла: билеты разные, квитанции. Но кое-какие траты она ничем подтвердить не могла, например, даст денег бомжу или домработницу подкупит. Разве они расписку дадут? Но я ей верила. Рекомендовала ее моя знакомая. Она сама через ад прошла, ее брата педофил убил. Год с лишним я от Реутовой слышала: «Работаем. Будет результат, наберитесь терпения. Кое-кого я пять лет искала, не надо терять надежды». А потом вдруг заявление: «Не очень хорошая новость: Никита Гудов сегодня умер от передоза». У меня пол с потолком местами поменялись, я закричала: «Как? Почему?» Она спокойно ответила: «Случается подчас подобное. Еще не начав работу, я сразу вас предупредила: стопроцентной гарантии не даю. Преступник может скрыться за границей, там его достать очень сложно и дорого. Или он умрет до того, как я его отыщу». Меня ее невозмутимость взбесила. Остальное вы знаете. Я просто разум потеряла! Но потом успокоилась, в тот же день прощения у детектива попросила, расстались мы нормально. Нет у меня против Реутовой злости. Она не виновата, что подонок героинном обкололся. Вся наша группа так считает. Ой!

Усмехнувшись, я опустила глаза. Таким людям, как Луиза, надо покупать держатель языка. Карашкина начинает говорить, увлекается и сбалтывает то, чего не следует. Сколько раз во время нашей беседы она ойкала и зажимала рот ладошкой? Возможно, Луиза прекрасно организывает свадьбы, но свои тайны я бы ей не доверила. Ну что ж, надо задать прямой вопрос.

— О какой группе вы ведете речь?

— Гудов убил пятерых человек, — еле слышно произнесла девушка, — в один вечер.

— С ума сойти... — пробормотала я. — Как же у него это получилось?

— Мерзавцу денег на дурь не хватало, ломка началась, — зло заговорила Карашкина. — Он вечером побежал к дилеру, а тот в долг товар не отпустил. Подонок пошел по улице, время было позднее, навстречу ему попала бабушка с собакой. Потребовал у старушки кошелек, а у той денег при себе не было. Наркоман несчастную ударил. Много ли пенсионерке надо? Она сразу умерла. Негодяй дальше двинулся, на автобусной остановке бомж спал. Гудов решил у него денег по карманам поискать, а бездомный проснулся. Что-то дядька за день насобирал и отдавать не хотел, да только пьяный он был, сил мало. Гудов его задушил. Следующей жертвой стала школьница, которая с дискотеки одна по улице топала, затем он старика жизни лишил, профессора-акушера, тот домой после родов

спешил. Наркоман просто шел по улицам и убивал всех, кто ему навстречу попадался. Последней, на беду, Рената оказалась. Сестра с клиенткой встречалась. У той истерика за пару дней до свадьбы случилась, и Мишка поехала ее в чувство привести. Мы к такому привыкли, не удивлялись уже, если невеста звонила и рыдала: «Отменяю свадьбу... Он меня не любит...» На обратной дороге, уже недалеко от дома, у Ренаты машина сломалась, пришлось пешком идти. И тут на нее озверевший Гудов налетел. Убил мою сестричку, сам без чувств свалился. Уж не знаю, почему его срубило. С родственниками остальных жертв я в полиции во время следствия познакомилась. Ну а потом, после этого суда дурацкого...

Карашкина схватила чашку с остывшим кофе и залпом осушила ее.

— Вы объединились и наняли Реутову, — договорила я за нее.

Глава 30

— Ага, — прошептала Луиза. — Только у бомжа родных не было, даже имя его не установили. Мы на его похороны скинулись. Мерзавец Гудов не только наших любимых убил, но и нам, родственникам, жизнь поломал. У бабушки с собакой сын был, он после смерти матери в монастырь ушел. Родители убитой школьницы за границу перебрались, теперь в Финляндии живут, сказали мне: «Не можем по Москве ходить, там все с дочкой связано. В Хельсинки осядем, туда мы с ней никогда не ездили». У профессора большая семья была, да после его кончины все у них наперекосяк пошло, в Москве сейчас никого нет, по заграницам далеким разлетелись. Реутову нанимали я, родители девочки и близкие профессора. Монаху мы об этом ничего говорить не стали, да и не знали, где его искать. Надежда Владимировна меня сразу предупредила: «Беру дорого, но и расходы большие». Потом примерную сумму назвала. Я приуныла — мне столько не потянуть. И тогда Реутова посоветовала: «Поговорите с родственниками других жертв, люди часто объединяются, так намного дешевле получается».

— Давно с Зиной знакомы? — спросила я.

Луиза, которая успела забыть, что ранее в разговоре обронила фразу: «Меня Зина успокаивала», сказала: «У нас...», изумилась:

— С Веревкиной? Откуда вы ее знаете?

Я оставила ее вопрос без ответа, задала свой:

— Как вы познакомились с ней?

Луиза взяла из плетеной корзиночки кусок хлеба и начала лепить шарики из мякиша.

— Очень плохо мне после смерти Ренаты было — есть не могла, бессонница мучила. Через месяц я сообразила: мне нужна чья-то помощь. Порылась в Интернете, нашла психолога, сходила на прием. Оказалось дорого, а толку не было. Потом к другому душеведу направилась, тот, как и первый, заявил: «За один сеанс ваше состояние не изменится. Надо посещать меня два раза в неделю в течение как минимум года. Занятия не бесплатные». Я поняла: чем глубже горе, тем дороже будет помощь специалистов, — и перестала в Сети плавать, решила сама с проблемой справиться. Да только никак не получалось. И визиты в полицию тоже радости не прибавляли. Меня туда, когда разбирательство началось, не один раз вызывали. Следователь таким тоном беседовал, словно это я

убийца. Ни малейшего сочувствия в голосе. Без конца приказывал рассказывать про то, как события в вечер смерти Ренаты развивались, рожи корчил: «Похоже, вы текст наизусть заучили, одно и то же без изменения талдычите. Одинаковыми словами выражаетесь, что в понедельник, что сегодня». В конце концов я не выдержала: «Если по-разному говорить начну, вам это тоже не понравится». Встала, хлопнула дверью, в коридор выбежала, заплакала. Одна женщина у кабинета сидела, она меня утешать стала. Вот так мы с Зиной и познакомились. Быстро подружились, она мне телефон Реутовой и дала.

— Подскажите контакт Зинаиды, — попросила я.

Луиза сложила хлебные шарики в кучу.

— Она умерла несколько месяцев назад. Я позвонила ей, ответил мужчина: «Веревкину в четверг похоронили...» Евлампия, у меня к вам просьба: папа не знает, что я Надежду Владимировну нанимала, ему об этом рассказывать нельзя. Вот про то, что Гудов подох, я отцу сообщила. Сделайте одолжение, не нервнируйте Романа Борисовича. И меня в покое оставьте. Ничего плохого я не делала. Только не надо говорить, мол, преступника нужно по закону судить. Подонок-наркоман нескольких человек на тот свет отправил, а его в психушку определили, в уютную палату с мягкой постелью и кормили вкусно. Разве это справедливо? Да еще потом побег гаду устроили. Ни за что не поверю, что он сам догадался, как удрать можно. Уж наверняка в дурдоме хорошая охрана. Точно родители мерзавца постарались, денег у них уйма.

Луиза встала и продолжила взволнованно:

— Если сын урод психованный, надо его отца-мать за решетку засовывать. Они во всем виноваты: не воспитывали его как следует, не лечили наркомана. Нужно их засадить за дурное исполнение родительских обязанностей в тюрьму. А самого подлеца не в больницу, а в подвал на цепь. И кормить раз в неделю. Это будет по справедливости. У вас муж есть?

Я кивнула.

— Вот убью я его завтра, потом врачу заплачу, а вам в полиции нежно скажут: «Карашкина сумасшедшая, она не понимала, что делает. Бедную больную пожалеть надо, под пуховое одеяльце уложить, макаронами с соусом кормить, гулять водить. А вы живите себе дальше, вспоминайте, какой муж хороший был». Вам это понравится? А?

Луиза не стала дожидаться моего ответа, развернулась и убежала из кафе. Я расплатилась, села в машину и поехала в агентство, по дороге пересказывая Максу свою беседу с Карашкиной.

Когда я вошла в кабинет мужа, там уже сидели Костин и компьютерщик Игорь.

— Вопрос возник, — сказала я, садясь в кресло. — Почему дом?

— Не понял, — удивился Володя.

— Почему наш дом оказался в центре всех этих событий, — повторила я. И стала объяснять пришедшую в голову мысль: — Мы знаем, что Петр Юрьевич совместно с Надеждой Владимировной организовали бюро поиска сбежавших преступников и, не надеясь на государство, сами решили их наказывать. Думаю, подземный ход в здании, где поселилась Реутова, вырыли до того, как возвели стены. И не случайно квартира, которую Венькин-старший завещал Юрию, расположена на первом этаже, который весьма неудобен для жизни. Внизу шумно, грязь с улицы летит, не говоря уже о решетках или неразбиваемых стеклах, которые необходимо поставить, чтобы к тебе воры не залезли. Петр Венькин, владелец крупного строительного бизнеса, мог построить в укромном месте Подмосковья на большом участке удобный особняк и там проводить казни. Почему он решил это делать в столице, для чего возвел специальное здание? На этажах ведь живут соседи, в подъезде сидит консьержка. Чтобы родственники прошли к «эшафоту», пришлось прорыть галерею под землей. На мой взгляд, в тихой полузаброшенной деревеньке намного безопаснее противозаконные действия совершать. И менее затратно. Кто и что делает в своем коттедже, окружающие не узнают. Но старший Венькин оборудует две квартиры в пятиэтажном здании в центре Москвы. Я бы еще поняла, поступи так человек, не имеющий отношения к строительству. Но Петр-то легко мог хоть дворец с подземельем за городом возвести, причем потратил бы куда меньшую сумму, чем те, кто покупает коттеджи.

— И тем не менее ваш дом вполне удобен, — возразил Игорь. — Ехать далеко не надо, он стоит особняком. Квартал носит название «Московский лес», его окружает надежное ограждение, здесь пропускная система. На территории несколько башен по двенадцать, пятнадцать, двадцать этажей. Самый маленький дом ваш, причем расположен он поодаль от остальных, так что другие жильцы мимо него не ходят. Вы, чтобы попасть домой, должны пройти мимо всех высоких зданий, а возле вашей пятиэтажки посторонних никогда нет. Зачем им здесь бродить? Детская площадка разбита около въезда в квартал, там же есть и маленький магазинчик. По всему участку расставлены скамейки, но возле пятиэтажки их нет. Правда, в остальных домах есть мусоропровод, а в вашем жилище его нет, вам приходится самим отходы выносить.

— Ну да, — пробормотала я, — это единственное неудобство. Не

понимаю, почему не сделали мусоропровод. Хорошо, что есть консьержка, которая все выносит.

— Ваш дом очень обособлен, — продолжал Игорь. — Вроде Москва, рядом большие дома, но никто чужой вблизи пятиэтажки не ходит. Теперь о лифтерах. Со дня заселения дома консьержкой в нем работала Галя Иванова, женщина двадцати семи лет. У нее синдром Дауна, умственное развитие как у шестиклассницы. Для людей с подобной проблемой она хорошо развита, может выполнять простую работу: пол помыть, мусор вынести. Жалоб на нее не было. Похоже, все владельцы квартир добрые люди, никто не возражал против Галины. Но некоторое время назад Иванова перебралась в коммерческий дом престарелых, некий спонсор оплачивает ее пребывание в однокомнатной квартирке с полным пансионом. Галина совершенно счастлива, в богадельне ей веселее, чем в подъезде, она там даже жениха себе нашла. Вместо Гали в пятиэтажке появилась Наташа с дислексией, дисграфией и менталитетом школьницы.

— Ната прекрасный человек, — перебила я Гарика. — Да, у нее есть отставание в развитии, она не умеет писать-читать и наивна, как ребенок, но Ильина честная, порядочная, не болтливая...

— А вас не удивляет, что сначала в подъезде сидела тетка с синдромом Дауна, а потом на должность консьержки пришла не особенно умная Наташа? — прищурился компьютерщик. — У меня создается впечатление, что в дом специально подбирали несообразительных работниц. Кто-то явно хотел, чтобы лифтерши были умственно отсталые, не желал никаких сплетен о жильцах.

— Зачем тогда вообще сажать консьержа? — пожала я плечами.

Макс кашлянул.

— Ну тогда жильцам самим пришлось бы мусор таскать, лестницу мыть и еще кучу всякой ерунды делать. А так задача решена гениально: в доме есть услужливый человек, но если он начнет язык распускать, его слушать не станут — что возьмешь с дурачка? Хотя все равно не понятно, почему казни проводили не за городом, подальше от чужих глаз.

— Жильцы в дом въехали почти одновременно, — сказал Игорь, глядя в компьютер. — Ну а потом Тамара Николаевна Окошкина продала свои апартаменты вам. Слушайте, а вы почему решили квартиру сменить?

— Киса подросла, ей понадобилась комната побольше, — ответил Макс. — Ее брат заканчивает обучение в США, возможно, он станет жить на две страны, значит, ему необходима спальня. И в старых апартаментах нас преследовали всяческие неприятности.

— Началось с протечек, — вздохнула я. — Квартиру над нами купила

семейная пара, вроде приличные люди, но они вечно кран то в ванной, то в кухне завернуть забывали и уходили, а у нас с потолка лило. Потом соседи затеяли ремонт, гремели, шумели. После чего наши батареи перестали работать, мастера чего-то накосячили со стояком. Затем они тараканов травили, насекомые к нам кинулись. Всего и не перечислить. Над головой постоянно стоял шум, через вытяжку дым от сигарет идет, от запаха меня мутило, мопсы кашлять начали. Соседушки каждый день гостей созывали. Ни сна, ни отдыха нам. Елена на пианино до пяти утра брэнчала, муж ее, ювелир, на каком-то станке работал. С новой квартирой нам просто повезло, я случайно разговорилась во дворе с Наташей, консьержка по секрету нашептала, что Окошкина продает апартаменты.

— И правда, удача привалила, — согласился Вульф. — Мы только свои вещи перетащили, так как квартира продавалась с мебелью, люстрами, занавесками. Дизайн приятный, без золота и стразов, как будто для нас его делали.

— Даже цвет стен подходящий, — улыбнулась я, — песочный. Живем уже несколько месяцев и не нарадуемся. Очень хорошая квартира. Бывшей ее владелице, похоже, крайне деньги понадобились, она сделку провернула в рекордно короткий срок. Риелтор у нее замечательный, деловой и оперативный, он наше старое жилье продал за два дня.

— Ну и ну! — изумился Игорь. — Это редкость.

— Хорошо, что я подсуежилась и сразу Окошкиной позвонила, как только Наташа мне ее номер дала, — похвасталась я. — Тамара Николаевна тут же позвала меня ее апартаменты посмотреть, и мы по рукам ударили. А через пару дней, когда мы уже переехали, стала одна тетка звонить, Елена. Уж как она упрашивала ей квартиру уступить, предлагала за нее новый особняк в Подмоскowie.

— Да? — удивился теперь Макс. — Ты мне об этом не говорила.

— Вот те на! — воскликнула я. — Сразу рассказала тебе о звонке той женщины и услышала в ответ: «Ну уж нет, за город я не хочу. Тратить несколько часов на дорогу? Да на всех шоссе утром-вечером дикие пробки. И Киса в школу пошла. Во сколько ей вставать придется?»

— Точно, было такое, я запомнил, — признался Вульф.

— Елена многократно звонила, разные варианты предлагала, — продолжала я, — вот про них я тебе уже не сообщала. Зачем? Квартира нам понравилась, мы и тогда не собирались, и сейчас не намерены никуда из нее двигаться. Похоже, настырную тетеньку заело, никак не могла успокоиться, все новые и новые хоромы нам подыскивала. В конце концов я ей невежливо сказала: «Перестаньте нас беспокоить. Надоели». Только

тогда она прекратила атаки.

— У меня с машиной так было, — засмеялся Вовка. — Дал объявление о продаже, сразу мужик проявился, взял мою лошадку для своей жены. Только мы с ним поладили, второй покупатель объявился. Я ему спокойно сказал: «Авто продано». Так он принялся на меня давить: «Отмените сделку, отдайте тачку». Ну не дурак ли? Неделю мне телефон обрывал. В конце концов послал я его в пешее путешествие за сексуальными утехами. Только после этого идиот утихомирился.

У меня зазвонил телефон, номер оказался незнакомым, и женский голос, который прозвучал из трубки, я слышала впервые.

— Добрый день, Евлампия Андреевна. Вас беспокоит психолог, кандидат наук, завкафедрой воспитания школьников МСК ФБРД и КГХСП Роберта Ильинична Мотина. Очень хочется с вами побеседовать.

Глава 31

Я удивилась: надо же, как легко незнакомка произносит аббревиатуры, которые мне никогда ни за что не запомнить.

— Вы можете сами выбрать место разговора, — продолжала тем временем Мотина, — но для пользы дела лучше бы вам прибыть к нам.

— Куда? — уточнила я.

— В МСК ФБРД и КГХСП. Если подъедете в ближайшее время, окажете мне услугу. У вас есть вопросы? Может, что-то непонятно?

— Где находится этот ФХТМГПРСТ? — попыталась я воспроизвести аббревиатуру. — И по какой причине я вам понадобилась? Сейчас нахожусь на работе.

— МСК ФБРД и КГХСП, — поправила меня собеседница, — Московский фонд борьбы развития детей и консультативная гештальт-терапия характерологического состояния подростков. Ваша дочь Арина Вульф недавно перешла в нашу экспериментальную школу, где я исполняю обязанности директора.

— А-а-а, — протянула я, — мне никто из администрации ни словом не обмолвился, что гимназия принадлежит МСК... в общем, этому ЗКЛМНПРСТ.

— МСК ФБРД и КГХСП, — снова терпеливо уточнила Мотина. — Нет, учебное заведение само по себе, просто оно — наш полигон для создания идеальной зоны психологического комфорта всех сторон учебного процесса. Понимаете?

— Не совсем, — призналась я.

Роберта Ильинична откашлялась.

— Учителя, дети, родители, сотрудники столовой и библиотеки, водители автобусов, уборщицы — мы все находимся в одной лодке под названием «обучение ребенка». Что случится, если кто-то начнет грести в другую сторону, не в лад с прочими? Мы утонем. Поэтому мы крайне внимательно следим за проявлениями ярких чувств. Агрессию гасим сразу. И сообщаем родителям. Арина Вульф сегодня ущемила Леню Говорова. Мальчик получил травму.

— Ой, а что она ему прищемила? — испугалась я.

На беду, у меня буйное воображение, оно уже стало рисовать картину — окровавленный мальчик, чью ногу-руку или, не дай бог, другой какой-то орган Киса прищемила дверью. Девочка совершенно неагрессивна, но дети

подчас бывают неловки.

— У-ще-ми-ла, — по слогам произнесла психолог, — нанесла тяжелую рану. Леониду теперь потребуется длительная психотерапия. Мы, конечно, справимся, но хочется посоветоваться с матерью, выявить корни детской возбудимости, поставить девочку на рельсы добра. Кроме того, есть вопрос по успеваемости. Приедете?

— Уже в пути, — сказала я, вскакивая с места.

— Ты куда? — удивился Макс, увидев, что я бегу к двери.

— Киса какого-то мальчика побила, меня психолог вызывает.

— Он жив? — спросил Костин.

— Какую-то рану получил, — на ходу бросила я.

— В больницу положили? — не утихал Вовка.

— Вроде нет, — буркнула я.

— Тогда ерунда, — отмахнулся приятель. — Мне Серега Когтев в седьмом классе нос с ухом местами поменял. И ничего!

Роберта Ильинична оказалась дамой лет ста с виду. Я села на стул напротив стола и уставилась на бабулю, чью голову украшала замысловатая прическа.

Во времена, когда я ходила во второй класс, такой замок на голове почему-то именовался «халой». Этакая башня, высокий начес, который потом уложили кренделями и залили лаком до состояния бетона. «Халу» возводили раз в неделю, женщины ходили для этого в парикмахерскую, тратили на прическу вечер воскресенья. Спать с таким апофеозом постижерного искусства непросто, поэтому дамы не пользовались подушками, подкладывали под шею валики из полотенец. Но все равно им приходилось вскакивать пораньше, чтобы поправить покосившийся «дворец». И почесаться было затруднительно, для этой цели в сумочке держали особую расческу с длинным узким «хвостиком». Его аккуратно всовывали между прядями и чесали там, где зудело. И уж совсем сложно было принимать с «халой» душ. Одноразовых полиэтиленовых шапочек у советских дам в помине не было, а резиновая, как вы понимаете, мигом превратила бы «красоту» в блин. Ну и как быть?

Самый простой ответ: надеть на сооружение сверху пакет, который дают в супермаркете. Но! Кто это посоветует, тот точно не жил во времена социализма. В те годы продукты заворачивали в коричневую грубую бумагу. Люди же носили с собой авоську, связанную из ниток растягивающуюся сетку. В названии сего приспособления звучала надежда — авось удастся купить что-то нужное, будет куда это нужное положить и

донести до дома. Полиэтиленовые пакеты являлись роскошью, их бережно стирали, сушили, даже штопали и использовали многократно.

Так вот, у всех халоносиц были специальные объемные мешки, сшитые из клеенки, ими-то крайне осторожно и прикрывали «замок», становясь под струи душа. Недавно я случайно услышала, как девочка-подросток жалуется своей подруге:

— Прикинь, забыла дома завиватель ресниц! Ходила на пляж лохушкой. У меня в жизни одни трудности.

Мне стоило больших усилий сдержать смех. Моя мама, помнится, для той же цели использовала простую чайную ложку — нагревала ее на газовой плите и получала реснички, как у Мальвины. Вы спали всю ночь с накрученными на железные бигуди волосами? Скрепляли из-за отсутствия в продаже лака для волос прическу сахарной водой? Плевали в коробочку с твердой, как камень, тушью ленинградского производства? Подводили глаза швейной иглой, обмакивая ее в чертежную тушь? Стояли в очереди по шесть часов за польским дезодорантом? Мазали ногти лаком, который облетал через пять минут после высыхания? Пользовались «химической» помадой, от которой губы месяц имели ядовито-розовый цвет? Нет? Что вы, дети глянцевого журнала, знаете о трудностях! Отними у вас завиватель для ресниц, и все, наступит депрессия. А меня не испугает ничто, в том числе отсутствие горячей воды, косметики, модной одежды. Вспомню опыт мамы и в любом случае буду красавицей.

В уши ворвался голос:

— Ваше мнение по озвученной проблеме?

Я вздрогнула. Ну вот, я увидела прическу психолога, ушла в свои мысли и не слушала Роберту Ильиничну.

— Я вся внимание, — продолжала Мотина.

Так, надо как-то выкручиваться...

— Мне трудно сразу ответить, надо подумать. Я не очень поняла проблему.

— Ох, простите, — проворковала хозяйка кабинета, — иногда я увлекаюсь, начинаю употреблять научные термины. Забываю, что сидящий передо мной человек не имеет профильного психологического образования, ему не понятно, что такое амбивалентность трансцендентальной горизонты личностного умственно-воспитательного поля в свете изучения проблемы гештальт-терапии в соединении с изменением сознания в аспекте философии сократической теории психоанализа сексуальности детско-подросткового возраста до климактерически-истерически гормонального пика по Клейману. Я ведь права, да?

Я икнула.

— Э... э... э... ну... понимаете, у меня за плечами консерватория по классу арфы.

— Не переживайте. Я могу донести суть проблемы до дворника. И даже до вас, — утешила меня Роберта Ильинична. — У Арины явная проблема — психо-физиоотставание. Девочка не соответствует семилетнему возрасту, от силы ей можно дать два года.

— Киса умный ребенок! — возмутилась я. — Она читает, умеет писать-считать, знает массу стихов.

Мотина закатила глаза.

— О, эта родительская слепота... Неспособность увидеть, понять, оценить проблему... Вам девочка кажется гениальной, прекрасной, талантливой. В гимназии это поддерживается. Педагоги нахваливают детей, но...

Дама стукнула кулаком по столу.

— Я против розовых очков на носу! Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Проблему необходимо решать сразу. Если запустить аппендицит, что случится?

— Перитонит, — вздохнула я.

— Молодец! — похвалила меня Мотина. — А коли аппендикс в мозгу воспалится?

— Это невозможно. Под черепной коробкой его нет, — вздохнула я.

— А если представить? — прищурилась Роберта Ильинична.

И тут в кабинет влетела Киса.

Глава 32

— Отлично! — обрадовалась психолог. — Вот вам и пример задержки развития. Девочка, что ты сейчас не сделала?

Киса заморгала.

— А что надо?

— Да, что надо было сделать? — повторила психолог. — Ну?

Юная школьница пожала плечами.

— Не знаю.

— По-здо-ро-вать-ся!

— А я вас уже три раза сегодня видела, — сказала Кисуля. — И Лампу один.

— Так... — протянула Мотина. — Давай разберем твою проблему с арифметикой. Мне твою тетрадь показали. Кстати! Сейчас проверим твою долговременную память. Как зовут педагога?

Киса заморгала.

— Бр... др... мр... как-то так.

Я встревожилась. Что случилось с ребенком? Еще утром Кисуля не заикалась!

— Вот, — отметила Роберта Ильинична. — Слышите? Имя нашего глубокоуважаемого учителя математики, завуча с сорокалетним стажем работы Амбиджаникамилосовконт Лусташканиимиринсович. Все легко запоминают. Теперь обратимся к примеру. Ноль плюс ноль сколько будет?

— Два ноля, — быстро подсказала я, боясь, что Киса напутает.

Глаза Мотиной округлились и почти вывалились на щеки. Роберта Ильинична вмиг стала похожа на нашу мопсиху Фиру. Та тоже может далеко выкатить очи из орбит. Только Фируша намного симпатичнее внешне и жуткой «халы» на башке у нее нет.

— Лампа, — засмеялась Киса, — ты не права. Если к фигне прибавить фигню, то будет не две фигни, а одна. Мне так Леня объяснил.

— В тетради ты по-другому написала, — напомнила директриса.

— А это Лампа мне неверный ответ подсказала, — мигом сдала меня Киса.

— Ясно, — протянула психолог, взяв со стола тетрадь. — Займемся русским языком. «На огороде вырос огурец. Волк решил сделать бомбу. Злодей сел в электричку. Заяц отнял у волка огурец, электричка не взорвалась». И как вам это?

— Я заработала за сочинение золотую черепашку, — похвасталась Киса.

Роберта Ильинична сцепила пальцы рук в замок.

— Арина, сходи в столовую и попроси сделать для меня чай.

— Одну чашку? — уточнила девочка.

— Да, — кивнула психолог.

Малышка пошла к двери и открыла ее.

— Ты ничего не хочешь нам сказать? — осведомилась Мотина.

Кисуля обернулась.

— Надо честно говорить?

— Конечно, — кивнула директриса, — врать плохо.

— Ладно, скажу честно. Некрасиво пить чай одной и не предложить Лампе, — отрезала Кисуля. — Гостей угощают. Я не хотела вам это объяснять, сами попросили.

Глаза Мотиной снова вылезли из орбит, Киса убежала.

— Я специально удалила девочку, чтобы при ней не обсуждать проблему, — заявила психолог. — Юлия Андреевна прекрасный педагог, но спецобразованию по возрастной психологии младших школьников не обучена. Какие сложности очевидны ученому-психоаналитику после ознакомления с текстом, который написал ваш ребенок? А. На огороде вырос огурец.

Это что?

— На огороде вырос огурец, — повторила я. — Предложение.

— Нет, это рано проснувшаяся сублимационно-позитивная сексуальность на фоне неблагополучия психического климата в семье.

— Ик, — вырвалось у меня.

— Огурец — фаллический символ, — вещала Роберта, — а в семь лет рано думать о соитии. Девочка в таком возрасте еще не должна ассоциировать себя с женщиной, которая предназначена мужчине. Проблема заколосилась. Через год появится цветок, потом ягодка. Вывод: Арину нужно держать в рукавицах асексуальности. Идем дальше по тексту. Б. Волк решил сделать бомбу. Агрессивно-панически-асоциальный синдром. Желание уничтожать себе подобных.

— Ик, — снова икнула я.

— В. Злодей сел в электричку. Панически-трусливое поведение конформиста, не способного нести ответственность за свои действия. Полное отсутствие героизма. Синдром предателя.

Теперь я икала безотановочно.

— Г. Заяц отнял у волка огурец, электричка не взорвалась.

Подавленное либидо, так и не достигшее пика, привело к суицидальным мыслям, которые сочетаются с панической агрессией, — чеканила Роберта Ильинична. — Понимаете прогноз? И еще умственное отставание. Дома-то девочка в качестве ответа на пример написала два нуля. А сейчас просто узнала правильный ответ. И ситуация с Леней!

— М-м-м, — протянула я.

— Мальчик упал, споткнувшись о портфель Арины. Он отличник, гордость гимназии, всегда первый — и вдруг шлепнулся. Тяжелая моральная травма. Ущемление эго. Мне с ним предстоит долгая терапия по восстановлению личностного уважения.

Я наконец-то обрела дар речи.

— Киса толкнула мальчика?

— Нет.

— Сделала подножку?

— Нет.

— В чем тогда проблема?

— Вы не поняли? — затрясла головой Мотина. — Мальчик унижен падением, с ним предстоит кропотливая психотерапевтическая работа. А виновата Арина, которая бросила сумку в коридоре. Девочка была неаккуратна. С ней тоже необходимо провести занятия. Когда вашей дочке сообщили, что из-за ее поведения лучший ученик гимназии, сын ее владельца и основателя, тяжело душевно заболел, она не признала свою вину. Нет, наоборот, проявила черствость, холодность, бездушие. Сказала: «А чего он бежит, по сторонам глазееет и под ноги не смотрит? Я его не пинала, он сам плюхнулся». Понимаете? Мало того, что ребенок употребил нелитературный глагол «глазеть», хорошо, что не произнесла «зырить», так она еще пыталась перевалить вину на плечи нашего маяка, гордости школы. Леонид получит золотую медаль...

— Парень учится в выпускном классе? — поразились я. — Взрослый юноша закатил истерику, шлепнувшись в коридоре?

— О, вы не способны оценить драматизм ситуации! — трагическим тоном продолжала директриса-халаносица. — Сейчас сюда спешно едет отец травмированного мальчика, наш главный спонсор, он будет решать вопрос о помещении сына в психологическую реанимацию.

Роберта Ильинична встала, одернула кофту и торжественно заявила:

— Вы и ваша дочь находитесь в стенах нашего элитного заведения всего один день, но уже понятно: Арина не вольется в коллектив. И дело не в том, что вы приняты как социально обездоленный элемент бесплатно. Я говорю с вами не потому, что управа обязала нас непременно взять ребенка

из нищей семьи, пообещав при отказе жесткую проверку...

— Социально бедный элемент? — только и смогла я удивленно выговорить.

Мотина села.

— У нас элитное заведение, родители вносят оговоренную сумму за обучение. Нам велели принять четырех учеников из низов. Буду откровенна: я была против. Думала исключительно об интересах этих ребят. Ну как они будут себя ощущать в коллективе? Дети соберутся после каникул и начнут делиться впечатлениями, один ездил на Мальдивы, другой был в Майами, третий по Европе гулял... А что нищему сообщить? Как он в деревне картошку копал? И дома у необеспеченных детей плохая обстановка, они каждый день видят пьяного отца, гуляющую мать...

— Ну да, а богатые алкоголь не употребляют, — пробормотала я, — жен не бьют, не изменяют им. Они, поди, даже какают розами!

Роберта Ильинична побагровела.

— У вашей девочки дурные секс-наклонности, она груба, неаккуратна. Я не имею права убрать вас из коллектива, потому что вы у нас проходите по квоте как малообеспеченные. Но даю совет: уходите сами. Арине у нас будет плохо. Очень плохо. Ступайте в обычную школу. К себе подобным. Зачем вам учиться с элитными детьми?

Дверь кабинета открылась, на пороге показалась секретарша, а за ней маячила маленькая девочка в отглаженной форме. На носу у нее сидели очки, волосы были заплетены в косички.

— Простите, госпожа директор, — затараторила секретарь, — вы велели привести к вам после уроков квотную ученицу нулевого класса Вульфанову Ирину. Хотели объяснить ей правила поведения в нашей гимназии.

Роберта Ильинична сдвинула брови.

— Ольга! Кого ты привела?

— Ирину Вульфанову, — повторила ее помощница. — Ее вчера приняли как малообеспеченную. Вы еще сердились, что девочка в конце октября пришла.

Начальница выдернула из коробки на столе бумажную салфетку, промокнула лоб и улыбнулась мне.

— А вы кто тогда?

— Имя моей дочери Арина Вульф, — спокойно ответила я.

— Вы не по квоте? — уточнила Роберта.

Я встала.

— Нет. Хотела сегодня оплатить обучение, но теперь решила, что не

стану.

— Ну почему же? — залепетала директриса. — Ольга, немедленно уведи эту школьницу, я потом с ней поговорю. Уважаемая Евлампия Андреевна, вы меня неправильно поняли. Недоразумение произошло из-за схожести имен и фамилий. Вульф — Вульфанова. Ирина — Арина. Так и знала, что из-за социальных низов проблемы у нас возникнут. Все сказанное мной не относилось к Арине. Ваша девочка чудо. Она продемонстрировала сегодня прекрасное поведение, ум...

В моей сумке зазвонил телефон. Я вынула трубку и вышла из кабинета, забыв попрощаться с мадам халоносицей.

Глава 33

— Меня не приглашали, а я тут, — засмеялся Вовка, когда я, наконец-то уложив Кису в постель, вошла в столовую.

— А зачем тебя специально звать? — хмыкнул Макс. — Костин давно как бы наш родственник. Боюсь только, твоя жена мне голову открутит, скажет: «Мужа не вижу, он с вами все время проводит».

Володя включил чайник.

— Она в командировке. Вы же покормите сироту казанскую? Третий день на ужин пиццу жую. Надоело.

— Пришел поесть? — уточнила я. — Или новости принес?

Костин повернулся к Макс:

— Рассказал ей, что Гарик нарыл?

— Нет, я ничего не знаю, — ответила я вместо мужа. — Сначала в школу ходила, потом мы с Кисой по магазинам прошлись, после целый час спать ее укладывала. Наш компьютерный гений нашел нечто интересное?

Макс вынул из буфета тарелки.

— Игорь решил проверить всех жильцов нашего дома — нет ли у кого родственников, которые пострадали от преступников. Почему ему эта мысль в голову пришла, сам не знает. Объяснил мне так: «Вот стукнуло в башку покопаться в их прошлом». И выяснилось...

— На четвертом этаже у вас живут Лаптевы, — перебил Володя, — у них двое сыновей: Ваня и Коля. Но был еще один ребенок. Первой у Светланы появилась на свет девочка Ксения. К сожалению, она в три года попала в больницу — малышка подцепила кишечную инфекцию. Не смертельное, но неприятное заболевание. Светлана была молодой матерью, не знала, что ребенка со рвотой и поносом надо постоянно поить, поэтому у Ксюши случилось обезвоживание, и ее поместили в реанимацию. Жизни ребенка ничто не угрожало, в палату интенсивной терапии малышку положили, чтобы прокапать всякие лекарства. Светлану отправили домой, пообещав, что утром она увидит дочку в детском отделении. А в пять утра Ксения умерла. Лаптевы потребовали вскрытия. Обнаружено было, что ребенку вместо лекарства ввели яд. Началось следствие, в процессе которого всплыла правда. Одна из медсестер клиники Маргарита Нилова оказалась так называемым ангелом смерти — она убивала больных детей, чтобы избавить их от страданий. Нилова переходила из одной больницы в другую, всегда просилась на службу в реанимацию, на ее совести оказалось

много смертей. С Ксенией мерзавка ошиблась, девочка не собиралась умирать. Нилову приговорили к большому сроку, отправили на зону, откуда преступница ухитрилась сбежать. Она до сих пор не поймана.

— Вот, значит, как... — пробормотала я. — Я позвонила Светлане с вопросом, не осталось ли у нее старого маскарадного костюма, Кисе он для спектакля требовался. Лаптева пригласила меня зайти и объяснила: у нее мальчишки, но она мне расскажет, как сделать наряд Красной Шапочки. Спасибо ей, советы оказались полезными. Во время нашей беседы один из сыновей Светланы посоветовал ей отдать мне костюм сказочной девочки. Света удивилась: «У нас его нет». «Есть, — заспорил мальчик, — бабушка сумку с вещами принесла, велела тебе не говорить». И Лаптева вдруг грубо выставила меня вон. Выходит, ее дети не знают, что у них была сестра, которую убили в клинике. Светлана никому секрет не открывает, и, похоже, для нее стало неприятным сюрпризом то, что свекровь хранит вещи покойной девочки. У остальных жильцов, думаю, есть свои истории!

— У Зиновия Павловича Цыганкова погиб отец, стал жертвой пьяного водителя, — продолжал Володя. — Павел Николаевич пошел днем гулять с собакой и попал под колеса иномарки. Шофер находился под парами алкоголя. Сбив Цыганкова, он попытался уехать, но не справился с управлением. Трагедия разыгралась летом, в ресторанах были открыты веранды, автомобиль влетел на одну из них. Общий итог: восемь тяжело раненных людей, трое из них навсегда стали инвалидами, шестеро погибли на месте, среди них двое детей. Владельца внедорожника судили...

— Но убийца удрал, — перебила я.

— Богатый, весьма симпатичный молодой парень, — вздохнул Костин. — Неженатый. Он задурил голову следовательнице, которой исполнилось тридцать пять, и та организовала ему побег. Дурища надеялась, что преступник увезет ее за границу, сделает своей женой, а вышло иначе. Красавчик исчез, а бывшая сотрудница полиции отправилась к месту отбывания наказания.

Макс открыл сахарницу.

— Первый этаж — место казни, на втором жила Реутова, на третьем мы, на четвертом Лаптевы, на пятом Цыганковы. Лампа, у тебя есть какой-то секрет? Погибший родственник?

— Нет, — покачала я головой. — Ни малейшего отношения не имею к тому, чем занималась Реутова. А ты?

Муж тоже покачал головой.

— А что с женщиной, у которой мы купили квартиру? — поинтересовалась я.

— Тамара Николаевна Окошкина въехала в дом вскоре после завершения строительства. Одинокaя. Замуж не выходила. Воспитывала племянника, тот погиб в авиакатастрофе.

— Летчика судили, но он смылся? — предположила я.

— Нет, все не так, — возразил Вовка. — Парень служил в армии. Во время учений разбился военный самолет, все погибли, экипаж в том числе. Не на кого было ответственность возложить.

— Окошкина выпадает из общей картины, — заметила я, — и мы тоже. Я уж подумала, что весь подъезд — клиенты Реутовой.

— И у меня та же мысль появилась, — оживился Володя. — Надежда Владимировна и Петр Венькин познакомились случайно, но одинаковая беда их сблизила. Уж не знаю, кому из них пришла в голову идея создать агентство по поиску беглецов, как они нашли остальных «сотрудников». Реутова общалась с клиентами, остальные не светились. Но ваши соседи работали на нее.

Володя взял кусок пирога.

— Интересный штрих. Гарик проверил, чем они все занимались до того, как въехали в новые квартиры. Цыганков был профессором в вузе. Звучит красиво — профессор. Но зарплату он получал более чем скромную. У преподавателя была двушка в затрапезном районе, в хрущевке. Заядлый холостяк. Обожатель прекрасных дам. Когда мужику за пятьдесят, надеяться на то, что он радикально изменится, не стоит. Но Зиновий Павлович разрушил стереотипы. Он взял кредит, купил роскошную квартиру и за месяц до въезда в нее женился на Вере Андреевне. Через год вернул банку сумму, которую профессору и за пять жизней не заработать. Где он раздобыл средства? Тайна. Взносы платил наличкой.

Вульф посмотрел на меня.

— Старый трюк. Если зададут вопрос: «Откуда деньги, Зин?» — Цыганков, не моргнув глазом, ответит: «Друг давно брал в долг, сейчас вернул». И все. Никто не станет требовать назвать имя приятеля.

— А знаете, кем работает жена Зиновия? — прищурился Костин.

— Она бывшая модель, сейчас корреспондент какого-то журнала, который публикует статьи о тряпках, — вспомнила я.

— И да и нет, — усмехнулся Костин. — Лукавая правда. В студенческие годы Вера несколько раз участвовала в конкурсах красоты, и ей даже удалось стать «мисс» какого-то года в своем учебном заведении. Ну-ка угадайте название вуза, где красавица получала образование?

— ГИТИС, ВГИК, театральное училище? — предположила я. —

Журфак?

— И близко не лежало. Она криминалист.

— Кто?! — в один голос воскликнули мы с мужем.

— У милой дамы за плечами химфак, она токсиколог, специалист по ядам, лекарствам и так далее. Хорошо разбирается в баллистике.

— Ну и ну... — протянула я. — Консьержка Наташа как-то рассказала мне: она упала во дворе, сильно поранила ногу, испугалась, побежала к жильцам искать йод. Так вот Вера ей рану обработала, зашила, да так красиво, что шов почти незаметен. Я на болтовню консьержки внимания не обратила, а зря. Следовало спросить себя: откуда модель, а теперь гламурная журналистка умеет столь ловко орудовать хирургической иглой?

— Между тем у нее своя трагедия. Верочка была счастливой женой. У них, студентов, денег не было, вот Георгий, ее супруг, и бомбил на своих «Жигулях», — продолжал Костин. — Его убил один из ночных пассажиров. По следам, которые остались на трупе, установили, что парня лишил жизни серийный убийца...

— Которого поймали, но он сбежал, — закончила за него я.

— Истории, как под копирку, — согласился Вовка. — Вера тогда училась на третьем курсе журфака. Она бросила учебу, перешла на другой факультет, получила диплом. Работала в бригаде следователей по особо важным делам. Ушла по состоянию здоровья, расписалась с Цыганковым. Теперь о Зиновии Павловиче. Знаете, что он преподает?

— Вроде историю, — неуверенно сказала я.

— Психологию, — поправил Володя. — Автор монографий «Криминальное «я», «Вопросы и ответы профайлера».

— Он сотрудничает с полицией? — опешил Вульф. — Составляет психологические портреты преступников?

Костин пересел на диван.

— Преподает науку составления характеристик маньяков. Широко известен в узких кругах. Неоднократно привлекался к расследованиям. До сих пор помогает полиции как нештатный специалист.

Макс присвистнул.

— Нет слов! Почему мы об этом раньше не догадались?

— Так не было необходимости тщательно изучать подноготную соседей, — объяснил Володя, — ограничились простой проверкой. Где работает Вера? В журнале. Она на самом деле оформлена там как корреспондент. А Зиновий Павлович до сих пор профессор вуза. Когда же Гарик копнул поглубже, тут-то правда и вылезла на свет божий.

— Так что с Лаптевыми? — поинтересовался Вульф. — Они кто по

профессии?

— Светлана имеет диплом биолога, — отрапортовал Вовка, — Михаил врач-патологоанатом, увлекается оружием, его приглашают в качестве эксперта аукционные дома, он прекрасно владеет компьютером, хакер.

— Здорово! — воскликнула я. — Просто криминалистическая лаборатория на дому. Но вроде у них есть какой-то бизнес.

— Торговля сувенирами, — согласился Володя, — всякой ерундой, типа кружек с надписью, записных книжек, коробок с конфетами под названием «Для хорошего настроения». Лаптевы владеют небольшим магазинчиком, но тот не приносит дохода, еле-еле в ноль выходит.

— Надо с ними поговорить! — воскликнула я.

— И что ты им скажешь? — вздохнул Макс.

— Сообщу, что знаю о трагедии, которая когда-то в их семье случилась, — уже не так уверенно ответила я.

— Супер, — сказал Костин. — Ну, сообщишь. И услышишь в ответ: «Да. Нас настигло горе». И что? Если предполагаешь, что Лаптевы или Цыганковы признаются, чем они с Реутовой занимались, то твои надежды напрасны. Такие люди рот зря не открывают. А у нас на них ничего нет, только хлипкие предположения. Ну припрешь ты к стене Веру вопросом: «Почему вы называетесь журналисткой? Вы же криминалист!» Она ответит: «Состою в штате журнала, значит, имею право именоваться корреспондентом. А остальное не ваше дело». И придется тебе уйти. Надо найти какие-то доказательства их общей работы как тайного агентства по поиску сбежавших преступников. Но у нас ничегошеньки нет.

Макс постучал пальцем по столу.

— Подведем черту! Жильцы дома, похоже, единая команда. Очень удобно: обитают в одном месте, и, полагаю, у Цыганковых и Лаптевых оборудованы дома лаборатории.

— Нет, — возразила я, — ко всем заходила в гости и ничего даже отдаленно похожего на электронный микроскоп не видела. К тому же у Лаптевых дети, они же могут разболтать, что мать и отец с пробирками возятся.

— Нужно задать вопросы Окошкиной, — выдвинул идею Макс. — Она въехала в дом вместе со всеми, а потом неожиданно продала квартиру. Может, поругалась с остальными? Они что-то не поделили? Если так, Тамара Николаевна может пойти на откровенность.

— Нет, она подельников не сдаст, — заявил Володя, — уж наверняка понимает: если их повяжут, то и она утонет.

Меня осенило:

— Лучше пообщаться с Ольгой Венькиной, возможно, та в курсе дел отца.

— Сомневаюсь в ее откровенности, — покачал головой мой муж.

— Я знаю, как к ней подобраться! — топнула я ногой.

Глава 34

— В два часа дня к маме придет врач, — предупредила Оля, усаживаясь в кресло. — Что привело вас ко мне на сей раз?

— Я совершенно случайно выяснила, почему от вас уходят сиделки, — ответила я. — Рассказать?

— Да, конечно! — обрадовалась хозяйка.

Я доложила ей о таинственной личности, которая звонит как медработникам, так и прислуге.

— С ума сойти... — ахнула Оля. — Почему кто-то это делает?

— Может, ваш отец кого-то обидел? — спросила я. — Например, выгнал с работы.

— Естественно, папе приходилось увольнять людей, — пожала плечами девушка, — ведь фирма крупная, огромное производство. Но это рутина. И насколько я знаю отца, он никогда не ставил человека в безвыходное положение, не обрушивал известие об увольнении водопадом на голову. Наоборот, поступал корректно, всегда предупреждал работника за два месяца. На службе были проблемы, и немалые, но в отношении кадров ничего плохого.

— Ольга, вы кто по образованию? — спросила я.

— Экономист, — ответила она, — работаю в паре с Леной, но в основном беру документы домой.

— Вам никто мстить не собирается?

— Конечно, нет, — улыбнулась Венькина. — Кому нужна скромная девушка с калькулятором? Да и что с меня взять? Тихо помогаю брату вести дела, ничего не решаю.

Я окинула собеседницу оценивающим взглядом. Действительно, что можно потребовать у дочери очень богатого человека, которая стала наследницей его фирмы? Денег, конечно. Но вслух я произнесла иное:

— Ну тогда остается ваша мама. Зло причинить хотят ей.

Ольга наморщила нос.

— Невозможно. Вы видели мамулю. Откуда у инвалида ненавистники? И она не первый год в таком состоянии. Я же вам уже рассказывала: заболела она внезапно, пошла в салон и забыла дорогу домой, папа ее нашел, в квартиру привел, с того дня она очень быстро стала память терять, прямо по часам ей хуже становилось. Я ринулась сиделку искать, Леня мамулю по разным клиникам возил. Спасибо, Люся, домработница наша,

очень помогла. Но у нее самой отец слег, Людмила к нему уехала, и пошла у нас свистопляска с прислугой. Через некоторое время и папа заболел. Это уже и вовсе Армагеддон! Леня всех, кого только можно, притащил, докторов был полный дом. А толку чуть, каждый свое талдычит. Папе поставили сначала один диагноз — болезнь Менъера, но он не подтвердился. Тогда врачи заговорили об опухоли мозга.

Я поежилась.

— Час от часу не легче.

— Да уж, — вздохнула собеседница. — Тяжелое было время. Папа умер, мама пока вроде с нами, но на деле ее с нами нет.

— К вам гости приходят? — продолжала я.

Хозяйка сняла с подлокотника дивана плед.

— Нет, отец не любил посторонних в доме.

— Надежда Владимировна, наверное, заглядывала? — не утихала я.

— Уже говорила один раз: я не знаю Реутову, — отмахнулась Ольга.

— Но я фамилию ее сейчас не называла, — уколола я девушку.

— Зато в нашу прошлую беседу упомянули, — огрызнулась та.

— Лаптевы, Цыганковы заходили?

— Понятия не имею, кто это такие, — слишком спокойно ответила собеседница.

Мне надоел бесплодный разговор.

— Ольга, думаю, вы говорите неправду.

Моя визави встала.

— Вы детектор лжи? Прекрасная профессия, можете хорошо заработать, нанимаясь к тем, кто хочет выяснить, что о нем люди думают. Прощайте.

Я не двинулась с места.

— Если сейчас же не покинете мой дом, я вызову полицию, — пригрозила Венькина и взяла в руку бутылку с водой.

— Навряд ли, — парировала я. — Как только здесь окажутся парни в форме, я на раз-два сообщу им про агентство по поиску беглых преступников, которое создали Петр Юрьевич, ваш отец, и Надежда Владимировна Реутова.

Бутылка выпала из рук Ольги, упала на ковер и не разбилась.

— Фирма, которая помогает уголовникам бежать? Вы с ума сошли? Отец никогда не конфликтовал с законом.

— Отличная попытка прикинуться человеком, который ничего не знает, — вздохнула я. И решила соврать: — Юрий, сын вашего отца от первого брака, рассказал нам все. И про казни, и про то, что старший

Венькин поселил в одном доме всех своих помощников, и про...

— Не надо, — прошептала Оля. — Подлец! Гад! Мерзавец! Скотина! Она заплакала. Я подала ей салфетку, которая лежала на столе.

— А вы назвались экономистом...

Ольга шумно высморкалась.

— Но это правда.

— Да, частично, — согласилась я, — вы получили высшее образование, имеете диплом и на самом деле до сих пор числитесь на фирме отца. Но одновременно являетесь отличным гримером-визажистом. Вы завели себе «Инстаграм», выложили там несколько фото с рассказами о том, как легко изменить внешность...

— Сидя в бухгалтерии, не озолотишься, — прошептала Венькина, — я просто подрабатываю, даю советы женщинам.

Я встала.

— Оля, не надо меня обманывать! Вы занимаете должность экономического советника в семейной фирме, которая приносит хороший доход, зарплата у вас очень высокая. Вам нет необходимости подрабатывать. И ваш «Инстаграм» работал всего пару дней, потом снимки не выставлялись. Но вот что интересно: Леонид постоянно находится на службе в офисе, а ваш кабинет почти всегда заперт, Ольга Петровна редкий гость на работе. Скажу прямо — ваша жизнь, возможно, в опасности. Человек, который звонит вашим наемным работникам, доставляет вам много неудобств, которые пока не угрожают вашей жизни. Однако негодяю может надоест вести себя «мирно», и он лишит вас жизни. Похоже, Юрия, вашего единокровного брата, задавили намеренно. Причем случилось это после того, как он побывал в нашем офисе. Мы предполагаем, что Юрий знал, кто вас изводит, находился с ним в контакте. Или за Юрием следили. Реутова тоже мертва. Ее смерть представлена как самоубийство, но это вызывает много вопросов. Вы сгупили, открыв «Инстаграм». Охотно верю, что вам нравится делать людям макияж, но то, что вы сообщили о своем таланте гримера, не одобрила Реутова, она велела вам закрыть аккаунт. Ведь так? Да вот беда: что в Сеть попало, то полностью не удалишь.

Я сделала паузу.

— В мозгу обывателя существует образ убийцы: мужик с топором или циркулярной пилой в руке. Он могуч, вонюч, страшен, распускает руки, бьет жену, издевается над своими детьми. Не спорю, встречаются подобные индивидуумы. Недавно в одном из районов Москвы задержали парня, который, напившись до одури, схватил кухонный тесак и стал нападать на

прохожих на улице. Ранил десять человек, пока его наконец не скрутили. Но он не серийный убийца, просто мерзавец, который в состоянии белой горячки кинулся на людей. Серийные маньяки, как правило, тихие улыбчивые люди, их любят коллеги по работе, соседи, родные. Первая фраза, которую жена, мать, теща, дочь говорят следователю, услышав от него, что их муж (сын, зять, отец) задержан, потому что в течение нескольких лет насиловал и убивал женщин, такая: «Да вы что? Он прекрасный человек! Никогда от него даже слова «дурак» не слышала, зарплату в дом несет, детям сказки читает...» Все верно. Дома и на работе он такой. А потом в нем просыпается дикий зверь, и серийщик выходит на охоту. Противостоять желанию убить кого-то он не способен, его толкает на преступление неведомая ему сила. Иногда маньяки говорят следователям: «Давно меня поймать надо было, устал я». К чему я это рассказываю? Люди из окружения жертв ненавидят того, кто лишил жизни близкого им человека. Но у преступников, как правило, тоже есть семьи, жестокого убийцу кто-то любит, тоскует по нему. Петр Юрьевич страдал всю жизнь из-за потери Алисы и решил помогать таким людям, как он сам. Ваш отец ловил уголовников и казнил их. А теперь подумайте, как к Венькину должна относиться женщина, муж которой сбежал с зоны, но был пойман Петром или группой хантеров под его руководством и лишен жизни?

— А так гаду и надо! — рывкнула Ольга. — Наше государство все перед Европой и Америкой кланяется. Мол, расстреливать убийц бесчеловечно... Ага! А человечно, что он детей душил? Америкосы потребовали от нас отмены смертной казни, а у самих-то она существует! В ряде штатов сексуальному хищнику без сожаления укол воткнул, и — прощай, насильник, нет его больше на свете. Или, что мне больше нравится, на электрический стул посадят.

Я опять опустилась на диван.

— Я не сильна в политике, но мне кажется, что, когда ты убиваешь убийцу, в мире ничего не меняется. Да, преступник мертв, но и ты сам стал убийцей. А подчас к высшей мере могут приговорить невинного человека. По делу Чикатило расстреляли того, кто не совершал преступлений. Если б тот несчастный мужчина просто отбывал наказание, то сейчас мог бы жить. Мне не хочется вести беседы о смертной казни. Я пришла объяснить: есть большая вероятность, что вам и Леониду грозит опасность. Возможно, кто-то из близких казненного вашим отцом преступника решил отомстить сотрудникам агентства за смерть любимого человека. Вы отличный пример, думаю, ваша задача изменять внешность тех, кто ведет слежку за беглецами. Что произойдет с Маргаритой Леонидовной, если ее сын, дочь,

невестка погибнут? Она окажется в социальном интернате, а там не лучшие условия. Сколько времени ваша мать проживет в муниципальном доме престарелых? Как к ней там будут относиться?

Ольга резко выдохнула.

— Хорошо, я расскажу. Но я мало что знаю, меня отец в свою работу по поиску беглецов не посвящал.

— Пригодится любая информация, — заверила я.

Глава 35

Через десять дней в нашем офисе собралась большая компания. Вокруг стола расселись гости: Светлана и Михаил Лаптевы, Зиновий Павлович и Вера Цыганковы, Ольга и Леонид Венькины.

— Что за фигня? — возмутился Михаил, когда Макс перестал говорить.

— Голливуд плачет по такому сценарию, — фыркнула Вера.

— Ну и фантазия у вас, господа, — покачал головой Зиновий Павлович. — Буйная, цветистая.

В дверь переговорной постучали.

— Входите! — крикнула я.

В комнату вплыла дама в сером платье; забыв поздороваться, она бесцеремонно ткнула пальцем в Михаила.

— Что? Пытался меня найти? А не получилось!

Лаптев повернулся к Светлане.

— Солнышко, это какая-то твоя знакомая?

— Нет, милый, — пробормотала жена, — никогда с ней не встречалась.

— Дешевый цирк! — скривилась посетительница.

— Неужели не узнаете госпожу Окошкину? — усмехнулся Макс.

В практике нашего агентства некоторые люди, находившиеся в переговорной, поняв, что их тайна выползла из тьмы на всеобщее обозрение, признавали свое поражение и вели откровенный разговор. Но сегодняшние посетители оказались из плеяды тех, кто упорно все отрицает, несмотря на присутствие свидетелей.

— Окошкина, Окошкина Тамара... — протянул Зиновий Павлович. — Верочка, вроде так звали экономку Фирсовых?

— Я назвал только фамилию, — напомнил Вульф, — имя не упоминал. Оттуда вам известно, как зовут даму?

— Я имею в виду Тамару Окошкину, прислугу наших приятелей, — выкрутился Цыганков.

— Господа, перестаньте нести чушь и поговорим нормально, — попросил Костин. — Глупо отрицать очевидное. Тамара Николаевна владела квартирой, в которой сейчас живут господин Вульф и Евлампия. Вы не раз сталкивались с Окошкиной в подъезде.

Михаил хлопнул себя ладонью по колену.

— Ну конечно! То-то лицо показалось мне знакомым. Вы изменили цвет волос, стрижку, немного поправились. Извините, я сразу не признал вас.

— И я тоже ее не узнала, — подпела мужу Светлана.

Окошкина опустилась в кресло.

— Убийцы! Мы так не договаривались. Они меня обманывали. Сказали: «Найдем преступника и сдадим властям». Я, наивная до глупости, им долго верила.

— Значит, вы подтверждаете, что сидящие здесь люди занимались розыском беглых преступников, а потом казнили их в квартире на первом этаже? — осведомился Фокин.

— Еще как подтверждаю, — заявила Окошкина. — Я с ними из-за своего горя оказалась. Воспитывала с пеленок Женю, племянника, сына моего рано умершего брата. Тот долго болел, а когда скончался, после похорон его жена взмолилась: «Тома, пригляди за малышом, я съезжу на выходные к сестре, устала очень за больным супругом ухаживать, отдохну пару деньков». Мы в одной квартире жили, я Женечку обожала. Конечно, отпустила невестку. Та чемодан сложила и... все, больше не видела я ее. Бросила она ребенка. Евгений мне сыном стал. Лучший мальчик на свете! А потом его убил Николай Грибаков.

Тамара сцепила пальцы рук в замок.

— Мой Женя в армии служил. А один генерал строил себе дачу на берегу моря. И солдат как бесплатную рабочую силу использовал. Полковник Грибаков перед начальником прогибался, велел ребятам доставить ему мебель, которую тот в Москве купил. Самолетом. Вот на что государственные деньги тратятся! Мальчиков собралось восемь человек. Они все погрузили, и тут пилот сказал: «Нельзя нам лететь. Погода над морем плохая. Опасно». А генерал полковника тербит: «Где мои диваны-кровати-столы-стулья? Сколько ждать можно?» Грибаков приказал летчику за штурвал садиться, но тот наотрез отказался и ушел. И что? Нашли другого пилота, который не посмел послушаться, испугался, что полковник ему гадостей наделает. И все!

Тамара Николаевна резко выдохнула.

— Упал самолет в море. Из-за генеральской мебели столько человек погибло. Не стало моего Женечки. А мерзавцы в папахх решили правду скрыть. Родственникам объявили, что солдаты погибли во время учений, дескать, в самолете двигатель отказал. Много ли нам надо? Поверили мы. Но тот летчик, который из-за плохих погодных условий отказался транспортным самолетом управлять, рассказал правду. Генерала все-таки

уволители, или как там это у военных называется, а полковника отдали под суд. Но он в тюрьму не сел, испарился из камеры. Убил Женечку, других ребят, а сам на свободе оказался. Я всю жизнь в аптеках работаю, провизор по образованию. Зарплата аховая, чиновных-богатых-знаменитых друзей не имею, жила в «распашонке» двадцать четыре метра площадью, где кухня мне в боках мала... В общем, ничего у меня не было. Как мне за смерть Женечки отомстить? Я только плакала.

Тамара Николаевна схватила со стола карандаш и начала его вертеть.

— В аптеку, где я работаю, мужчина ходил, что неподалеку жил, Петр Юрьевич Венькин. Всегда перед закрытием забегал. Я засов задвинуть хочу, а он говорит: «Простите, Томочка, припозднился». Мы в конце концов подружились, я к Венькиным в гости ходить стала. Жена Петра, Маргоша, постоянно всякие успокаивающие пила. Один раз Петя у меня попросил препарат особого хранения. Я ему ответила: «Мы близкие приятели, могу тебе одну коробочку дать. Да только нельзя такие таблетки без наблюдения доктора принимать. Извини, конечно, но Маргарита уже находится в зависимости от транквилизаторов, почти наркоманкой стала. Понятно, что простые пилюли на нее действовать перестали, поэтому ты просишь «тяжелый» препарат. Но это тупик. Надо не другие снадобья искать, а Риту лечить». И тут он мне рассказал про то, как дочка погибла. А я ему поведала про Женечку. Спустя неделю Петя мне сделал интересное предложение.

Глава 36

Окошкина потеряла лоб.

— У Венькина был дом. Пять этажей. Столько же квартир. В нем жили семьи... — Тамара Николаевна показала рукой на Михаила, затем на Зиновия Павловича: — Лапины и Цыганковы. А еще Надежда Реутова. У всех у них были убиты близкие, а преступники ухитрились сбежать. Мерзавцев не поймали, да и не особенно старались. Поэтому Петр решил, что сам займется поиском гадов. Собрал команду, в нее вошли Светлана, Михаил, Зиновий, Вера. Цыганковы вообще-то не муж и жена.

— Долго нам еще этот бред слушать? — взвился профессор.

Окошкина рассмеялась.

— Ой-ой! А то никто этого не знает. К тебе вечно любовницы шастают, студентки. Брак вы оформили, чтобы вопросов не возникало, почему вместе живете.

— Ну, я пошел! — воскликнул преподаватель.

— Нет, — возразил Олег, — вам придется остаться здесь.

— Вера, за мной! — скомандовал Цыганков, поднимаясь.

Но его супруга покачала головой:

— Тамара права. Я тоже не хочу более в этом участвовать.

— Ага, побежали крысы с корабля, — обрадовалась Окошкина. — Оно и понятно: Петя-то умер, денег мало стало. Те, кто за мзду работал, решили в кусты свалить. Надька за идею боролась, а вы ее убили.

— Я не крыса, — парировала Вера, — и деньги были для меня на последнем месте. Тамара не лжет, мы с Зиновием только на бумаге супруги. У меня своя беда — изнасилование. Преступника задержали, на нем оказалось много аналогичных случаев. Теперь догадайтесь, откуда он удрал? Из автозака! Да, я жива. Восемь раз прооперирована, никогда не стану матерью. Но если бы и могла, все равно ничего не получится, я ни с одним мужчиной в постель не лягу. Я очень хотела найти сволочь, которая меня изуродовала морально и физически. Мечтала, как буду его убивать — медленно, с наслаждением...

Михаил откашлялся.

— Мы не совершили ничего плохого. Да, ловили беглых отмороzków. По сути, выполняли чужую работу. Все, кого мы привозили в квартиру на первом этаже, были судом приговорены к пожизненному заключению.

— Руки у них по плечи в крови! — крикнула Светлана. — На совести

каждого по десять, двадцать жертв. Дети, женщины, старики.

— Вы их убивали, — напомнил Олег.

— Нет! — хором ответили Цыганков и Света.

— Господа, не надо глупо врать, — попросил Макс.

— Мы приводили в исполнение приговор, — уточнил Зиновий Павлович.

— В России действует мораторий на смертную казнь, — напомнила я, — а вы отправляли преступников на тот свет.

Вера посмотрела на меня.

— Пойманного беглеца запирали в деревне. У Петра там специальный дом оборудован. Убежать оттуда невозможно. Там новейшая сигнализация. Кандалы на руках-ногах, на лице маска, которая не позволяет глаза открыть. Предупреждались родственники погибших, они собирались на первом этаже. Мерзавца в мини-вэне в ящике доставляли в квартиру, мы опрашивали присутствующих: кто за смерть? И на основании голосования выносили вердикт: или используем яд, или отдаем объект в руки закона. Петя всегда объяснял: «Жизнь в спецколонию намного хуже смерти». И показывал собравшимся документальные фильмы о пожизненниках. И правда жуткие.

— Большинство родственников голосовало за заключение, — вмешалась Тамара Николаевна. — Пока идет расследование, суд, кажется, что люди готовы убить тех, кто им столько горя причинил, они вслух заявляют об этом своем желании. Но когда до дела доходит, мало кто вопит: «Убить его!» Сначала все молчат, переглядываются, кто-то плакать начинает, потом один из собравшихся шепчет: «Не хочу брать грех на душу. Пусть на зоне сидит и мучается». Родственники поспорят, покричат, повоюют, и мерзавца увозят. Живого!

— Куда? — спросила я.

— Преступника мы доставляли к головному офису Главного управления исполнения наказаний, — сказал Зиновий Павлович. — Звонили им, ждали поодаль, пока выйдут и заберут его. Под уколom мразь перевозили.

— Да, так все и делали, — слишком честными голосами заверили Светлана и Михаил.

Я посмотрела на Макса. Понятно. У них есть кто-то в структуре, которая ведаёт заключёнными, команда связывалась со своим человеком.

— А кто занимался транспортировкой? — заинтересовался Вульф. — Имею в виду шофера белого фургона, взятого внаём. Он назвался Иваном. А нам известно, что мини-вэн брал напрокат мужчина, который показывал

паспорт умершего Васькина.

— С ним имела дело исключительно Реутова, — живо сказал Цыганков, — кое в какие детали она нас не посвящала.

— Мы, вернее, каждый из нас выполнял свою работу, — подхватила эстафету вранья Светлана, — в технические вопросы не вмешивались. С Иваном незнакомы.

Я молча посмотрела на Лаптеву. Поскольку Надежды Владимировны нет в живых, команда получила возможность говорить про нее что угодно. Но ясно же как день, что они в курсе, кто такой перевозчик, но не хотят сообщать его настоящее имя.

— Значит, вы никого не казнили? — уточнил Фокин.

— Пока был жив Петр, нет, — тихо произнесла Вера. — Он всегда говорил: «Мы на стороне закона, но и на стороне родственников. Мы особая бригада».

— Вот с Николаевым иначе получилось, — сказала Светлана, — Александром Сергеевичем его звали, да только не Пушкин он. В его случае родственники жертвы все как один сказали: «Не жить ему». Никто не колебался, не мялся, одновременно все крикнули: «Смерть!»

— Это был полицейский, который за большие деньги помогал экам бежать, — растолковал Михаил. — Александра не волновало, что перед ним не просто преступник, а убийца, маньяк. Без разницы ему было, лишь бы платили.

— Он подарил свободу Геннадию Маркову, на совести которого гибель более тридцати женщин, — подхватила Вера. — Нам голосовать не разрешалось, мы просто присутствовали, но я бы тоже закричала: «Казнить!»

Светлана покраснела.

— Очутившись на свободе, Марков принялся за старое — убил еще восемь несчастных. В конце концов его вычислили, окружили дом, в котором преступник прятался. Гад попытался удрать, но его взяли. Он выдал Николаева, того судили.

— Да только он сбежал, когда его на зону везли, — объяснил Михаил, — а мы его отловили.

— Такой человек хуже убийцы, — отрезала Светлана. — И вообще мне непонятен плач о справедливости, о соблюдении прав человека, когда речь идет о тех, кто лишает жизни наших детей. На кол их!

— И тогда ты сама будешь убийцей! — воскликнула Тамара Николаевна.

— Сволочь! — выкрикнула в ее сторону Света. — Предательница! Из-

за тебя все разрушилось!

— Окошкина права, — встала на защиту бывшей соседки Вера.

— О, еще одна жаба в нашем коллективе отпочковалась! — гаркнул Михаил.

— Не смей мою жену обзывать! — возмутился профессор.

Светлана шлепнула ладонями по столу.

— Супер! Она тебе никто, живете как соседи. Или нет? Верка решила со старым мясом...

Криминалист вскочила.

— Заткнись! У тебя в башке одни деньги. Мишка твой жаднее скупого.

Разгорелся скандал, который плавно перешел в драку. Но прибежавшая охрана не дала рукопашной перерасти в полномасштабную битву. Красные, потные, злые люди снова расселись вокруг стола и начали говорить, перебивая друг друга. Спустя некоторое время мне все стало ясно.

Глава 37

Идея заняться поисками беглых преступников принадлежала Петру Венькину. Он выстроил дом, собрал команду, поселил всех в одном здании. И он же платил сотрудникам зарплату. Реутова была пенсионеркой, Светлана считалась домашней хозяйкой. Вера числилась корреспондентом журнала, хотя ни разу не появилась в редакции. Михаил владел маленьким магазинчиком, но там всем рулила продавщица. Бригада занималась только поисками преступников. Один Зиновий Павлович продолжал читать лекции — он наотрез отказался бросить службу. Почему? По коридорам института ходили хорошенькие студенточки, а педагог был жаден до юного женского тела. Брак с Верой фиктивный, возраст у Цыганкова солидный. Какие шансы у далеко не юного преподавателя вуза на то, что он привлечет к себе внимание розовощекой нимфы? Имейся у профессора Цыганкова яхта, загородный дом, солидный счет в банке, рой красавиц прилетел бы на благоухание богатства. Но таковых не было, только студентки-аспирантки, которые зависели от оценок, улыбались Зиновию Павловичу, а кое-кто из бутончиков приезжал домой на консультации. Вера знала о «хобби» пожилого сластолюбца и многократно говорила ему:

— Прекрати бегать за клубничкой. Не дай бог, Петя узнает о твоих художествах.

— Не неси чушь, — сердился Цыганков, — я просто провожу занятия.

— Ох, доиграешься, — вздыхала Вера, — выгонит тебя Петр Юрьевич из команды, лишишься и квартиры, и заработка, вернешься в свою грязную нору.

— У меня прекрасное жилье на Садовом кольце, — отбивался профессор.

— Прямо дворец! — смеялась лжесупруга. — На первом этаже, окнами на магистраль, которая никогда не спит. Садовое кольцо разное. Твоя халупа находится рядом с Курским вокзалом, вокруг бомжи, провинциалы. Короче, перестань на девочек охотиться. Или...

— Или что? — злился профессор. — Донесешь на меня Петру? Так он нас вместе выгонит. Забыла, что мы муж и жена?

Петр твердой рукой руководил поисками, и он был против казней. Но всегда говорил:

— Жить или не жить мерзавцам, решать не нам. Пусть родственники пострадавшего выбор делают.

Яд вкололи только один раз — на смерть осудили человека с простой фамилией Николаев. Остальных сдавали в ГУИН.

Розыскное бюро успешно трудилось не один год, а потом Петр Юрьевич умер. Не успела на могиле бизнесмена осесть земля, как в дом явился его сын от первого брака. Юрий сказал Надежде Владимировне:

— Отец завещал мне квартиру на первом этаже. Перед смертью он мне объяснил: «Апартаменты твои. Но! Продать их ты не можешь, они сданы Надежде Владимировне Реутовой. Выселить ее ты права не имеешь, арендная же плата за жилье предназначается тебе на жизнь. Вот если Реутова умрет, тогда делай с хоромами, что пожелаешь, все запреты снимаются. Или если она сама съедет». Здорово, да, что сбыть квартиру и купить себе оранжерею, бизнес начать, я не могу? Но куда деваться? Вот только я могу так устроить, что вы, гражданочка, живо вон сбежите. Как я это сделаю, рассказывать не стану, но уж поверьте: удерете отсюда живехонько. Отец что-то бормотал о выполнении какой-то благородной миссии, об очень важных делах, коими вы тут занимаетесь... Так вот, плевать мне на то, кто и что в квартире творит. Есть два условия. Коли хоромы вам нужны, то платите мне больше, иначе я выживу вас. А еще хочу зайти посмотреть на свою собственность.

Надежда Владимировна согласилась на повышение арендной платы, провела экскурсию по апартаментам, потом собрала членов команды и рассказала им о визите жадного наследника.

— Мы будем продолжать начатое, — твердо сказала Реутова, — нельзя бросать дело, которое основал Петр.

— Мне бы тоже не хотелось прекращать нашу деятельность, — вздохнул Зиновий Павлович. — Но на что жить будем? Деньги как заработаем?

— Поскольку я теперь главная, — заявила Надежда Владимировна, — то решу все проблемы.

— Почему ты? — возмутилась Света.

— А кто еще? — пожала плечами Реутова. — Я была правой рукой Пети, мы с ним с нуля все раскручивали. У меня контакты, связи и... деньги. Петр оставил приличную сумму. Уже давно ее в банк положил, несколько раз говорил мне: «Надя, если со мной что случится, то на первое время вам хватит, а там разберешься».

Реутова повела дело жестко. Для начала она увеличила плату, которую вносили родственники пострадавших, но потребовала от команды действовать быстрее. Вела себя прямо как феодал — хотела заработать побольше. Когда подчиненные стали выражать недовольство, жаловаться,

мол, у них теперь нет времени даже чайку попить, Реутова парировала:

— Зато у нас есть Юрий, которому нужно платить за пределами высокую арендную плату. Хотите вкусно кушать? Впрягайтесь и тащите воз.

Но не кнут в руках Реутовой и алчность Юрия Венькина раскололи команду. У Надежды Владимировны были принципиально иные, чем у Петра Венькина, взгляды на смертную казнь. Пожилая дама откровенно говорила родственникам:

— Хотите, чтобы подлец жил? Но ведь он заслужил смерть.

Реутова откровенно подбивала людей сказать: «Давайте убьем его». Тем не менее родственники жертв, приходившие в квартиру на первом этаже, боялись принимать такое решение, и очередной преступник отбывал в бессознательном состоянии в ГУИН. Но однажды голоса родственников разделились поровну: трое за казнь, такое же количество против. Надежда Владимировна предложила проголосовать членам команды. Сама она ратовала за смерть, Светлана и Михаил тоже опустили большие пальцы вниз. Вера и Тамара Николаевна были за то, чтобы преступник отправился к месту пожизненного заключения. Зиновий Павлович думал дольше всех и примкнул к стану Реутовой.

Окошкина впала в панику. Ей, имеющей медицинское образование, вменялось в обязанность добывать специальные препараты и вводить их беглецам. На случай казни давно запаслись ядами. Тамара Николаевна недрогнувшей рукой делала инъекции, необходимые для перевозок, но, согласитесь, ввести отраву, то есть собственноручно отнять у человека, пусть даже и жестокого убийцы, жизнь, — это совсем другое. Провизор была не готова совершить это.

А как же казнь Николаева, полицейского, который помогал очутиться на воле преступникам? Окошкина избежала тогда роли палача. Члены команды раз в год брали отпуск, отдыхали по очереди. Так вот Тамара Николаевна как раз грела косточки в Турции, когда мерзавец отправился на тот свет. Кто воткнул в приговоренного иглу шприца с отравой, она не знала и знать не хотела. Но сейчас-то все смотрели именно на нее! Не передать словами, какой ужас охватил Окошкину.

И тут вдруг Света воскликнула:

— Он не дышит!

Тамара Николаевна подошла к столу и поняла: преступник мертв. Похоже, у него от стресса случился инфаркт. И в этот раз Окошкина не стала заплечных дел мастером.

Но учитывая, что Реутова кровожадна, Светлана и Михаил тоже

пылали желанием отправить на тот свет тех, кого им удалось поймать, и к этой группе примкнул еще и Цыганков, аптекарше стало ясно: не за горами день, когда ей придется взять в руки шприц.

Ее стала мучить бессонница, ей оставалось лишь благодарить бога за то, что пока у команды нет нового клиента. А потом ей в голову пришла идея: квартира-то ее собственная, стоит дорого, в ней отличная мебель, прекрасная отделка — Петр Юрьевич не пожалел в свое время средств, обустроил команду с комфортом. Надо продать жилье и смыться отсюда, исчезнуть. Работать дальше с коллективом карателей она не хотела. Одна беда — Окошкина боялась, что риелторы ее обманут. А еще они поместят объявление в Интернете, а там его может увидеть Реутова. Нет-нет, надо самой искать покупателей. Но действовать необходимо очень быстро. Сейчас пока у «бригадира» нет новых клиентов, но они точно появятся.

Окошкина начала просматривать предложения о покупке жилья и совсем приуныла. Люди хотели приобрести не очень дорогие квартиры, а ее апартаменты из разряда элитных, такие и за несколько лет можно не сбыть с рук. Тамара Николаевна мечтала сбежать куда подальше и по возможности побыстрее от тех, с кем долго работала, но среди массы объявлений ни разу не мелькнуло ничего похожего на: «Нужна квартира около ста пятидесяти квадратных метров в центре города. Куплю дорого». Она почти впала в отчаяние, поэтому однажды на дежурный вопрос консьержки: «Как дела?» — неожиданно для самой себя выпалила:

— Плохо! Мне надо срочно продать квартиру!

Выложив в сердцах правду, она прикусила язык, а Наташа сказала:

— Одна женщина в соседнем доме сказала мне, что хочет переехать. Давайте я ей ваш телефон сообщу?

— Только никому в нашем подъезде об этом ни слова, — попросила Окошкина. — Хочу сохранить сделку в полной тайне. Вдруг Цыганковы или Лаптевы тоже захотят местожительство сменить и подсуетятся быстрее меня?

— Никогда о чужих делах не рассказываю, — заверила Наташа. — У меня есть визитка риелтора, которая очень быстро все сделает, у нее специализация такая: продать-купить жилье за неделю. Я у Елены Петровны когда-то полы мыла. Хотите ее контакт?

И все произошло почти мгновенно.

Ну да об обстоятельствах переезда нас с Максом в новые апартаменты уже известно.

Тамаре Николаевне удалось проделать все скрытно. Ей повезло — клиентов у команды все еще не было, Реутова занималась их поисками,

остальные бездельничали, никто не интересовался, что делает провизор. Окошкина оставила нам с Максом все, кроме личных вещей. Их она выносила в хозяйственной сумке и прятала в однокомнатной квартире, которую заблаговременно сняла. Тамара понимала: Надежда непременно будет ее искать. Поэтому не совалась в дом, где жила до того, как Петр предложил ей работу, и где у нее до сих пор была своя норка. Никто из команды и не подозревал, что Окошкина решила сбежать. А потом появились мы и вселились в ее апартаменты.

Поняв, что аптекарша скрылась в неизвестном направлении, Реутова сначала опешила, потом испугалась и велела членам команды сидеть тихо. Понятное дело, она навела справки о новых жильцах, узнала, что Макс владелец крупного детективного агентства, и с трудом сохранила самообладание. Одновременно Надежда Владимировна начала поиски сбежавшей Тамары. Но та прекрасно знала, как будет действовать Реутова, и хитро замела все следы.

Мы бы тоже не выяснили, куда подевалась Окошкина: та жила на съемной квартире, кредиткой не пользовалась, прежний мобильный выбросила и приобрела самый дешевый аппарат, не подключенный к Интернету. Окошкина не один год проработала в команде и очень хорошо знала, как охотничьи терьеры берут след зайца. Но Макс вдруг вспомнил, что в день, когда Тамара забрала большую сумму наличкой из ячейки банка, она на его глазах села в машину. Помнится, я посоветовала ей положить деньги на счет, но дама отказалась. Тогда меня это удивило. Да, в России до сих пор покупатель и продавец недвижимости не доверяют друг другу, поэтому валюту закладывают в сейф «живыми» купюрами. Но потом-то, когда все подписано, проверено и зарегистрировано, можно открыть счет. И я не понимала, почему Тамара Николаевна потащила деньги за проданную квартиру в сумке. Но теперь стало ясно: Окошкина не хотела оставить за собой хоть какой-нибудь след.

Так вот! Вульф припомнил, что машина, в которую она села, была от фирмы «Извозчикъ Ивановъ». Эта контора одновременно с тачкой предоставляет и охрану. Остальное просто — мы нашли автомобиль, который был вызван к банку, узнали у секьюрити, по какому адресу отвезли Окошкину. Тамара Николаевна вышла у подъезда дома, охрана довела ее до квартиры. Даже самый осторожный человек может совершить ошибку. Провизор предусмотрела вроде бы все, кроме одного, что Вульф совершенно случайно, стоя в мужском туалете, увидит в окно, в какой автомобиль она садится.

Но вернемся к команде.

Надежда Владимировна протрубила общий сбор, объявила коллективу:

— Случилась неприятность... — И сообщила о бегстве подельницы.

— Окошкина тварь! — взвился Михаил.

— Ни к чему сейчас негодовать, — остановила его Реутова, — временно уходим на дно и думаем, как избавиться от новых жильцов.

Члены команды начали сыпать предложениями: подбросить в наши апартаменты тараканов... отравить собак... спрятать у нас тухлые яйца... И еще много похожего «креатива».

— Глупостью занимаемся, — сказал в конце концов Лаптев. — Ну уедут они, продадут хоромы. Другие жильцы появятся. Что с ними делать?

— Сидим тихо, смотрим, как новые соседи себя поведут, — приняла решение Реутова. — Если узнаем, что они разнюхивают, подслушивают...

— Продадим свои квартиры, купим другие и съедем, — договорил Михаил.

— Будем переживать трудности по мере их поступления, — подытожила Света. — Пока у нас отпуск.

— Главное, Надя, спокойствие, — менторски посоветовал Цыганков, — нервные клетки не восстанавливаются.

Но впасть в нирвану Реутова никак не могла. Она велела Михаилу собрать всю информацию о Евлампии и Максе, но ничего интересного не выяснила. Надежда Владимировна решила подкупить конфетами Кису, но девочка отвергла подарок и рассказала мне о предложении соседки. Я не занервничала. Неприятно, конечно, что в подъезде живет чрезмерно любопытная соседка, но куда без них? Хорошо хоть, бабки у дома на скамеечке не судачат.

Глава 38

Для Надежды Владимировны настало трудное время. Клиентов она временно искать прекратила, следовательно, отсутствовал заработок.

У команды и раньше бывали простои, но зарплата падала всем в лапки регулярно — Петр Юрьевич не скупился. А Реутова не заплатила людям, в рядах сотрудников забурило недовольство. Михаил и Вера потребовали от начальницы перестать бояться. Они были уверены, что Макс и Лампа просто купили квартиру, которую продала им Окошкина.

— Делать им больше нечего, как столько бабла тратить ради того, чтобы выяснить, чем мы занимаемся, — фыркал Лаптев. — Начинай искать заказчиков. У нас же дети! Знаешь, какие на них расходы? Или возьми бабки у своего сына-олигарха.

— Если ты не хочешь работать, — ныла Вера, — то это понятно. Возраст у тебя не юный, задора нет, здоровье не то, что раньше... Что ж, я готова вместо тебя взять бразды правления.

Масла в огонь добавлял и Юрий Венькин, которому не перечислили арендную плату. Он встретился с Надеждой Владимировной и заявил:

— Или через неделю вся сумма будет у меня на столе, или я распоряжаюсь квартирой по своему усмотрению.

— Эй, ты не можешь ее продать! — встревожилась Реутова.

— Есть юрист, который прекрасно решит этот вопрос, — огрызнулся Юрий, — он специализируется на подобных случаях. Можешь в Интернете с ним познакомиться. Его зовут Семен Борисов. Семь дней даю. Если денег не получу, придет адвокат.

Беседа с Венькиным велась в метро. Реутова в истерическом состоянии вернулась домой, в панике позвонила Цыганкову. Профессор ответил не сразу. Но все же взял трубку.

— Поговорить надо, — зачастила Надежда, — сейчас зайду.

— Не надо, — прогудел педагог, — я в ванной. Соединюсь с тобой, когда выйду.

И тут из трубки послышался девичий голос:

— Зиновий Павлович, сколько вам сахара в кофе класть?

— Ты опять шлюху привел? — рассвирепела Реутова. — Я же просила не кобелировать!

— Она студентка, порядочная во всех смыслах. И не твое дело, чем я в своей квартире занимаюсь, — прошипел профессор и сразу отсоединился.

Надежда Владимировна понеслась к Цыганкову. Наверное, у нее в груди все kloкотало от возмущения. После смерти Петра Реутова постоянно и в личной беседе, и на совещаниях просила, а потом стала требовать от престарелого Дон Жуана перестать приглашать в гости нимфеток.

— Неприятности нам не нужны, — увещевала она сластолюбца, — девки дуры, устроит какая-нибудь тут драку, скандал закатит, из окна выпрыгнет...

— Не носи чушь, — злился Зиновий Петрович, — ты скоро от своей тени шархаться станешь.

Надежда Владимировна опасалась громко скандалить, но со своим желанием «наподдать» профессору не справилась. Похоже, от всех упавших на ее голову забот железные нервы Реутовой покрылись ржавчиной.

Как развивались дальнейшие события, я уже наблюдала лично.

Мы с консьержкой мирно беседовали и услышали женский крик с просьбой о помощи, решили, что он несется с пятого этажа, помчались вверх и застали Реутову возле двери Цыганковых. Увидав нас, Надежда Владимировна сумела собрать в кучку остатки самообладания и соврала:

— Шла мимо, песенку напевала: «Ля-ля-ля». Услышала, как кто-то наверху кричит: «Помогите!», испугалась, поспешила посмотреть, что к чему, — пробормотала она.

Я не поверила соседке, решила, что та просто подслушивала у двери.

И тут по подъезду прокатилось:

— Убили! Убили! Убили!

Следом раздался визг.

— Спасите!

Мы все кинулись на крик и узнали, что по квартире Лаптевых бегают мышь. Перепуганная Светлана стукнула заварочным чайником Реутову, которая без спроса вбежала в ее апартаменты. Ну просто комедия!

Вот только завершился вечер не смешно. Реутова была найдена Сергеем Петровичем, ее приемным сыном, в своей квартире мертвой.

Выяснилось, что Каменев знал, чем занимается родная тетя, воспитавшая племянника-сироту. В последнее время он несколько раз помогал ей деньгами, давал большие суммы. Владелец холдинга желтой прессы нанял нас с Вульфом для выяснения обстоятельств смерти Надежды Владимировны...

В нашей переговорной повисла тишина. Все присутствующие замолчали. Через пару секунд я не выдержала:

— Зачем вы убили Реутову? С Юрием Венькиным понятно — тот хотел забрать свою недвижимость, ваше лобное место.

— С ума сошла? — закричал Михаил Лаптев. — Среди нас нет преступников! Наоборот, мы меч, карающий негодяев. Мы не убийцы!

— Осуществи Юрий свое желание, то есть продай он хоромы, радости никто из нас не испытал бы, — заявил Зиновий Павлович, — но переехать машиной человека, пусть и жадного, неприятного... Могу вас заверить: никто из присутствующих на это не способен.

— Возможно, Надя и правда покончила с собой, — пробормотала Светлана.

— Не похоже, — возразил Макс.

Цыганков откашлялся.

— Примем как данность то, что мы не могли совершить эти преступления, и посмотрим на события со стороны логики. Итак. Реутова жива, не заплатила аренду, а сын Петра смог обойти договор и выставил апартаменты на продажу. Да, сие доставило бы команде определенные трудности. Но есть выход — мы продаем свое жилье, получаем немалые деньги и перебираемся в другое место. Кстати, даже выиграли бы от смены центрального района на окраину. Возможны и другие варианты. Например, мы вообще можем поселиться в области. Когда Окошкина свои хоромы продала, мы же не пошли ко дну, причем Петра с нами уже не было. Сейчас вы рассказали, что Надежде в последнее время деньгами помогал ее племянник. Я в курсе их взаимоотношений. Наде не нравилось, что вокруг меня крутится много красивых молодых женщин, но она понимала: я — единственный человек в бригаде с хорошим воспитанием. Нас многое роднило: любовь к красивым вещам, к книгам. Со мной Реутова бывала откровенной. Мне было хорошо известно, что она не любила детей. Скажу прямо: младенцы вызывали у нее брезгливость, а подростки раздражение. Но Надежда не сдала малютку-племянника в приют, вырастила его, воспитала, дала образование. Да, она оказалась холодна эмоционально, строга, душевного тепла от нее ждать не приходилось, но у Сергея была уютная комната, вкусная еда, одежда, игрушки. Надежда много работала, чтобы обеспечить ребенку достойные условия. Каменев был ей благодарен, денег у него сейчас сундуки. Встревоженный после смерти Петра Венькина я пришел к ней с вопросом: «Что будем делать, если клиентов долго не найдем?» Она ответила: «Сережа поможет». Реутова не паниковала, знала, что племянник ее поддержит в трудный момент. И, как выяснилось, она получила от него финансовую поддержку. Собственно, уже можно подвести итог. Повторяю: продажа Юрием квартиры создала бы нам трудности, но

они преодолимы. И мы не убийцы. Вывод: сына Петра задавили не члены команды. Или вы ошиблись, и произошел несчастный случай. Теперь о Реутовой. О нас можно всякое сказать, у каждого свои грешки. Но! Снова заявлю: мы не убийцы. Назовите хоть одну причину, по которой кто-то из нас хотел бы расправиться с Надеждой Владимировной. Она стала командиром, и только она одна могла найти клиентов, попросить у Сергея денег. То есть как раз потеря Реутовой для нас катастрофа. Не понимаю, почему вам в голову пришло совершенно абсурдное предположение об убийстве нами Нади? Замечу кстати, что она в последнее время сильно нервничала.

— Не настолько, чтобы добровольно уйти из жизни, — возразила Вера.

— Я знал ее намного лучше, чем ты! — рассердился профессор.

— Квартира Реутовой, ее посуда, оформление спальни, одежда — все свидетельствует о том, что Надежда придавала большое значение красоте окружающих ее предметов, — сказала я. — А снотворное она выпила из самой дешевой кружки. Такая в квартире одна нашлась. Похоже, она не принадлежала Надежде.

— Вы не правы, — возразила Вера, — Надя ездила с экскурсией в Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде. Там есть источник. У Реутовой в то время желудок болел, лекарства не помогали. Кто-то ей посоветовал целебной воды в обители попить. А у ключа стаканов одноразовых не было. Надя начала ладошкой воду набирать, и тут к ней подошел монах, дал кружку и сказал: «Пейте, сестра. Домой потом чашку унесите, наливайте в нее любую жидкость, она вам в добро пойдет». Надежда была не воцерковленным человеком, но монаху поверила. Стала из кружечки пить, и желудок прошел вскоре. Она тем фаянсовым страшилищем очень дорожила.

— Мы об этом не знали, — пожал плечами Макс. — Но еще есть блистеры с разными номерами, сроком годности, хотя все подстроено так, будто они лежали в одной коробке. Эксперт установил, что снотворное растворили в минералке. Реутова налила полную чашку из бутылки, выпила ее и заснула навсегда. Записки она не оставила.

— Вот это весьма странно, — согласился Цыганков. — Я прекрасный профайлер, умею составлять психологические портреты людей, с которыми никогда не встречался. А с Надей у меня было плотное общение не один год. Поверьте, решив свести счеты с жизнью, она написала бы пространное объяснение своему поступку. Хотите знать мое предположение?

Макс молча кивнул. Цыганков почесал щеку.

— Никто из нас не получил специального образования в розыскной работе, на ищеек мы не обучались. Мы просто отличные знатоки своего дела. За годы существования команды методом проб и ошибок мы научились находить тех, кто изо всех сил старался спрятаться. Да, мы совершали ошибки, не каждому клиенту смогли помочь, но стали опытными профессионалами. И, думаю, мое мнение сейчас совпадет с мнением коллег.

— Надо обратить внимание на родственников преступников, — вмешался в монолог профессора Михаил, — для нас те, кого мы разыскивали, кого и убить не жалко, гады, а их родители, жены, любовницы, дети, несмотря ни на что, любят этих подонков и считают мерзавцами нас, людей, вычисливших преступников и вернувших их за решетку.

— Лично мне показалась странной внезапная болезнь Маргариты, жены Петра, — сказала Вера. — Ольга сообщила Евлампии, что у ее матери старческое слабоумие. Деменция может развиваться и в более ранний период жизни, меня не возраст Маргариты поразил. Смутило спонтанное появление недуга и удивительно быстрое его развитие. Вела себя нормально и — раз, лишилась разума. Это могло бы случиться, если бы больная перенесла инсульт.

— Нет, — возразила я, — Оля говорила, что мать ушла в салон здоровой, сделала маникюр, а потом вдруг забыла дорогу домой. И вскоре уже плохо помнила, как ее зовут, а спустя короткое время совсем обезумела. Очень все быстро произошло.

— Слабоумие начинается иначе, — продолжала Вера, — подкрадывается незаметно, на цыпочках. Медленно ослабевает память. Сначала всем смешно: мама не помнит, как звали ее родную сестру. Но потом больная восклицает: «Таня она! Конечно! Ой, у меня склероз!» И так может длиться довольно долго, родственники не волнуются. Ну не может уже пожилая женщина порадовать семью пирогом, который всегда по воскресеньям пекла, ну надела левый ботинок на правую ногу. Подумаешь! Мама просто устала, у нее много забот, надо ей поехать отдохнуть... Но процесс уже пошел и усугубляется, а через несколько лет в доме инвалид. Скорость развития деменции, ее течение индивидуальны. Одни могут десятилетия находиться на стадии: «Ой, опять не помню, как геркулесовую кашу варить», другие за год превращаются в беспомощное существо, не способное самостоятельно себя обслуживать. Но ведь это за год, а не за час! Теперь вспомним другое. Вы рассказывали нам, что кто-то пугает сиделок Маргариты Леонидовны, горничных, вынуждает их покинуть

место работы. В этом я вижу явное желание навредить семье Венькиных. Дети и невестка прикованы к матери, вынуждены сами ухаживать за ней. Даже очень любя Маргариту, они смертельно устали. Человек со слабоумием — трудное испытание для тех, кто рядом. Вылечить его невозможно, общаться нормально с таким больным не получается, и это тяжело морально. Часто люди с этим недугом озлоблены, а кому приятно видеть, как ранее ласковая, заботливая мать теряет человеческий облик, испытывает к тебе ненависть. Уход за таким пациентом и физически труден, и материально обременителен, на одни памперсы состояние потратишь. Так вот, я думаю, что Маргариту отравили. Есть на свете яды, которые не лишают человека жизни, но превращают его в овощ, в умственно неполноценную личность. Ольге надо вспомнить, кто заходил к ним в гости в тот день, когда ее мать неожиданно потеряла рассудок.

Я кивнула.

— Мои мысли шли в том же направлении. Правда, я подумала, что Маргарита Леонидовна тайком от семьи принимала наркотики.

— Говорила уже, она сидела на мощных антидепрессантах, — встряла в разговор Окошкина.

— Ольга о том, что ее мать была зависима от лекарств, не сообщала, — вздохнула я, — но мне пришло в голову, что безутешная женщина после потери маленькой дочки принимала некий препарат. И навряд ли она ходила по врачам за рецептами. Вдруг купила какое-то снадобье, скажем, у знахарки? Возможно, целительница приходила к Венькиным домой... Но Оля отвергла это предположение. Она сказала, что Петр Юрьевич не любил посторонних в доме и даже семейные праздники, чтобы не звать гостей к себе, Венькины отмечали в кафе. Еще заверила меня, что к народным лекарям мама никогда не обращалась. Накануне рокового дня никаких проблем со здоровьем у нее не было. В доме тогда служила горничной некая Люся, Людмила Павловна Ершова. Прекрасная прислуга, просто идеальная. Хозяйка на нее нарадоваться не могла. Сейчас вспомню, что о ней Ольга говорила... Кажется, так: москвичка, не пьет, не курит, семьи у нее нет, занята только работой. На вид хрупкая, но обладает завидной физической силой. Не красавица, что при наличии в доме двух мужчин весьма предпочтительно. Невероятная чистюля. Готовит — язык проглотить. Молчаливая. Обожала хозяйскую кошку, вечно ее целовала-гладила. Проработала три месяца, заменила прежнюю прислугу, которая внезапно ушла. Ни разу не опаздывала по утрам. Вот как хвалила эту горничную Оля. А когда ее мать вдруг заболела, Люся очень помогла семье, десять дней ухаживала за хозяйкой, пока искали сиделку. Но едва в доме

появилась медсестра, у Людмилы заболел отец, она взяла отпуск и более в семье не появлялась.

— Странно, — протянула Вера.

— Не вижу ничего подозрительного, — пожал плечами Костин.

— А почему она не захотела дальше работать? — прищурилась Светлана.

— Ершова решила покинуть дом, где появился инвалид, — нашел объяснение Костин.

— Возможно, вы правы, — согласился Макс, — но следует все же поговорить с Ершовой. Мы совершили ошибку, не сделав этого раньше.

— Профессор прав, — сказал Михаил Лаптев, — у преступников были семьи. У нас есть список тех, кого мы отыскиали и вернули в места весьма отдаленные, но, понятное дело, начинали мы работу с информации о родственниках беглецов.

Глава 39

На следующий день вечером Макс, Володя, Игорь и я сидели в кабинете Вульфа.

— Гарик, у тебя глаза, как у больного кролика, — сказал Костин.

— Я сутки, глядя в мониторы, просидел, — вздохнул компьютерщик, — никакие капли не помогают. Но вроде понял, кто, возможно, главное действующее лицо. Я нашел домработницу Венькиных. И — та-ра-рам! Людмила Павловна Ершова спокойно обитает в Москве, год рождения совпадает, проживает по адресу, который в паспорте указан. Все похоже, но эта Люся — не наша Люся. Ершова работает в супермаркете, причем давно. Когда домработница Людмила мыла полы у Венькиных, кассирша Людмила пробивала чеки, ее постоянно видели и покупатели, и сотрудники. Настоящая Ершова никогда смены не пропускала, она вообще очень ответственная, ее хотят сделать главным администратором. Я связался с Ольгой Венькиной, выяснил: горничная у них появилась в конце марта. А десятого марта у кассирши украли сумку. Срезали, когда она в метро ехала. Пропали деньги, косметика и... паспорт. На основании заявления в полицию кассирше Ершовой выдали новый документ. Понятно?

— Да уж! — покачал головой Костин.

— Теперь о родственниках преступников, — перешел к другой теме Игорь. — Всего за годы работы командой найден тридцать один человек. Учитывая малое количество сотрудников, это очень высокий результат. У четырех убийц никого из родных нет, они воспитанники разных детдомов. Отец, мать, сестра одного преступника — члены секты «Путь к спасению», живут где-то на Алтае в замкнутой общине. От двадцати двух осужденных родня отказалась. Дети, жены, родители — все поменяли фамилии и постарались затеряться на просторах России. Их поведение понятно: если соседи или коллеги по работе узнают, что рядом находится, скажем, супруга маньяка-педофила, на совести которого десятки замученных маленьких детей, мало женщине не покажется. Осталось четверо негодяев, кого поддерживают близкие. Итак... Ваганов. Осужден за восемнадцать убийств. У него есть мать, которой сейчас восемьдесят шесть лет. У нее букет болезней, она живет в Кемеровской области, никуда не выезжала долгие годы. От сына не отказывалась, слала ему письма в СИЗО, но навестить не могла — не было сил и денег. Агалбеков. Его отец инвалид по

диабету, ампутирована нога, он не ходит. За ним ухаживает дочь. Больше родни нет, живут на границе с Таджикистаном. Старик и дочь плачут, говорят, что Исмаила оговорили, не мог он пенсионеров по голове молотком бить и деньги отнимать, не так его воспитывали, он хороший, добрый. Денег и здоровья на то, чтобы поехать в Москву, у Агалбековых нет. Сергеев. Москвич, есть сестра. На момент ареста была жива мать, она навещала сына в СИЗО, приносила передачи. Когда объявили приговор — пожизненное заключение за убийство водителей на пригородных трассах с целью захвата их транспортных средств и личного имущества, — упала без сознания. Инсульт. Умерла в зале суда до прибытия «Скорой». Сестра после кончины матери содержится в доме престарелых, у нее синдром Дауна. Итого — у тридцати преступников нет близких, способных мстить.

Гарик замолчал.

— Продолжай, — велел Макс, — выкладывай скорее, что нашел.

— Помните бывшего полицейского Николаева, который за нехилую мзду устраивал преступникам побег? — осведомился Игорь.

— Конечно, — ответил Костин.

— У него есть сын Григорий. Парень прекрасно учился, после окончания школы поступил в творческий вуз, на втором курсе стал сниматься в кино, на его счету несколько сериалов. Роли он исполнял эпизодические, но светился в телешоу на разных каналах. В конце концов его активность дала плоды — Грише предложили главную роль в большом проекте. Должен был сниматься детектив. Младшему Николаеву предстояло сыграть умного следователя, не имеющего личной жизни. Приличный гонорар, долгие съемки, а после выхода сериала на экран у актера точно появилась бы армия фанатов, и ему потом предложили бы другие роли. Считаю, карьера состоялась. Сотни лицедеев о таком проекте мечтают. Пресса, тусовки, поездки по стране на фестивали, девицы за автографами в очередь выстраиваются... Короче, Гриша вытащил счастливый билет. На роль следователя было три кандидата. И режиссер, и продюсер хотели «незамыленное» лицо, им был нужен нераскрученный актер, но уже с опытом. Все кандидатуры подходили, но выбрали Николаева. Почему? Начальник рекламного отдела производственного объединения, которое затевало съемки, сообщил: «У Григория отец работает в полиции. Получится шикарный пиар. Я уже придумал мульку: Гриша с детства сидел у отца в кабинете, хотел стать следователем. Один раз подросток поймал на улице преступника, фото которого видел у отца в кабинете... Конечно, на самом деле этого не было, но кто проверять станет».

Гарик развел руками.

— А вскоре случился облом. Когда Григорий приступил к съемкам, папашу его сцапали сами знаете за что. Режиссер и продюсер обрадовались: теперь у сериала будет ну совсем оглушительная реклама. Однако главный инвестор, совладелец одного из крупных банков, потребовал немедленно заменить исполнителя главной роли. Съёмочная группа попыталась переубедить его, объясняла: черный пиар даже лучше белого. И сын за отца не отвечает. Но денежный мешок, который пристроил на роль любимой девушки следователя свою молодую жену, отвечал: «Нет! Или Григорий идет вон, или уходит моя супруга. Естественно, вместе с деньгами, которые я собрался в проект вкладывать». Финансовый аргумент всегда самый убедительный. Сценарий переписали за пару часов. В середине первой серии следователя, которого играл Гриша, убил бандит. Вместо него появился другой полицейский.

Игорь замолчал.

— И где парень сейчас? — осведомился Макс.

Компьютерщик вздохнул.

— Я могу многое, но не все. Квартиру он продал. Куда подевался, неизвестно. Мобильный отвечает: «Номер не существует». Кредитки давно не работают, и вообще у них срок действия истек. Машину он продал, новую не купил.

— Вот вам и хваленый прогресс, — хмыкнул Костин, — чтобы исчезнуть, надо просто отказаться от всего электронного.

— Угу, — пробормотал Гарик, — простой такой человек с простой такой фамилией Николаев буквально испарился. Но...

Я вздрогнула.

— Повтори, что ты сказал!

— Простой такой человек с простой такой фамилией Николаев буквально испарился, — еще раз произнес Игорь. — Это присказка мерзавца. Он во время следствия постоянно эту фразу талдычил. И в жизни часто ее употреблял. Припев у него был: «Здрассти. Я простой такой человек, с простой такой фамилией Николаев». Когда я материалы дела листал, несколько раз эти слова видел, вот и прилипли к языку. А что тебя насторожило?

Я оперлась локтями о столешницу.

— Я в подъезде дома беседовала с консьержкой, и вдруг появился мужчина, пошел к лифту. Ната его остановила: «Простите, вы к кому?» Незнакомец вежливо ответил: «К Николаеву». Консьержка воскликнула: «Вы ошиблись, в нашем доме таких нет!» А потом тихо добавила:

«Простой такой человек, с простой такой фамилией Николаев совсем в другом месте живет». Бормотнула и замолчала.

— Возможно, это элементарное совпадение, — прогудел Костин.

Я отрицательно покачала головой.

— Вряд ли. Наталья имеет ключи от всех квартир, она забирала йорка Люсю гулять, кормила собаку, когда Реутова отсутствовала. Консьержке совсем нетрудно было подсыпать в бутылку с водой снотворное и оставить ее на тумбочке. Реутова же, не подозревая ничего дурного, налила полную кружку и осушила ее. Это все объясняет. Нет никаких следов борьбы. Правильно, их и не должно быть, Надежда Владимировна сама выпила отраву, считая, что пьет минералку. Почему ее не смутила бутылка, у которой кто-то открутил пробку? Когда мы только въехали в дом, Надежда напросилась к нам в гости, рассказывала о соседях, расхваливала консьержку. Хорошо помню, как она сказала: «Наталья не умеет читать-писать, но невероятно трудолюбива, аккуратна, заботлива. Меня вечерами почти всегда дома нет — обожаю театр, часто посещаю спектакли, — по возвращении вижу: собачка выгулена, кровать разобрана, подушки взбиты и бутылка с водой, которую я на ночь пью, открыта. Наташа никогда не забывает про мой артрит, что мне трудно пробку свинчивать, их же насмерть закручивают». Нет предсмертной записки? Так Реутова и не собиралась из жизни уходить!

— А зачем консьержке ее убивать? — поразился Костин. — Хоть одну причину назови!

— Ильина как-то связана с Григорием, — ответила я. — Допустим, она его девушка.

Костин вскинул брови.

— Симпатичный парень, актер, живет с умственно отсталой особой?

— Внешне она совсем не айс, — отметил Игорь, — грудь, как у подростка, попы нет, сексуальности ноль. Неграмотная. Работает консьержкой. Ходит, как мужик, руками размахивает. Размер ноги, как у слона, руки некрасивые. Лицо не персик. Красится по-уродски. Тени намазюкивает, ресницы клеит, румяна, как у Марфуши.

— Просто девушке хочется выглядеть модно, — парировала я. — И любят не за грудь.

Игорь закатил глаза.

— Ох уж эти утешительные слова для девушек-досок... «Любят не за грудь». Лампа, перестань лукавить. Мужик в первую очередь смотрит на сиськи, потом на задницу. До характера объекта дело порой и не доходит. Нет, у Наташи не было шансов захомутать Григория.

— А если он ее просто нанял? — предположила я. — Ната пользуется доверием жильцов, все спокойно ей ключи от квартир отдали. У девушки дислексия, такая не может прочитать какие-то ценные бумаги.

У меня зазвонил телефон, я взяла трубку и вздрогнула от крика Кисули:

— Лампа, пришел папа Генриетты!

— Чей папа? — растерялась я.

— Нашей Генриетты Карловны! — вопила девочка. — И хочет ее забрать!

— Не открывай никому дверь! — испугалась я.

— А он и не просит его впустить. Я ему сказала: «Уходите, мама спит. Если разбужу ее, она очень разозлится, возьмет топор, и мало вам не покажется».

— Господи, как тебе мысль о топоре в голову пришла? — воскликнула я и выбежала из кабинета.

— Ты же сама меня учила: «Если сидишь дома одна, а кто-то посторонний в дверь звонит, нужно объяснить: «Дома есть взрослые. Мама и папа. Они спят. Уходите. У родителей оружие есть», — зачастила Киса.

Меня охватило удивление. Я говорила подобное?

— Я подумала, что из пистолета промахнуться можно, — тараторила малышка, — а топором точно по лбу попадешь. А он сказал: «Девочка, у вас живет наш... этот... — ну, как-то назвал его, — разбуди мамочку, пожалуйста, я подожду». И не уходит, сел на подоконник.

— Скоро буду, — пообещала я, садясь за руль. — Отойди от двери, не разговаривай с мужчиной.

Глава 40

Спустя час я, Киса и Федор Михайлович сели за стол.

— Очень вам благодарен! — в сотый раз повторил мужчина. — Митрофан большой шkodник, а еще он крайне любопытен. Мы с ним ездили к ветеринару, делали прививку, потом жена позвонила, попросила кое-что в магазине купить, я ушел, запер Митрошу в автомобиле. Подумал: на улице жары нет, мальчик не задохнется.

— Мы думали, это девочка. И в ветеринарной лечебнице пол подтвердили, — смутилась я, — поэтому и назвали его Генриеттой Карловной Сидоровой.

— Прекрасное имя! — восхитился Федор Михайлович. — Теперь будем звать его Митрофан-Генриетта Карловна Сидорова-Гусев. Последняя фамилия моя. Вернулся я из магазина, сел в машину, приехал домой — живу по соседству, — взял переноску, а она легкая. Глядь — дверца открыта, мальчика нет. Это-то меня не особенно удивило, но как он смог автомобиль открыть? Просто невероятно. Хотя... Митроша легко управляет с ключами, врубает телевизор, кофемашину. Ума у него на пятерых. Я его долго искал, бегал по улице, везде объявления повесил, а вот то, что малыш в магазин пробрался и там спрятался, мне в голову не пришло.

— Несообразительный вы, — покачала головой Киса. — А надо...

— Дорогая, Федор Михайлович просто очень расстроился, — попыталась я остановить Кису.

Куда там! Если девочка намерена нечто сказать, ей ничто не помешает. И она затараторила:

— Сразу надо думать так: куда сама потопаешь, если решишь убежать? Так в магазин! Там мороженого полно, а мне его разрешают есть по одной порции в три дня. Можно подойти к продавщице, заплакать: «Я потерялась, если эскимо угостите, душевная рана зарастет». А раз мне в супермаркет захотелось, то и Генриетта должна быть там. Вот как думать надо.

Я уставилась на Кису. Ну и ну... Потерявшись на улице, она не запаникует, а отправится в торговый зал и выпросит эскимо? Просто здорово!

— Я съем все, — фантазировала малышка, — потом двину к директору. «Здрассти, я Арина Вульф. Позвоните моей маме, вот вам ее

номер телефона».

Федор Михайлович прищурился.

— Может, нужно сначала пойти к директору магазина? А уж потом эскимо есть?

Киса вздохнула.

— Нет. Угостят только испуганную глупышку, которая в истерике. Зачем умного ребенка утешать? Ему объяснят: «Не реви, сейчас мать придет». А вот если стоять в зале и реветь, тогда точно все вокруг засюсюкают: «Ой, какая маленькая, несчастненькая, давайте ей пломбир дадим, жалко детку...»

— Не очень красиво вести себя подобным образом, — буркнула я.

— Согласна. Только мороженого очень хочется, — призналась Киса. — А мне его каждый день нельзя. Диатез будет.

Федор Михайлович кашлянул.

— Не одобряя предложенный вами, юная леди, способ приобретения порции эскимо, должен заметить, что мне по душе ваша находчивость и смелость. Дети обычно пугаются, оставшись внезапно одни, а вы не стусуетесь в непростых обстоятельствах, пойдете за мороженым. Самообладание — прекрасное качество. Вы в каком классе? В первом?

— Была в нулевом, — пригорюнилась Киса, — но потом из всех школ ушла. А почему вы зовете меня на «вы»? Я же маленькая.

— В моей гимназии ко всем детям так обращаются, — пояснил гость.

— У вас есть своя гимназия? — удивилась Киса.

— Нет, я работаю директором в обычной муниципальной школе неподалеку от вашего дома, — объяснил Федор Михайлович.

— Погодите, вы Гусев? — спросила я.

— Он самый, — кивнул наш гость.

— Вашу школу все очень хвалят, но мы к вам заявление не относили, — пробормотала я.

— Почему? — удивился директор.

— Я решила, что все равно не попадем, — улыбнулась я. — В классах только по пятнадцать человек, а детей толпа в школу рвется. Поэтому мы отправились в платную гимназию. Но там... Киса, сделай одолжение, посмотри, чем Фира и Муся занимаются.

— Ладно, — неконфликтно согласилась малышка. Пошла к двери, но на пороге обернулась: — Когда закончишь Федору Михайловичу рассказывать, какие в тех школах тетки злые, позови меня.

— Арину трудно обмануть, — усмехнулся Гусев, когда мы остались одни, — девочка умна и сообразительна не по годам.

— Брат ее вообще гений, — похвасталась я.

— Что за сложности у вас с образованием? — спросил Федор Михайлович.

Я рассказала о злоключениях Кисы, директор вынул мобильный.

— Ираида Павловна! Завтра приведут девочку, Арину Вульф. Определите ее в класс к Никите Павловичу. Да, конечно, мать все принесет.

— Спасибо! — обрадовалась я. — Извините за то, что напросилась под вашу крышу. О, у вас учитель младших классов — мужчина?

Гусев встал.

— В нашей школе почти все педагоги представители сильного пола. Как-то так подобрались.

— Можно я уже войду? — крикнула из-за двери Киса. — Вопрос есть.

— Входите, — разрешил директор. — Говорите, я слушаю.

— Где вы Митрофана Генриетту Карловну купили? Я хочу такого своего! — заявила Киса.

— Митрошу мы с женой нашли позапрошлой зимой на улице, — объяснил Федор Михайлович. — Совсем маленького, он у помойки сидел. Кто такой, откуда взялся, понятия не имеем. Необыкновенный зверек. Умный и с потрясающей интуицией. Если Митрофан на кого-то шипит, лучше от этого человека подальше держаться, потому что у вас от этой личности масса неприятностей приключится. Не раз убеждался: Митроша не ошибается.

— Один раз он написал на Наташу, а она хорошая, — возразила Киса.

— Написал? — изумился гость. — Невозможно. Митроша для отправления нужды пользуется унитазом, он очень аккуратен.

Киса принялась размахивать руками.

— Наташа вошла, а Генриетта Карловна, то есть Митроша, как прыгнет на нее, как описает ее! Лампа консьержке новую одежду купила, но Ната не обиделась, только смеялась.

Федор Михайлович сдвинул брови.

— Уважаемая Лампа, дам вам совет: дистанцируйтесь от этой Натальи. Митрофан на моей памяти ни разу так себя ни с кем не вел. Я хорошо знаю: если он на кого-то шипит, этот человек злой. И что особенно странно, Митроша никогда не высказывает гнева в адрес женщин. Никогда! Даже если они не очень приятные, а то и совсем неприятные особы. Отрицательные эмоции он проявляет только в отношении мужчин. Ну, нам пора. Киса, вы можете приходить к нам в гости сколько угодно и играть с Митрошей.

— А где вы живете? — мигом спросила девочка.

— В доме рядом с гимназией, потом дам вам точный адрес, — пообещал Гусев.

Проводив директора, я хотела позвонить Максу, рассказать ему, что Кисуля пойдет, похоже, в хорошую школу, но помешал звонок в дверь.

Я открыла и увидела Нату. Та всхлипнула:

— Евлампия Андреевна, извините! Мне так страшно... Я нехорошо поступила. Очень. Но... я думала... замуж за него выйду...

— За кого? — сухо спросила я.

— За Гришу, — прошептала девушка. — А сейчас он позвонил... пообещал меня убить, если я расскажу про... ну... про... Но я же не знала, что там яд! Окошкина тоже пригрозила... ну... и... вот...

Наташа закрыла лицо ладонями. Я посмотрела на ее некрасивые грубые пальцы с ногтями, покрытыми красным лаком, уже слегка облупившимся, и почувствовала укус жалости.

— Входите и объясните, что стряслось.

Глава 41

Спустя час, когда Наташа рассказала все, что произошло, она спросила:

— Меня теперь выгонят с работы?

Я затруднилась с ответом.

— Ну... кандидатуру консьержки предлагает ДЕЗ, или как там теперь эта организация называется. Но окончательное решение за жильцами.

— Она обещала отдать мне квартиру, однокомнатную, свою старую, — зашептала Ната, — а Гриша... он...

Ильина заплакала.

— Замуж меня звал... Хотя ладно, скажу, раз уже почти все рассказала... Ой, меня тошнит!

Наташа вскочила и опрометью бросилась на лестницу.

— Умойся и возвращайся, — крикнула я ей вслед, — сейчас Вульф домой вернется.

Створки лифта разъехались.

— Тут я, — улыбнулся Макс. — На кого кричишь?

Мы вошли в квартиру, устроились за столом в столовой, и я сказала:

— Наташа приходила, поведала много интересного. Передаю разговор вкратце. Едва она устроилась в подъезд на работу, как к ней спустилась Окошкина и спросила: «Почему ты, молодая женщина, согласилась работать дежурной?» — «Мне жить негде, — честно ответила Ната, — а здесь квартиру дали». Тамара Николаевна скривилась: «Нора кролика. Хочешь удобную большую однушку?» — «Конечно, — кивнула Наташа. — Да где ее взять?» — «У меня есть прекрасное жилье, — ответила Окошкина. — В хорошем районе, пятый этаж, лоджия-терраса, комната двадцать пять метров, кухня двадцать, кладовка, ванная, туалет».

— Неправда, — перебил меня муж, — у Окошкиной до переезда сюда во владении была типовая однушка в блочной пятиэтажке. Расположена она не в самом тихом месте — окнами выходит прямо на МКАД.

— Откуда Наташе правду знать? — остановила я мужа. — В общем, Окошкина спела консьержке песню про пустые хоромы и еще рассказала, что ей снится в последнее время покойный муж-священник, который просит сделать доброе дело — отдать старое жилье бедному человеку, тогда, мол, его душа из ада в рай попадет. Вот поэтому Тамара Николаевна к Наташе и обратилась.

Макс рассмеялся.

— Кем надо быть, чтобы в такую чушь поверить?

— Наташей Ильиной, — вздохнула я. — Доброй, работающей, честной до мозга костей молодой женщиной, которая, увы, не имеет ни малейшего образования и ходит по воскресеньям в церковь. Как-то раз Ната мне сказала, что у нее есть мечта: самой прочесть Евангелие. И добавила, что это, к сожалению, не получится, так как у нее буквы в слова не складываются. Заявление про мужа-священника Нату потрясло. А Окошкина продолжала: «Но есть условие — ты будешь выполнять мои небольшие просьбы». Наташа согласилась и превратилась в бесплатную домработницу Тамары Николаевны.

— Та однушка до сих пор находится в собственности Окошкиной, — отметил Вульф, — Тамара не выполнила свое обещание.

— Верно, — кивнула я. — Она сообщила Наташе, что пока в однушке живет беременная родственница, которая съедет, как только родит, тогда они все договоры с Ильиной и подпишут. Квартирка ей в дар достанется.

— Не было никогда у Окошкиной мужа-священника, — сказал Макс.

— Это еще не все, — вздохнула я. — Помнишь, как мы узнали, что в соседнем доме продается прекрасная квартира?

Муж удивился.

— Конечно. Ты гуляла поздно вечером с мопсами, к тебе подошла Наталья, которая выгуливала йорка Реутовой, вы разговорились.

— И я ей рассказала про шумных соседей, объяснила, что из-за них мы спать не можем. Тогда Наташа нашептала мне про Окошкину, которая чудесные апартаменты продать хочет.

— Ильина тебя не обманула, — улыбнулся Вульф, — хоромы у нас теперь высший класс.

Я внимательно посмотрела на мужа.

— Мы очень радовались удаче — не надо делать ремонт, покупать мебель. Тамара Николаевна попросила сохранить предстоящую сделку в тайне. Квартиру мы приходили смотреть за полночь. Но нас это не очень удивило.

— Да уж, — усмехнулся Макс, — владельцы апартаментов, которые выставлены на продажу, странные люди.

— И не говори, — вздохнула я. — Помню, одна дама потребовала, чтобы мы перед осмотром жилья поклонились ее кошке, иначе та обидится. Другая велела явиться в пять утра, так как хотела показать нам, насколько хорош вид из окон на рассвете. А мужик, который установил на своем балконе странную конструкцию из велосипедных колес, объявил: «Продам

квартиру с условием, что вы не тронете антенну связи с инопланетянами. И буду приходить к вам каждый день, потому что в семнадцать сорок восемь надо принимать сигнал от внеземной цивилизации. Не меняйте замки». Поэтому желание Окошкиной показать квартиру в полночь нас не поразило. Кстати, Тамара Николаевна выглядела совершенно адекватной, никак не походила на сумасшедшую. Потом ты еще проверил ее, и ничего дурного не обнаружил.

— Ну, я удивился, когда выяснил, что скромный провизор приобрела апартаменты за весьма крупную сумму, — перебил меня муж, — но ведь у нее мог быть богатый любовник, который сделал ей подарок. Или, скажем, она наследство получила без оформления. Таких случаев много. В конце концов, квартира в ее собственности находилась давно, а я не налоговый инспектор. Да и агентство тщательно изучило жилплощадь, та оказалась без проблем, никаких малолетних детей или психбольных среди владельцев нет. Идеальный вариант.

— Слушай дальше. Окошкина велела Наташе во что бы то ни стало сделать так, чтобы я заинтересовалась ее квартирой. Но упоминать о том, что инициатива исходит от самой Тамары Николаевны, запретила. Сказала: все должно выглядеть так — во дворе Ильина разговорилась по-соседски, так Романова узнала о жилье, выставленном на продажу. И я попала на удочку. А теперь скажи: зачем Окошкиной потребовалось продавать хоромы именно нам? Ведь Тамара Николаевна разработала целую военную операцию, чтобы вселить нас в свое жилье. Почему?

Вульф взял телефон.

— Гарик! Изучи биографию Окошкиной до Рождества Христова. Интересно все, что накопишь. У нас возникло подозрение, что Тамара Николаевна здорово лукавила. Похоже, она специально поселила нас с Лампой в свои апартаменты. Что ты думаешь? Хотела, чтобы мы заинтересовались соседями? Возможно. Мне самому эта мысль в голову пришла.

Я помахала рукой.

— Я не успела договорить. Уехав из дома, Окошкина постоянно находилась в контакте с Наташей. Именно она велела ей рассказать мне про белый фургон и его водителя. И я, естественно, ухватилась за информацию. У меня никаких подозрений не возникло, я подумала: наивная консьержка просто описывает то, что видела. Ну а потом Тамара Николаевна вручила Ильиной бутылку с минералкой, той самой, которую употребляла Реутова, и велела поставить ее на тумбочку у ее кровати. Надежда выпила минералку, и все.

— Так, — пробурчал Вульф. — Пошли к консьержке.

Мы с мужем спустились в подвал. Макс постучал в дверь, но ответа не последовало.

Я забеспокоилась.

— Ната убежала посреди разговора, потому что ей стало плохо. Вдруг она сознание потеряла?

Макс дернул ручку, дверь открылась, мы вошли внутрь. В помещении стояла кромешная тьма. Макс вынул телефон, включил фонарик. Свет выхватил из мрака узкую кровать. На ней лежал кто-то, с головой закутанный в одеяло.

— Перенервничала и заснула, — зашептала я. — Давай завтра утром к Наташе зайдем, не хочется ее будить.

— Никогда не откладывай на завтра то, что можешь выяснить сегодня, — заявил Макс, приблизился к кровати и потряс консьержку за плечо: — Наталья! Нам надо срочно побеседовать с вами. Очнитесь.

Девушка не пошевелилась, не откликнулась. Мне вдруг стало страшно.

Вульф резким движением сдернул одеяло.

— Окошкина! — ахнула я. — Тамара Николаевна! Макс, она мертва!

— Угу, — пробормотал муж, — точно не живая. Я не эксперт, но, похоже, ей сломали шею. Сейчас вызову Олега.

Я попятилась.

— Где Наташа? Представляю ее ужас — пришла домой, а тут труп... Ильина небось перепугана до последней степени. Кто убил Тамару Николаевну? Макс, может, Нату похитили? Вероятно, убийца находился здесь, когда она от меня прибежала...

— Скоро приедет Фокин, — мрачно перебил меня муж. — Иди домой. Я тут покараулю.

Глава 42

Утром нас разбудил звонок.

— Боже, кто это в такую рань? — простонал Макс. — Сделай одолжение, скажи, что нас нет дома.

— Если учесть, что сигнал подает аппарат, установленный в квартире, это самые подходящие слова, — зевнула я и потянулась к трубке. — Вообще-то уже пол-одиннадцатого, просто мы легли спать в шесть утра. Алло...

— Евлампия, — сказал мужской голос, — вас беспокоит Сергей Петрович Каменев. Похоже, убийца моей матери найден.

Я включила громкую связь.

— Да, у нас есть подозреваемый. А вы откуда знаете, что мы близки к завершению дела? Не в наших правилах докладывать клиенту, если работа полностью не завершена, и...

— В жизненные правила господина Вульфа вмешалась пресса, — перебил Каменев, — включите канал «Желтуха».

— Вашего злейшего конкурента? — поразила я.

— Они собрали хороший рейтинг на утреннем шоу «Привет, люди», — продолжил Сергей Петрович. — Я спал, проснулся недавно, а в телефоне куча эсэмэсок. Видео выложено на их сайте, еще на «Ютьюбе», в общем, разлетелось по Интернету.

Из трубки полетели короткие гудки.

Макс встал и пошел в столовую, я побежала за ним, радуясь, что Роза Леопольдовна вышла из отпуска. Няня, как всегда, появилась в шесть утра и занялась Кисой, отвела ее в школу.

— Свари кофе, а? — попросил Вульф, щелкая пультом.

Я взяла банку с арабикой, открыла крышку и вдруг услышала хорошо знакомый голос консьержки:

— Здравствуйте, меня зовут Наташа Ильина. Я не умею ни писать, ни читать, потому что страдаю дислексией и дисграфией...

Мои руки дернулись, зерна посыпались на пол. Муся и Фира кинулись их подбирать, но мне было не до мопсов. Я во все глаза уставилась на экран телевизора, который демонстрировал лицо Натальи, как всегда, переборщившей с макияжем. Веки ее покрывали многослойные цветные тени, брови пугали шириной и чернотой, карикатурно длинные, загнутые и слишком густые ненатуральные ресницы навевали воспоминания о

деревенском заборе, который окружает огород. Консьержка походила на перезревший персик, ярко-красный румянец Марфуши из сказки про злую мачеху и ее ленивую дочь. Оранжевая помада на губах, сильно увеличенных с помощью розового карандаша, густая челка и копна кудрей довершали образ.

— Из-за того что я никогда не училась, работаю домработницей или консьержкой, — вещала Ильина. — Мне хочется счастья, любви, я мечтаю о семье, о детях... Но никто из мужчин внимания на меня не обращал. Потому что я, сами видите, не очень красивая. А если косметику смыть, то прямо уродина. И руки вон какие корявые, и ноги здоровенные, и груди нет... Зачем я мужчинам? Но я долго молилась боженьке, просила его послать мне суженого. И вот явилось чудо — я познакомилась с Гришей Николаевым. Он красавец! Актер! Снимается в сериалах! Очень умный! Замечательный! И он меня полюбил. По-лю-бил. Навсегда. Но жениться на мне Гриша не мог, потому что в его сердце жила огромная боль. У Григория был любимый папа, Александр Сергеевич Николаев, который работал в полиции. Честный, умный, прекрасный человек, отличный отец. А потом его арестовали. Почему? Следователь искал, искал мерзкого человека, который помогал бежать из заключения маньякам и убийцам, но не нашел и получил по шапке от начальства. Тогда он подставил Александра Сергеевича — оговорил его, сфабриковал улики, так все сложил, что отца Гриши сочли виновным, судили и отправили на пожизненное заключение. Совершенно невинного человека! Думаете, так не бывает? Ха! Очень часто бывают. Какого-нибудь полицейского за нерадивость премии лишают, а он берет и невинного под монастырь подводит, чтобы собственную задницу спасти. Вспомните Чикатило! Сначала-то расстреляли невинного человека, а уж потом, спустя большое время, настоящего преступника нашли.

— Да, было такое, — пробормотал Макс, — теперь это аргумент для тех, кто в полицию камни швыряет. Крыть тут нечем. Случилось несчастье. Ужасная ошибка! Трагическая! И очень редкая.

— Знаю, — шепнула я. — У Чикатило было разное ДНК слюны и биологических жидкостей. Его один раз задержали, анализ взяли изо рта, он не совпал с пробой, которую брали из жертв. Чикатило отпустили. Спустя некоторое время стало понятно: он и есть тот самый маньяк. Его снова задержали, но тогда уже взяли ДНК всех жидкостей: пот, кровь, слюну... И нашли совпадения. Случай с Чикатило редчайший. Это был человек-химера. Вроде сейчас в мире зарегистрировано около пятидесяти случаев химеризма — людей с разными ДНК в одном теле.

Наташа тем временем говорила дальше.

— Александр Сергеевич совсем был не виноват, но его признали злодеем. Гриша лишился всего! Свою квартиру он продал, чтобы раздать взятки полицейским, которые пообещали ему отца вызволить.

— Во врет! — возмутился Макс.

— Нет, ей кажется, что говорит правду, — возразила я. — Наивная Ната влюблена без памяти и повторяет то, что Григорий ей в уши вложил.

— Говорят, сын за отца не отвечает, — не останавливалась Ильина, — может, в какой-то стране это и так, но в России конкретно иначе. Гришенька лишился работы, у него отняли роль в сериале, актер, который ее вместо Николаева исполнил, получил и славу, и деньги. Но изначально в проект пригласили Гришу, подписали с ним договор, начались съемки и... Все рухнуло. Канал «Болтун» — мерзкое телевидение. Оно всегда врет в отличие от «Желтухи», где я сейчас нахожусь.

Макс стукнул кулаком по столу.

— Этой наивной девице за выступление деньги отсчитали!

У меня не нашлось возражений.

— «Болтун» показал программу про Александра Сергеевича, — тараторила Наташа, — и массу времени уделил Грише, утверждая, что у многих убийц дети тоже преступники. Вот сын Чикатило уголовником стал.

— Надоела она мне с ее упоминаниями чудовища! — взвился Макс.

— Тсс... — шикнула я, — давай дослушаем.

— Гришеньку отовсюду выгнали, — ныла Наташа, — он голодал, бомжевал, питался с помойки... И, слава богу, встретил меня. Я насобирала немного денег, сняла нам комнату, нашла Гришеньке службу, пусть не престижную, но деньги платили. Он мне колечко купил и сказал: «Не могу сыграть свадьбу, пока эти сволочи — Лаптевы, Венькины, Цыганковы, Реутова и другие, кто им помогает, — не наказаны». Я не поняла, о ком он говорит, и Гришенька рассказал мне о страшных людях — убийцах, организовавших команду отлова и казни несчастных, чаще всего невиновных людей, которых подставили полицейские.

Наташа стала в деталях рассказывать о том, как работала команда Реутовой. Она называла имена, фамилии преступников, врала, что всех их казнили в квартире на первом этаже нашего дома...

— Вот с...! — выпалил Макс. — Вот гадина! Вот!..

Мой супруг взрослый мужчина, он свободно владеет ненормативной лексикой, но до сих пор ни разу в моем присутствии так не ругался. Конечно, я тоже знаю всякие разные слова, но считаю, что женщине не стоит ими пользоваться. Сегодня же все шло не так.

— Идиотка! Что она несет? — закричала я. — Нет, какая...

— Ты правильно заметила: влюбленная дура повторяет то, что вложил в ее глупую голову Григорий, — прошипел Макс.

— Конечно, я помогала любимому, — лепетала Наташа. — Он мне дал паспорт на имя Людмилы Ершовой, и я устроилась домработницей к Петру и Маргарите Венькиным. Очень им понравилась, да и на самом деле работала я хорошо. А спустя некоторое время стала подсыпать хозяйке в еду одно лекарство. Не скажу, какое, это секрет. Когда у Венькиной в организме накопилась определенная доза, она стала кретинкой. Убивать ее Гриша не собирался. Зачем? Пусть живет инвалидом. Бабе плохо, а тем, кто ее окружает, вообще беда. Чтобы Венькины как следует прелесть жизни с сумасшедшей душой ощутили, я от них всех сиделок отгоняла. Петр убил любимого папочку моего Гришеньки? Вот пусть и получит жену психованную. Лучше оставить человека в мучениях моральных, они намного сильнее ранят, чем физическая боль. А смерть — это же конец. Раз — и нет человека, нет мучений. Это неинтересно. Когда мы наказали Маргариту, Гриша решил открыть всем, чем занимается со своими бандитами Петр. Непростое дело предстояло — нам требовались всякие документы, доказательства. И я устроилась лифтершей в подъезд, где вся шобла жила.

Ильина захихикала.

— Они меня дурочкой считали, а себя самыми умными. А получилось совсем наоборот. Зафигом они вообще консьержку завели? К чему им там, в доме казней, лишний свидетель был? Этому есть простое объяснение: ленивые они очень. Вот и понадобился человек, чтобы мусор их выносил, с собаками гулял, подъезд мыл, посторонних не впускал и так далее.

Наташа сложила руки на груди.

— Дом, где все они жили, Петр Венькин сам строил. И по-особому его спланировал. Про подземный ход я вам уже сообщила. Спросите, а почему у них мусоропровода нет? Да потому, что вместо него тайная лестница сделана. Выход на нее из каждой квартиры есть, в гардеробной. Но он очень хитро спрятан. У Окошкиной, например, дверца так захована, что ни Лампа, ни Вульф ее до сих пор не нашли. Да эти лопухи ее и не искали, обрадовались, что им квартира с мебелью досталась и ремонт делать не надо.

Мне редко хочется дать кому-то в нос, но сейчас желание треснуть Наталью стало таким острым, что я подскочила на стуле. У Вульфа покраснела шея.

— Спокойствие, только спокойствие, — пробормотала я, — давай уж до конца ее выслушаем.

— Как Вульфы попали в этот дом? В принципе, случайно, — объясняла зрителям канала Наталья. — Не было у нас плана их впутывать. Зачем они нужны? Но тут Окошкина решила сбежать из команды и попросила меня тихонечко людей из соседних домов поспрашивать, может, кто заинтересуется ее апартаментами. Боялась она, что Реутова про ее замысел о побеге узнает. А я в тот же день пошла гулять с собакой Надежды Владимировны и наткнулась на бабу, которая жаловалась на шумных соседей. Вот вам крест, я не знала, кто она, просто подумала: если Окошкина смоемся, будет у Реутовой геморрой, а Грише, значит, хорошо. Мы же с ним все равно будем знать, где она поселится. Окошкина небось меня попросит ей со шмотьем помочь, сама побоится его таскать. И точно! Беглая предательница, как только у нее с Вульфами все срослось, давала мне небольшие пакетики, а я отвозила их на снятую ею квартиру. Ну и Гриша мне сказал: «Все, что ни происходит, к лучшему. Побег Окошкиной — основной кол в команду Реутовой. А если она сама на тот свет отчалит, всем каюк. Петр-то Венькин покойник. Без него команда шатается. Только благодаря Реутовой еще и пашет. Уберем ее — остальные мрази останутся без головы и кошелька. Вот тебе лекарство, насыпь его Реутовой в минералку. Блистеры положи на тумбочку. Все должно быть похоже на суицид, но вызывать сомнения. По моему расчету Каменев, сынок Реутовой, обратится к Вульфу, который по соседству с его мамашей поселился. Используем переезд Максима и Евлампии в своих целях, поиграем со всеми. Давай повеселимся!»

Наталья расплылась в улыбке. Затем рассказала, как она отравила воду, сообщила мне про фургон и шофера Ивана, похвасталась:

— Это я позвонила Юрию, когда водитель мини-вэна в квартире убирал. Спросите, откуда Иван узнал, что Реутова умерла и надо ехать в апартаменты порядок там наводить на всякий случай? Кто ему звякнул, знаете? Правильно, я. Да, это я их всех вместе столкнула, для Евлампии представление затеяла. Я ее постоянно направляла, невзначай подсказывала, куда идти, с кем говорить. Лампа мне помогала. Ею легко вертеть, глупая она. Вот только с Юрием заковыка произошла. Венькин...

Ильина хитро прищурилась.

— Вернусь к вопросу, почему именно меня взяли лифтершей для обслуживания жильцам дома, которым лень самим мусор выносить. Ответ на него такой. Я, повторяю, дислексик и дисграфик. Читать не умею, писать тоже. В общем, дурочка я. Но трудолюбивая. До меня там сидела тетя с синдромом Дауна, очень милая. Она обрадовалась, когда Гриша ее в хороший дом престарелых пристроил, такой, где постояльцев любят, не

бьют, голодом не морят. Ей там отлично. А я села в подъезде. И все жильцы вручили мне ключи от своих квартир. Но!

Наташа взяла лежащую на столе газету и начала читать вслух:

— «Вся правда о жизни звезд в газете «Болтун»...» Да, да, на самом деле я грамотная.

С лица Натальи сползла улыбка.

— И имею диплом вуза. В Москве живет бедная сирота Наталья Ильина, безграмотная девушка, дислексик, дисграфик, дитя неблагополучной семьи, но я — не она. Кто я? Об этом чуть позже. Откуда у меня паспорт Наташи? Гриша дал. Где он его раздобыл? Я не спрашивала. Я люблю Григория. Я очень люблю Николаева. Очень! Я ради него на все готова! Что у меня нет проблем с чтением, не понял никто, кроме... Юрия. Это случайно получилось. После того как он с Евлампией поговорил, старший сын Венькина домой позвонил, потом меня попросил: «Сделайте одолжение, пустите в туалет!» Мне не жалко, я ему показала куда идти. Да только в моем санузле на крышке унитаза лежала книга Смоляковой. Венькин вышел и на меня напал: «Ты же умеешь читать! Зачем безграмотной прикидываешься? Плати мне деньги за молчание! Прямо сейчас давай, иначе я к Вульффу пойду и сообщу, что консьержка грамотная». Я испугалась, позвонила Грише, тот велел трубку Юрию дать. Мне любимый сказал: «Не волнуйся, сегодня рано утром я встречусь с гаденышем в районе Тимирязевского лесопарка, получит он за все по заслугам».

— Юрия задавил Григорий, — подпрыгнула я.

Макс кивнул. А Наташа продолжала говорить:

— Грише нравилось водить Вульфа и Романову за нос. Мы с ним здорово повеселились, дергая горе-сыщиков, как марионеток, за ниточки. Например, я убедила Евлампию, что меня на разные нехорошие поступки подбила Тамара Окошкина. И Лампа поверила!

Наташа расхохоталась.

— Если кто хочет обратиться к Макс за услугами, лучше не надо. Он идиот, его жена дура, сотрудники кретины. А Окошкина — жадная тварь! Повесив Лампе лапшу на уши, я сделала вид, будто меня сейчас стошнит, и спустилась к себе. Мне предстояло взять сумку и уйти. Все было закончено — команда развалилась, Реутова, Петр и Юрий Венькин мертвы. Остальные пусть живут. Ольге предстоит маяться с больной матерью, желаю Маргарите очень долгих лет жизни. Цыганковы и Лаптевы станут нищими, продадут шикарные квартиры, уедут в свои норы и живо спустят вырученные деньги, будут ходить в рваных башмаках. Можно было им чего

покруче устроить, скажем, инвалидность, как Маргарите Венькиной... но... Короче! Вам меня не поймать. И не старайтесь. Ну, а теперь — самое интересное...

Наташа нагнулась, потом выпрямилась и водрузила на стол, за которым сидела, большую пластиковую бутылку. Рядом с ней она положила ватные диски, отвернула колпачок, щедро намочила один диск и посмотрела в камеру.

— Внимание, фокус-покус! Во всех сказках лягушка превращается в царевну. И сейчас на ваших глазах...

Ильина провела рукой по векам, смыла краску, отклеила ресницы, сняла густой слой тона, помаду...

У меня отвисла челюсть. Макс тоже сидел, не шевелясь. Но когда Наташа быстрым движением руки сняла парик, из груди Вульфа второй раз за утро вырвалось нецензурное выражение.

— И снова здравствуйте, — произнес наголо бритый молодой мужчина. — Я — Григорий Николаев. Простой такой человек с простой такой фамилией. Но гениальный актер. Никто не понял, что Наташа Ильина на самом деле мужчина. Лифтершу считали несимпатичной тощей девицей, которую бог обделил и приятной внешностью, и умом. И ни одному жильцу дома, включая частных детективов, не пришло в голову, что чудовищный нелепый макияж скрывает мужчину. А это я. И сейчас я не произнес ни слова неправды. Все, что говорил, — истина. А как же заявление: «Я очень люблю Гришу»? Так, конечно, я люблю себя. Я себя обожаю. Я у себя на первом месте. И те, кто отнял у меня, умного, бесконечно талантливого, даже гениального актера, главную роль в сериале, мою теле- и кинокарьеру, мою славу, мои деньги, они все теперь наказаны. Наверное, вам хочется узнать, кто мне помогал? На свете есть прекрасная богатая женщина, с которой я уже уехал далеко-далеко. Ее имя вам не выяснить. Да, мы умчались прочь. Эта запись была сделана в ночь перед тем, как мы покинули Москву. С «Желтухой» я заранее обо всем договорился. В том числе и об этом моем выступлении в прямом эфире.

Григорий помахал рукой.

— Сергей Петрович, прощайте! Надеюсь, ваш «Болтун» не выдержит конкуренции и пойдет ко дну. Евлампия, вы чудесная женщина, обожаю вас за наивность и глупость. Поцелуйте Макса, он милашка. Передайте привет Олегу Фокину, он такой серьезный... прямо настоящий следователь. И еще. Будьте осторожны! У меня же были ключи от всех ваших квартир. Кофе пьете? Лекарство, которое свело с ума Маргариту Леонидовну Венькину, не имеет ни запаха, ни цвета, ни вкуса, легко растворяется в чем угодно. Даже

если на зерна арабики его налить, оно просто высохнет. Но когда вы сделаете из них порошок, а потом зальете его горячей водой...

Я вскочила, схватила со столика чашки, свою и Макса, и поставила их в мойку.

А Григорий вдруг расхохотался, как будто видел то, что я сделала. Экран почернел, на нем возникло изображение желтой ленты с надписью «Закррито».

— Кофе-то мы уже выпили, — пробормотал Вульф. — Он блефовал, чтобы мы испугались и все продукты и лекарства выкинули. Нарочно хочет посеять страх, панику.

— Ты уверен? — прошептала я. — У Наташи, то есть у Григория были ключи. Генриетта Карловна! Мерзавец обманул всех, кроме зверушки. Директор гимназии Федор Михайлович сказал, что Митрофан всегда чует плохих людей. Гусев верит котопсу, и если тот на кого-то шипит, директор школы старается с этим человеком дел не иметь. Когда Киса рассказала, как найденыйш описал консьержку, Гусев очень удивился: «Он только на мужчин сердится. Женщинам все прощает». Я решила, что Федор Михайлович идеализирует Митрофана, как все хозяева, преувеличивает ум домашнего любимца.

— Но Наталья Ильина оказалась именно мужиком, — буркнул Макс. — И почему я не понял, какого пола сия особь в боевом раскрасе? Ну ладно ты, наивная и добрая. Но я... Я тоже в дураках оказался!

Эпилог

Все продуктовые запасы я выкинула. На помойку отправились также парфюмерия, бытовая химия, лекарства. Но мы с Максом, несмотря на выпитый кофе, ничем не заболели.

Квартира лифтера пока не занята, в подъезде нет консьержки. В дом ходят разные люди, которые смотрят выставленные на продажу квартиры.

Цыганковы и Лаптевы уехали. Какова будет их дальнейшая судьба, где они живут, я понятия не имею. Но знаю, что Светлана с Михаилом и Вера с Зиновием Павловичем наняли адвокатов, которые сопровождают их на допросы к Фокину. Сегодня Олег, приехав к нам, сказал, что все его сотрудники и вышестоящее начальство считают команду Реутовой чуть ли не героями и скорей всего ее членов никак не накажут за незаконную деятельность по поимке беглых преступников. Сам Олег тоже на стороне тех, кем руководили до своей смерти Петр Венькин и Надежда Реутова.

— Во многих странах мира человек, который сообщил полиции о местонахождении бежавшего из заключения преступника, получает денежную премию. А у нас могут самих хантеров наказать, — заявил он Макс.

— Ключевое слово тут «полиция», — рассердился Вульф. — Если бы Надежда Владимировна и Петр Юрьевич сообщали о тех, кого разыскивают, в Главное управление исполнения наказания, им бы точно «спасибо» сказали. Даже прокричали. Но они решили сами исполнять приговор.

— Так казнили-то одного Николаева, — возразил Олег.

Я решила не принимать участия в споре, взяла Мусю с Фирой и повела их гулять. Через пять минут из подъезда вылетел красный потный Фокин, запрыгнул в свой автомобиль и умчался. Спустя короткое время во дворе появился Макс.

— Поругались? — вздохнула я.

— Не сошлись во мнениях, — пояснил муж. — Смотри, пони! С повозкой!

Я обернулась и увидела Родриго с восседающим на облучке Сергеем.

— Лампа! — закричал Максимов. — Всего полчаса, и я завершу опрос!

— Это кто? — изумился Вульф.

Я не успела ответить — к повозке с радостным криком «Лошадка!»

бросился мальчик лет семи.

— Родриго пони, — объяснил Сергей.

— Дядя, вы можете меня покатасть? — спросил ребенок.

— Конечно, — кивнул Максимов. — Как только мама твоя заплатит, так сразу.

— Не собираюсь давать вам деньги, — фыркнула полная женщина в дорогой кожаной куртке с меховой опушкой. Ее лицо почему-то показалось мне знакомым.

— Очень хочу покатасться! — канючил мальчик.

— Нет! — отрезала мать.

— Очень-очень-очень хочу! — со слезами на глазах ныл ребенок.

И снова услышал сердитое:

— Нет!

— Эхма! Садись так, — разрешил мальчугану Сергей. — Понимаю, денег нет. Сам частенько без рубля в кошельке оказываюсь. Но мне не жалко тебе удовольствие доставить. Залезай!

— Кто дал вам право разрешать моему сыну то, что я запретила? — заорала тетка.

— Так... ну... раз в кармане пусто... я порадуя его... — забормотал психолог.

— У меня столько денег, что я могу купить и это грязное животное, и убогую повозку, и вас, — пошла в атаку дама.

— Родриго чистый, — возразил ученый.

— Все животные свиньи! — перешла в режим ультразвука тетка. — У них блохи, глисты и всякие болезни! Не смейте подрывать мой родительский авторитет!

— Ну мама... — заплакал мальчик, — ну мамуля... ну мамочка Раечка... ну Раиса Федоровна дорогая, любимая... Как еще к тебе обратиться, чтобы ты разрешила...

Дама отвесила ему затрещину.

— Не вой! Мужики не льют слюни. В семье Пятаковых истериков нет.

И тут меня осенило:

— Вы Раиса Федоровна? Пятакова? Автор книги по воспитанию детей и владелица частной гимназии?

— А вам какое дело? — взвизгнула женщина. — Чужое мнение меня не интересует!

— У меня есть ваша книга, — растерялась я. — Знаю ее наизусть, там написано: «Детей бить нельзя». И еще: «Мальчику не надо говорить: «Мужики не плачут». А вы сами-то...

Пятакова дернула сына за руку.

— Уходим. Замолчи немедленно. А вы, дама, не лезьте со своими разговорами куда не просят. С собственным ребенком я веду себя так, как хочу. Ваши мысли мне неинтересны.

— Ух! Прямо огонь! — покачал головой Максимов, глядя вслед Пятаковой, которая быстро уходила прочь, таща за собой рыдающего сына.

Максимов развернул повозку, нагнал Пятаковых, остановился, схватил малыша, посадил его в повозку и закричал:

— Родриго, вперед! Аллюр три креста!

Пони понесся, мальчик рассмеялся.

— Я вас в полицию сдам! — негодовала Пятакова.

— Сначала догоните меня! — проорал психолог. И добавил чуть тише: — Не беспокойтесь, сделаем кружок и вернемся. Ждите нас у супермаркета.

Макс взял меня за руку.

— У тебя лицо, как у малыша, у которого отняли конфету.

— Пятакова написала книгу о воспитании детей, я ее считала настольной, — пробормотала я. — Частенько себя ругаю, что не удастся стать хорошей матерью, вечно Кисе что-нибудь не то говорю, не так поступаю, не могу постоянно следить за собой. А сейчас увидела, как автор книги своего сынишку гнобит и... Ну прямо не знаю, что и сказать! Неприятно видеть злобу, которую любой человек проявляет по отношению к ребенку, но чтобы так себя вела Раиса Федоровна Пятакова... Мне прямо плохо стало!

Макс обнял меня.

— Американец, автор книги «Как сохранить брак», застрелил свою жену и выложил в «Фейсбуке» фото ее трупа. Дейл Карнеги, написавший книгу о том, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей, умер в полном одиночестве. Мария Монтессори, гуру педагогики, отдала своего сына в приемную семью, потому что решила посвятить себя чужим детям. Я думаю, это все, что тебе надо знать про разных гуру, коучеров, бизнес-тренеров, которые учат людей быть счастливыми. Лампуша, главное — любить своего ребенка. Если каждый родитель будет просто любить сына или дочку, в мире не станет брошенных детей. А те, кто по воле судьбы оказались сиротами, обязательно обретут приемных отца и мать, потому что, если человек любит своих детей, он не останется равнодушным и к горю чужих. Все очень просто. Любовь согревает изнутри.

Макс замолчал, потом улыбнулся.

— Любовь согревает всех, поэтому любовь очень нужна, когда в доме

отключают отопление.